

16+

Олег Фурашов

Са, Иса и весь мир

Олег Владимирович Фурашов

Са, Иса и весь мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65045236

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга о самом известном Человеке на Земле. О самых неизвестных страницах Его биографии – детстве и юности. О том, как каждый шаг отзывается в нашей судьбе. Ни один летописец или биограф не сможет возразить: "Такого не было!" Ибо повествование основано на подлинных событиях, почерпнутых из исторических источников. Это сказ о том, что мы созданы для любви. Почему в каждом из нас живёт этот Человек? Потому, что каждый из нас живёт в Нём...

Содержание

Олег Фурашов

Са, Иса и весь мир

Пролог

В каждом из нас живёт самое первое воспоминание о самом себе. В известной степени оно случайно. И может быть не самым значимым. Но одно несомненно: оно важно в том смысле, что является точкой отсчёта, с которой начинается формирование личности. Ибо человек в полном смысле этого слова, как индивидуальность, как субъект, как творец самого себя возникает в этот момент, с которого и начинается формирование его отношение к внешнему миру, зарождается обратное, персональное влияние его на окружающую действительность.

Маленький Иса помнил себя с того вечера, когда мама, баюкая его, пела колыбельную мягким чистым голосом. Она пела о том, что Бог послал ей любимого ангелочка, и она благодарила за это небеса. Иса хотел спать, у него слипались глаза, но ему так нравилось мамино пение, что он терпел до последнего.

Благосклонно внимая маминому вокалу, в унисон ей мурлыкала кошка Мура, греясь близ очага. Даже козочка Дося в своём загоне согласно кивала бородатой головой с малень-

кими рожками.

И только седой Ос, сидя напротив молоденькой певицы на каменном ложе, устланном матрасом, иронично морщился и шуточно говорил ей: «Ма, да ты бы уж не пела. Пускай лучше Иса кричит!»

Много позже до Исы дошло, что таким образом старый Ос просто балагурил. У Оса было особенное чувство юмора, во-первых, а также отсутствие музыкального слуха, во-вторых.

Мама же Исы воспринимала безобидные насмешки Оса с улыбкой, продолжая баюкать малыша.

Огонь в очаге дарил их семье тепло, отблески пламени рождали причудливые тени на стенах пещеры, и Иса умиротворенно засыпал, думая о том, что утром мама напоит его свежим козьим молоком, накормит вкусной кашей, а Ос в очередной раз поведает ему какую-нибудь занятную историю. И это всё, что нужно Исе. И в этом заключается вся жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО ЕСТЬ Я?

Глава первая

1

Вторым воспоминанием Исы было то, как седой Ос ве-

щал ему старинные предания. Если певец из Оса был «никакой», то рассказчик он был потрясающий. Яркими красками он описывал былины из истории Древней Реи. А спустя какое-то время уже сам Иса пересказывал их по памяти. По собственному почину. Чему Ос и Ма очень удивлялись: их малютка ходить-то едва-едва умел, но слова без труда складывал в длинные фразы, а последние – в объёмные пересказы, не упуская ни одной услышанной им детали.

Ос не только устно повествовал о прошлом Древней Реи, но и изредка зачитывал старинные притчи из папирусных свитков. Изредка – потому что свитки он очень берёт и их у него было мало.

Ису заинтересовали таинственные квадратные знаки, нанесённые на папирус, которые Ос переводил в слова. И мальчик заинтересовался ими. Ос, не особо уповая на положительные результаты обучения в младенческом возрасте, тем не менее, не без любопытства растолковывал малышу значение каждой из букв. Каково же было потрясение старика, когда он стал проверять усвоение учеником пройденного материала: тот с первого раза запомнил почти все буквы.

– Эта? – тыча пальцем в очередную букву на втором по счёту уроке, и не веря ушам своим, спрашивал Ос воспитанника.

– К. Коза, – отвечал ему тот.

– Молодец, Иса! А эта?

– Б. Бык.

– Молодец, Иса! Ну-ка, а вот эта?

– В. Вода.

– Молодец, Иса! Ну, а эта? – ткнул пальцем в букву "П" экзаменатор.

– Э-э-э-э... – в затруднении поднял глаза кверху смущённый питомец.

– П! – опережая его, промолвил довольный учитель.

– Молодец, Ос! – подражательно похвалил того Иса.

И оба дружно засмеялись. Вернее, сначала Ос, тотчас за ним – Иса, а чуть позже к ним присоединилась и Ма. Уж она-то и без всякой проверки изначально знала, что её любимец – самый необыкновенный из сыновей человеческих.

Вероятно в седом Осе, который был мастеровитым плотником и каменотёсом, в молодости едва не умер замечательный педагог, так как с малышом он занимался с увлечением и весьма изобретательно. На дворе стоял сезон дождей, больших заказов не было, и потому старик располагал свободным временем. Ан было бы крайней несправедливостью не упомянуть, что и подопечный ему достался исключительно толковый.

Так, Иса сходу улавливал не только внешнюю геометрию предметов, но и распознавал их вслепую, на ощупь. Ос завязывал ему полотенцем глаза, а затем давал в руки различные вещи.

– Круглое. Колесо от тачки, – трогая деталь, определял её принадлежность экзаменуемый.

– Молодец, Иса! – одобрял его смекалку наставник, заменяя предмет. – А это?

– Кубик, – опознавал обрезок от бруска мальчонка.

– Молодец, Иса! – лестно отзывался учитель. – А это?

– Сандалька, – угадывал вручённый ему объект малыш. И понюхав его, скривившись, добавлял: "Сандаля Оса".

И снова дружная троица заразительно хохотала над смешной ситуацией.

Иса был любимцем их небольшой и дружной семьи, а также объектом всеобщего обожания. Даже кошка Мура спала исключительно с ним. Да и козочка Дося, когда мальчуган подходил к её загону, вставала на задние ноги, обнюхивала его и лизала волосы на макушке, словно Иса был козлёночком.

Однако малыш никогда не зазнавался и всегда заботился о других. Ему также нравилось дарить добро ближним своим, как они щедро делились с ним. Как, например, та же Дося, радостно и бескорыстно жаловавшая ему своё молочко. Только однажды, спросонок, мальчик оплошал. Да и то лишь поначалу.

В то утро малыш проснулся от того, что в пещеру постучали. Ма отодвинула щеколду на двери. Открыв дверь, внутрь зашёл Ос. В правой руке он держал маленькую глиняную плоску, которую поставил в нишу стены, где лежали игрушки. Это значило, что Ос принёс подарок для Исы.

Мальчик вскочил с лежанки, подбежал к Осу и полюбопытствовал:

– Это что такое моё в миске?

– Это тебе Ос...дикий мёд принёс, – заглянув в миску, почти стихом пояснила Ма, подошедшая к ним от очага.

– Мё-од? А это что? – глядя на тугую золотистую жидкость, спросил малыш.

– Это самое сладкое на свете, – сказала Ма. – Кушай, маленький.

– Не-е, это не моё, – спохватившись, заявил Иса. – Это наше! Сначала поешь ты, мамочка, потом – Ос, а уж затем – я.

– Да мёда же и так...чутьочку, – улыбнулась Ма.

Она взяла чистую палочку, которой обычно замешивала тесто, обмакнула её в миску, после чего слизнула несколько ароматных янтарных капель сама, а также дала на пробу Осу. При этом взрослые причмокивали, щурили глаза и говорили: "Ой, как вкусно!"

Наконец, настала очередь Исы. Такого восхитительного лакомства он ещё никогда не ел! Тем не менее, он не забыл ни про Муру, лизнувшую сладость исключительно из вежливости, ни про Досю, для которой Ма смыла водой остатки липкой сладости из плошки в корытце. Коза, в отличие от кошки, осушила свою посудину в два счёта, после чего пару раз одобрительно "мемекнула". И тогда они хором, впятером, всей семьёй «засмеялись»: кто как умел.

Вот таким образом Иса всегда щедро делился с обитателями пещеры. И объединял их. И им всем от Исы было тепло и душевно. «Ты будто лучик солнца нас греешь!», – смеялся Ос. Отсюда и пошло, что Ос и Ма стали называть его Лучиком. Но даже Мура и Дося знали, что Лучик – это Иса. И стоило Ма позвать сына: «Лучик!», то кошка и козочка непременно смотрели в сторону всеобщего любимца.

И всё обитателям пещеры было удивительно хорошо вместе! Потому Иса про себя решил, что их скромная обитель, их уютный мирок – это и есть всё, что только может быть на свете. И так будет всегда. Лишь изредка Ос станет выходить из пещеры в "тёмное ничего", чтобы приносить оттуда этот бесподобный дикий мёд.

2

Следующий памятный для Исы эпизод был связан с тем, что Ос сделал для него тачку, и они пошли кататься. Так Иса впервые оказался на улице. Вернее, запомнил эту прогулку как первую. Как дебютный, осмысленный им, поход. Как выход в свет.

Внешний мир его ошеломил! На дворе стоял погожий осенний денёк. Светило яркое солнце, сияло синее небо, открылись земные просторы и гористая местность, в которой расположилось селение Арет, а также река в низине. Всюду сновало множество людей, животных, передвигались повоз-

ки, запряжённые ослами, а изредка – даже лошадьми...

Иса довольно долго молчал, сидя на тачке, которую катил Ос. Мальчик просто озираал округу и напитывался впечатлениями, в то время как Ос здоровался со встречными, беседовал со знакомыми, что-то покупал у уличных торговцев. Только через полчаса малыша прорвало:

– Это что? – спросил он Оса, слезая с тачки.

– Что что? – не понял его тот.

– Это что? – повторил вопрос Иса и повёл вокруг себя рукой.

– Ах, это..., – улыбнулся собственной недогадливости "извозчик", взяв малыша за руку и двигаясь вместе с ним мелкими шажками вперёд. – Это... Хм... Если коротко, это то, что создал Бог.

Прежде Ос, зачитывая выдержки из свитков или излагая притчи, завершал их своим резюме: "Так завещал нам Бог!" Но до сей поры присказку насчёт таинственного Бога Иса пропускал мимо ушей, не придавая ей значения. Зато сейчас, потрясённый впечатлениями, он закономерно спросил:

– А Бог, это как? – И, поразмыслив над своим вопросом, поправился: – Это кто?

– Бог? – почти без паузы ответил Ос. – Это Всевышний. Это Саваоф. Это Господь над Древней Реей и над всеми людьми.

– А Всевышний? – уточнял вдумчивый малыш.

– Всевышний..., – на сей раз задумался его спутник. – Это

тот, кто может всё! Кто сотворил весь мир, кто управляет этим громадным поднебесьем, а также и нами – мной, Ма, тобой...

– И Досей с Мурой? – не унимался Иса.

– И Досей с Мурой, – улыбнулся его собеседник.

– А я... А я думал, что Бог – это ты и мама, – недоверчиво и полувопросительно поведал мальчик.

Ос засмеялся было, но тут же, спохватившись, посерьёз-
нел и поучительно проговорил:

– Про Бога нельзя говорить всуе, то есть просто так! За такое он может рассердиться и покарать.

– Бог... А где он? Он какой? – вертя головой, осматривался мальчуган.

– Его нельзя увидеть простому человеку, – серьёзно ска-
зал Ос. – Но Он везде и всюду. Всё знает и всё видит. Стало
быть, Он не только всемогущ, а и вездесущ.

– Нельзя увидеть... Как же тогда мы знаем про него?

– Знаем..., – натужно промолвил многоопытный мужчи-
на, которого до этого чрезвычайно любознательного чело-
вечка никто не ставил перед столь сложными проблемами. –
Ну... Он являлся пророкам, то есть самым достойным пра-
родителям народа нашего.

– А зовут Бога Саваоф?

– Нет, что ты! Он не имеет имени...

– Но ты же сам сказал «Саваоф»?

– Саваоф – не имя. Саваоф – значит «Господь ангелов».

По имени Бога нельзя называть.

И Ос облегчённо вздохнул, увидев, что малыш задумался, осмысливая услышанное.

«Как же так? – размышлял меж тем Лучик. – Без имени? Моя мама – это Ма. Наш Силач – это Ос. Я – Иса. Как же разговаривать с Богом без имени? Нет, про себя я стану Бога называть по имени...М-м-м... Саваоф...Са! И станем беседовать: Са и Иса». И мальчуган, довольный собственным открытием, засмеялся.

Прогулку испортил внезапно поднявшийся западный ветер, который принёс холод и дождь. Ос тотчас хотел вернуться домой, опасаясь, что ребёнок замёрзнет, но Иса так был захвачен происходящим, что непрерывно просил: "Ещё!... Ещё немножко!...Ну, ещё чуть-чуть..."

Резко изменило настроение Исы свора псов, которая устроила свирепую грызню на близлежащей свалке из-за костей. Собаки для него были в новинку. Мальчик был до того напуган этим зрелищем, что сам запросился к маме. И всю обратную дорогу, сидя в тачке, он односложно говорил Осу, утратив своё обычное многословие: "Собака! Ав-ав! Стра-ашно!"

Едва переступив порог пещеры, сын бросился к маме, чтобы поделиться с ней обуревавшими его впечатлениями. Ма, между тем, покончив с домашними делами, прилегла отдохнуть, густо намазав лицо козьей сметаной. Её фигура тускло

освещалась только слабыми отсветами пламени из очага да проблесками света от прохода, который Ос не успел затворить, занося тачку.

Подобный облик Ма для мальчика тоже представлял доселе невиданную картину. И он застыл на полпути в нерешительности. Затем Иса стал медленно приближаться к ней, непрерывно и озадаченно спрашивая: "Мама?...Мама?!... Ты мама?..."

Задремавшая было Ма повернулась к нему и открыла глаза. Иса осторожно потрогал её щеку пальчиком и, постепенно успокаиваясь, констатировал: "Да – это мама. Мама, а ты не кусаешься?...Нет! Мама не кусается...А то мы видели там, внизу, собак...Ав-ав!"

Окончательно пришедшая в себя Ма поняла робость сына. Она засмеялась, села, прижала его к себе и стала целовать намазанными губами, приговаривая: "Да конечно же это я – твоя мамочка! Кто же ещё, мой любимый человечек?!...О, боже, Лучик, да ты же насквозь промок! Холодный, как лягушонок!"

Она в спешке раздела сынишку, вытерла его насухо, одела в другую одежду, напоила травяным отваром и уложила в постель. И всё это время она ругала Оса, называя его старым и бестолковым. Она попрекала его тем, что дитя, едва выздоровев, снова может заболеть. Старик угрюмо отмалчивался. Однако Лучик заступался за него, говоря, что Ос хороший, а виноват он – Иса, просивший погулять подольше.

К вечеру у Исы и в самом деле поднялась температура, начался кашель. И лечили его долго и упорно. Про прогулки, которыми малыш стал грезить, естественно, пришлось забыть надолго. К тому времени в Арет пришла зима – сезон дождей. Потому солнце, реку, собак, ослов и незнакомых людей Иса долгое время видел лишь во сне.

3

В этот период, в этот сезон дождей, когда даже нос на улицу высовывать не хотелось, произошло два значимых для Лучика события. Первое заключалось в том, что он научился читать и писать. Причём, чтение ему давалось очень легко, и он бегло читал тексты Святого писания. Прописью он овладел не без некоторого труда, но зато почерк у него был от природы каллиграфически чёткий.

Как-то раз, прочитав вслух предание о Всемирном потопе, мальчик долго молчал, осмысливая текст. Затем, чтобы разрешить возникшие вопросы, он спросил у Оса:

– Ос, ты ведь немножко...древний?

– Да...не без того, – усмехнулся тот. – Ветхозаветный я.

– А ты был на ковчеге у Ноя?

– На ковчеге?! – удивился старик. – Нет, что ты. Ты же сам только что читал об этом. Там про меня ничего не сказано.

– Тогда как же ты не утонул во время Всемирного потопа?! – поразился малец.

– Наверное, очень хотелось жить, – под смех Ма отвечал

«ветхозаветный мужчина», подмигивая ей. – Давно это было. Я уж и сам не помню.

Второй важный для Исы эпизод заключался в том, что он познакомился с мужчиной по имени Бато. Точнее, мальчика с ним познакомил Ос, поскольку именно он привёл в пещеру незнакомца. Причём неизвестный был новичком только для мальчика, поскольку Ма его встретила приветливо, как старого знакомого и даже с выражениями благодарности.

Мужчина был громаден. Казалось, собой он заполнил всю пещеру. Если ранее про великанов Лучик только читал в притчах, то теперь он лицезрел его наяву! Мужчина втащил за собой в пещеру тачку с какими-то вещами, оставив её у порога.

– Мир тебе, Иса! – обратился он к малышу, после того, как перекинулся парой фраз с Ма.

– Мир! – ответил мальчик.

– Ос говорил мне, что ты умён не по годам? – гость словно бы сомневался в том, что произнёс.

– Ос зря слов на ветер не бросает, – степенно ответил ему маленький собеседник.

– Ого! – воскликнул Бато, и расхохотался за компанию с другими взрослыми. – Сильно сказано!

– Твои мысли противоречат обычаям Древней Реи, – изрядно задетый смехом, заявил в противовес ему Иса фразой, почерпнутой из свитков.

Но, к досаде мальчугана, его реакция лишь усилила хохот троицы.

– А? Что я говорил! – выкрикнул Ос.

– Да-а-а..., – не мог не признать его правоты Бато, и, увидев, что ребёнок нахмурился, проговорил: – Не сердись, малыш, я не хотел тебя обидеть. А не можешь ли ты сказать, сколько тебе лет?

Иса, конечно же, знал правильный ответ, но, как нарочно, наименование числа "три" выскочило у него из головы. Однако, он не собирался сдаваться за просто так. И потому, исхитрившись, парировал выпад дяденьки:

– Сколько? Да столько же, сколько ног у собаки, только на одну меньше.

– Хм, – задумался Бато. – Затеяливо ты говоришь. Ты хочешь сказать, что тебе три года?

– Молодец, Бато, – похвалил гостя карапуз. – Наверное, тебя Ос учил считать?

– Уж и не помню, кто меня учил считать, но Ос прав в том, – согласно кивнул головой Бато, – что ты – толковый парнишка. Только, говорят, это не помешало тебе приболеть.

– Мы с Осом однажды гуляли, – пустился в пояснения мальчик. – Я замёрз и простыл. Ос меня предупреждал, что прохладно, а я упросил его погулять ещё. Сам виноват, – рассудил малец, которому нравилось, чтобы всё было по справедливости. – Теперь кашляю. И у меня бывает жар.

– С этим не шутят. Давай-ка я тебя посмотрю, – предло-

жил новый знакомый.

– А ты кто? – решил уточнить бдительный Иса.

– Я лекарь, – успокоил его великан. – Потому Ос меня и позвал. Три года назад Ос и Ма ходили на перепись в город Салем. Остановились в пригороде. Там ты и появился на свет. А я подсказывал Осу, как помочь твоей маме, чтобы ты родился. Незабываемая ночь, – улыбнулся знахарь. – Тогда тоже была пора дождей. Ливень лил, как из ведра. Но стоило тебе появиться, как тучи расступились. И звезда по имени Венера, греки её называют Эосфор, осветила всё поднебесье! А звёзды поменьше аж посыпались с неба!

И за повествованием о некоторых страницах жизни Исы, прежде неизвестных самому Лучику, Бато успел его послушать, прижимаясь ухом к груди и спине. Он также простучал грудную клетку малыша пальцами, посмотрел у него полость рта, а равно заставил маленького больного покашлять, посмотрев отошедшую мокроту. Затем он дал Ма какие-то травы, проинструктировал её, как готовить и давать отвары, дышать над целебным паром, ставить компресс, а также научил делать массаж спины, показав это прямо на Исе.

Покончив с наставлениями, Бато попрощался и вышел из пещеры, катя за собой тачку. Ос ушёл вместе с ним.

– Мама, – первым делом осведомился мальчик, едва они остались с Ма вдвоём, – этот... Бато... правду говорил?

– Да, – подтвердила Ма.

– А как это: подсказывал Осу?... Чтобы я родился...

– Видишь ли, – с некоторым затруднением приступила к разъяснениям Ма, – маленькие детишки сначала появляются в животике у своих мам, а потом оттуда вылезают на Свет Божий. Но одной это трудно даётся, и Ос мне чуточку помог, а Бато как знахарь ему подсказывал. За то ему Ос тогда подарил новую тачку –

ту, с которой он приходил.

– И были эти... Венера и звездопад?

– Чистая правда! – воскликнула мама Исы. – Не знаю, Венера или что ещё, но ярко-преярко светила звезда. Я же тебе не зря говорю, что ты – ангелочек, посланный мне Всевышним! К тому же ты родился точь-в-точь в зимнее солнцестояние.

– А-а... солнцестояние... это как?

– Это когда солнце от зимы поворачивает на лето. Дни становятся длиннее, а ночи – короче. Этот день дарит людям надежду на всё хорошее, на возвращение тепла, ягод, фиников, урожая... И ты родился в эту дату. Великий знак!

С этого дня мама стала поить Ису отварами из трав, что оставил Бато, а также делать процедуры, которым её научил лекарь. И мальчик постепенно пошёл на поправку. Знахарь ещё дважды заглядывал к ним, осматривал малыша и давал Ма советы по лечению. Ос в благодарность за его доброту сделал для Бато новую тачку.

С той поры Иса с Бато не встречался долго-долго. И Лучик не подозревал даже, что в будущем лекарю суждено сыграть

в его судьбе немаловажную роль.

4

По окончании сезона дождей пришла весна, а затем – лето. И состоялось много прогулок Исы с Осом и Ма. Но минул немалый срок, прежде чем мальчика стали отпускать гулять одного неподалёку от дома.

Однажды, вскоре после полудня, Иса вышел из пещеры на улицу. За собой он катил на верёвочке тачку. Но, не пройдя и двух стадий¹, юный путник остановился, ибо увидел девочку, которая плакала, сидя на большом валуне возле дома из необожжённого кирпича.

У девочки были вьющиеся красивые волосы. "Ты что ревёшь?" – спросил Иса незнакомку. Девочка перестала плакать, приподняла голову, отняла от лица ладони, и мальчик увидел, что и лицо девочки было привлекательное.

– Ты что ревёшь? – участливо повторил он свой вопрос.

– Меня никто не любит! – пожаловалась девочка.

– Так прямо никто-никто? – недоверчиво проговорил собеседник.

– Да, никто-никто! – капризно заявила кудрявая.

– Ты что, об этом спросила у всего мира? – осведомился мальчуган.

– Зачем мне спрашивать у всего мира? – передёрнула пле-

¹ Стадия – древнегреческая мера длины, в различные эпохи равнявшаяся от 150 до 190 метров.

чиками красавицы.

– Так ты же сказала "никто", – логично пояснил Иса. – А, может быть, я тебя люблю. Уже не никто.

– Ты что, прям так в меня и...влюбился? – поинтересовалась кудрявая интриганка, вытирая щёчки, и глаза у неё заблестели.

– Ну, кроме мамы и Оса я пока никого не любил..., – неуверенно принялся растолковывать ей нечаянный поклонник (про Муру и Досю он умолчал, понимая, что это будет не совсем уместно). – Но ты же красивая! Я ни у кого не видел таких блестящих глаз...

– Да, красивая! – подбоченилась девочка. – И ещё я умею красиво танцевать. Вот, гляди...

И она принялась кружиться, прищёлкивая в такт пальчиками. Выходило это у неё воистину завлекательно и зажигающе.

– А тебя как зовут? – останавливаясь, осведомилась маленькая танцовщица.

– Иса. А тебя?

– А меня – Ма.

– Хм, как мою маму. Только ты – Танцующая Ма.

– А ты – тоже ничего, – констатировала Ма, окинув нового знакомого изучающим взглядом.

– Как понять «ничего»? – растерялся тот.

– Какой ты глупый! «Ничего» – значит «кое-что», – нелогично, как и все женщины на свете, заключила маленькая

красотка. – У тебя глаза нездешние.

– ...«Нездешние»? Как это?

– Так это! Во-первых, у тебя глаза разного цвета. Моя бабушка говорит, что так бывает раз в тыщу лет. А во-вторых, у всех местных глаза чёрные или карие, а у тебя один голубой, а другой – и вовсе зелёный.

– Ну да?! – не столько не поверил, сколько не знал, как реагировать на прозвучавшее утверждение мальчуган.

– Гляди, – и Ма, достав из кармана платья зеркальце, протянула его новоявленному кавалеру.

Иса не ведал, какого цвета у него глаза. Раньше своё лицо он видел только отражённым в воде, да в зеркале мамы, которое ей изготовил Ос из округлого камня, отшлифованного до блеска. Но в них многого не разглядишь. Да, откровенно говоря, Иса к себе особо и не присматривался. Зато это он без труда сделал с помощью зеркальца его новой знакомой, выполненного из стали. Гладь предмета дамского туалета была столь безукоризненно чиста, что мальчик без труда убедился в правоте Ма.

– Угу, – проговорил он, не понимая, впрочем, радоваться ему или огорчаться из-за того, что у него глаза «нездешние».

– Мне его Маруф подарил, – принимая зеркало от Исы, похвасталась девочка.

– А кто это?

– Пацанчик во-о-он из того дома, – показала Ма рукой в сторону большого двухэтажного здания из известняка, рас-

положенного у реки. – А ты где живёшь?

– Вот в той пещере, – указал на пригорок позади себя Иса.

– У-у-у..., – разочарованно протянула прелестница. – Лучше бы ты жил в каменном доме.

– А чем лучше? – не столько обиженно, сколько непонимающе осведомился Лучик.

– Как чем! – воскликнула девочка. – Ты был бы богатым. У тебя было бы золото, лошади, колесницы... Ах да, ты же ещё маленький, многого не понимаешь, – засмеялась она.

– Ничего я не маленький, – нахмурился её оппонент. – Мне уже пять лет. А тебе?

– Мне?... Вот, – и Ма, словно малышка, продемонстрировала свой возраст, раскрыв пятерню правой руки и два пальца на левой.

– Это семь лет, – снисходительно прокомментировал мизансцену Иса. И, демонстрируя моральное превосходство, дополнил своё резюме фразой, услышанной однажды в разговоре Оса с мамой: "Года мужчины измеряются умом и силой".

– Ну, хорошо, – встряхнула копной волос кудрявая куколка, – если ты мужчина, тогда соблазняй меня.

– Как это: соблазняй? – растерялся Лучик.

– А вот так, – засмеялась Танцующая девочка. – Вчера моя мама разговаривала с тётками, и те болтали, что мужчины соблазняют.

– Этого я не понимаю, – пожал плечами недогадливый ка-

валер.

– Ну, хорошо, а ты можешь провезти меня на ослике? Как вчера Маруф?

– Нет, – признался её новоиспечённый обожатель. – У нас нет ослика. Но...я могу покатать тебя на тачке. И рассказывать интересные сказки!

– Сказки? Ладно! – милостиво согласилась Ма, проворно пересев с камня в тележку.

– А ты живёшь там, где каменные дома? – страгивая каталку, уточнял статус девочки Иса.

– Нет. Я же не из Арета, – ответила та. – Я из Далены. Это два дня пути отсюда. Здесь я в гостях у дяди Шэра. А у себя-то я тоже живу в пещере.

– Далена – значит башня, – проявил свою компетентность маленький перевозчик, – направляя тачку по укатанной стороне дороги.

– Ещё Далена значит кудрявая, – возразила ему пассажирка. – Видишь, какая у меня причёска!

– Да, вижу, – не стал спорить мальчик. – Так ты, Ма-Волнистые Волосы, из Далены пришла с мамой, что ли?

– Нет, – засмеялась Ма, которой явно пришлось по душе прозвище, придуманное её поклонником. – Я пришла с мамой Эстой и с папой Нисом. Послушай, Иса, – обратилась она к нему, – как зовут твою маму, я уже знаю. А как зовут твоего папу?

– Па...Папу? – растерялся тот, впервые услышав такое

слово применительно к себе. – А...А что это? А кто это? – поправился он, останавливая тележку.

– Ты что?! – в свою очередь удивилась пришелица из Далены. – Ты взаправду не знаешь, кто такой папа, или прикидываешься?

– Правда, – густо покраснев, признался Иса, так как по смыслу беседы и выражению лица новой знакомой догадался, что только крайний невежда может не знать того, о чём идёт речь.

– Чудно, – внимательно посмотрев на лицо собеседника, как на пришельца из другого мира, проронила Ма. – Ну, папа...Папа – это хозяин. Он главный в доме. Он – мужчина! А женщины – его служанки. Например, мой папа, когда молится, то говорит: «Господь, благодарю Тебя, что ты не создал меня язычником, женщиной или тупым мужиком!». Но папа же и защищает нас от всего. Гуляет с нами. О нас с мамой заботится. Покупает нам подарки...Папа – это муж мамы! – наконец осенило её. – Он маму любит. Он её обнимает и целует. Он с ней спит. От них рождаются дети. От них родились мы с сетрёнкой...

Иса, остановив тележку, смотрел на девочку, раскрыв рот.

А та, после паузы осознав, что услышанное для её нового друга – действительно открытие, повторилась: "Чудно...Все это знают. Даже малышня...Вот ты с кем живёшь?"

– С мамой и с Осом, – пожал плечами Иса. – Но...они не целуются...Ос спит отдельно...И никогда не говорит, что

мама – служанка. Наоборот, мама иногда ругается и называет его...

Мальчик хотел сказать, что его мама, бывает, даже называет Оса старым, да вовремя осёкся. И тут же в его сознании зароились воспоминания о том, как он видел на улице детей с молодыми мамами и с молодыми же дяденьками...

Тогда он, натужно выкручиваясь из неприятной ситуации, в которой таился какой-то странный подвох, предложил:

– Слушай, Ма, давай я тебя лучше стану катать и рассказывать интересное?

– Давай, – согласилась та.

– У нас есть кошка Мура и козочка Дося, – потянул Иса тачку с пассажиркой вперёд. – А я учу Муру разным словам. Например, говорю: «Мура, иди ко мне». И она приходит. Или: «Мура, пойдём гулять». И она, не дожидаясь меня, бежит к двери. А не то попрошу её мяукнуть, и она мяукает. Но домашние не верили мне, что кошка может понимать слова. А вчера мы кушали капусту. Мура – тоже, она любит овощи. Но вдруг Дося жалобно так заблеяла из-за загородки, что про неё забыли. Тут-то я дал Муре лист капусты и попросил её: «Отнеси Досе». И что ты думаешь? Мура прикусила лист и утащила козочке. Ох, как же Дося была довольна!

– Интересно, – одобрила рассказ девочка-красавица. – Ты и сам какой-то интересный. Не такой, как все.

– А ты думала! – вдохновился её оценкой мальчуган. – Меня даже сам Са... Ой!... Ну, то есть, сам Бог знает и иногда

делает мне подарки!

– ...Нет! – мгновение помедлив, заявила Ма. – Так не бывает. Ты врешь!

5

Возвратившись с прогулки, Иса увидел, что мама готовит ужин. Оса дома не было. Потому ничто не препятствовало незамедлительному прояснению волнующей проблемы.

– Мама, – обратился Лучик к ней таким тоном, что та тотчас ощутила его настрой, не допускающий несерьёзности, – кто меня родил?

– Как кто, – усмехнулась она, но как-то напряжённо. – Тебя родила я. Ты мой сыночек.

– А ещё? – не отступал тот.

– Что ещё?

– Кто меня ещё родил?.. – озадачил маму сын. И, не дождавшись разъяснения, продолжил: – Все говорят, что детей рожают муж и жена... Все говорят! Все!

Финальное утверждение прозвучало столь весомо, что Ма опешила, и в некоторой прострации молча замешивала тесто из спельтовой муки². Иса взял её за руки, не давая стряпать, и неотступно спросил: "Мама, кто меня ещё родил?"

– Иса, я же тебе говорила, что ты ангелочек, которого мне послал Бог, – очень неуверенно пояснила ему та.

² Спельта – вид полбяной пшеницы; культивировалась с эпохи бронзы до Средневековья.

– Бог – мой папа? – стремился поставить точку над "i" пытливый ребёнок.

– Папа!?!...Н-нет, что ты! – испугалась Ма. – Всевышний – отец

всех реев. Но...Но тебя мне Саваоф послал как ангелочка. Верь мне, Исочка! Мама тебя любит больше всех, как никто больше в мире! И никогда тебя не обманет. Однако, это – Тайна Великая, которую кроме нас с тобой никто не должен знать. Никто! Иначе Бог на нас рассердится. Да ещё люди кругом знаешь, какие завистливые? Они завидуют, что ты у меня такой необыкновенный! Способный! Не как все! Особенный! Такого умненького и одарённого больше нет. Ты ещё свершить такое, какое никому не под силу! Поэтому людям нельзя всего открывать. Понимаешь?

– Хорошо, – чуть подался под маминым напором сын. – Пусть так. А кто мой папа? Папа же должен быть у всех... Может, Ос – мой папа? – пришёл Иса на выручку своему самому любимому существу на свете.

– П-папа? – казалось, заколебалась Ма. Но затем, словно прозрев в темноте, решительно заявила: – Нет, Исочка, Ос – не твой папа!

– А кто же он?

– Он...Он самый добрый человек на Земле.

Иса с нетерпением ждал прихода Оса с работы. Объяснения мамы, с одной стороны, были привычными, и потому его

отчасти успокоили. И Великая Тайна оправдывала Ма. Но с другой стороны, в свете новых знаний об устройстве человеческого бытия, мамины истолкования Лучика устраивали лишь наполовину: ежели он ангелочек от Саваофа – пусть так и будет. Но папа – это папа...

Ос вернулся поздно. Он был усталый и оттого выглядел старше, чем обычно. Добытчик их семьи молча отдал Ма котомку с продуктами, а Исе протянул ашишимки – оладышки из дробленых бобов красной чечевицы и семян кунжута, политые медовым сиропом. Ашишимки мальчик очень любил, но ел нечасто – они стоили дорого.

Иса помог Осу совершить омовение рук, сделал то же самое сам и их семья села ужинать на земляной пол возле очага. Сегодня Ма постаралась: в середине их круга на подставках лежал свежесдобитый хлеб с оливками, а также котелок с овощным пюре. Едоки подцепляли пюре из котла кусками хлеба, и тут же отправляли его в рот: было очень вкусно. Перешли к ашишимкам. Ос и Ма к десерту только слегка прикоснулись, разломив оладышку надвое. Они уверяли Лучика, что от сладкого у них изжога. Но мальчик заставил их съесть ещё по одной.

Лишь после этого Иса с удовольствием скушал три ашишимки. А по завершении трапезы, когда все встали, он подбежал к Осу, обнял его, поднял лицо кверху и сказал: "Спасибо, ...папа!"

Ма от неожиданности выронила глиняную плошку, а Ос

вздрыгнул и распрямился, став едва ли не на целый локоть выше. Затем старый мужчина с силой привлёк Лучика к себе. В полной тишине прошло какое-то время, прежде чем Иса смог взглянуть на Оса. И он увидел на глазах своего кормильца слёзы, которые тот поспешно стряхнул, мотнув головой.

Отныне Иса стал обращаться к Осу именно так. Но исключительно в тех случаях, когда они оставались вдвоём. Так уж повелось. Ос же стал называть его сыночком.

6

Ранним утром следующего дня, даже не позавтракав, Иса отправился к дому дяди Шэра, предусмотрительно прихватив с собой тачку. В неё он положил фисташки и четыре ашишимки, завёрнутые в тряпицу.

Увы, у дома на большом валуне никто не сидел. Да и округа пока была пуста. Но это оказалось мальчугану на руку, ибо у него имелась необычная задумка, подлежащая исполнению без свидетелей. Он взял орешки и аккуратно разложил их в траве близ камня, на котором любила сидеть Ма-Волнистые волосы.

Теперь всё было готово для представления. Однако Танцующая девочка и не собиралась выходить на улицу. Маленькому кавалеру пришлось ждать весьма долго. Лишь когда солнце поднялось довольно высоко над горизонтом, из

дома дяди Шэра соизволила показаться Ма.

– Мир тебе! – сказала она.

– Мир! – чуть сердясь, ответил ей Иса. – Ты почему так долго не выходила?

– Я спала, – ответила девочка. – Вот, увидела тебя и сразу вышла. Даже не покушала.

– А у меня ашишимки! – обрадовался удаче поклонник пришелицы из Далены.

С этими словами он усадил девочку на валун, а сам взял из тачки оладышки и принялся угощать ими прелестницу. Для себя Иса взял только одну ашишимку, но ему было так приятно кормить девочку, что он забыл про голод.

– Кушай-кушай, – говорил он, подавая ей одну оладышку за другой.

– Вкусно! – проговорила Ма, надкусывая третью ашишимку, и вдруг застыла, точно громом поражённая, глядя под ноги с приоткрытым ртом.

– Ты чего? – с невинным видом осведомился мальчик.

– Вон, глянь! – указала девочка пальчиком вниз. – Это что? Фисташки, что ли?

Она передала Исе недоеденную оладышку, сползла на траву и стала разглядывать и собирать орешки.

– Да, фисташки! И здесь..., – бормотала она. – И здесь... Ой, да их много!

– Ах, вот ты о чём, – с деланным равнодушием произнёс Иса. – Конечно это фисташки. Пока ты спала, я попро-

сил Всевышнего, чтобы он подарил нам дождь из орешков. И вот, видишь, Господь снизошёл до нас.

– Да-а-а?! Дождь из орешков? Хм... – на краткий момент, но попалась в ловушку Ма.

И даже посмотрела на небо. Но потом она всё же сообразила, что это милая шалость её почитателя. Тогда девочка упала в траву и стала смеяться вместе с ним и над забавной выдумкой, и над собственной наивностью, и над комичной ситуацией, в которую попала...

– Ой! – хохотала она. – Я всё поняла!

– Что? Что ты поняла? – спрашивал её Лучик.

– Ой! Я поняла, что ты меня... что ты меня... что ты меня соб... соб... соблазняешь! – кое-как сквозь смех проговорила Ма.

Затем Иса катал Ма, а когда уставал, то присаживался прямо к ней на край кузова, и по её просьбе рассказывал стародавние сказки, а также случаи из своей жизни.

– Однажды, – повествовал мальчик, – мы с Осом ходили на рыбалку. Поймали только одну рыбку. Мама её пожарила. Всем понемножку досталось. Мама с Осом покушали и сели на солнышке возле пещеры. Я же сперва дочитал один свиток, а потом тоже решил покушать. Достал из своей ниши плоску с рыбой. А киска рядом крутится, прямо в плоску лезет. Я ей и говорю: «Имей совесть! Тебе мама с Осом уже давали, а я ещё и попробовать не успел. Вот останется

немножко и я тебе дам». Тут вдруг Мура стало плохо: она захихала, стала кашлять, захрипела и упала. Я испугался, выбежал на улицу и кричу: «Кошке плохо!» Мы с Осом и мамой вбежали в пещеру, глядим, а Мура доедает мою долю. Увидела нас, опять захрипела и упала с закрытыми глазами. А немного погодя приоткрыла глаза и глядит, что мы делать будем. Хитрюга!

Ма долго смеялась, а успокоившись, попросила: «Ещё!»

– Ты сама-то, как Мура, – сказал Иса.

– Ага, – согласилась девочка. – Ещё расскажи.

– Ну, ладно, слушай, – довольно проговорил мальчик. –

Однажды я проснулся раным-рано от какого-то шума. Мама тоже не спит. Вижу, шум от того, что у нас ночует какой-то толстый дяденька, да ещё и храпит. Мама объяснила, что Ос с этим дяденькой поздно пришли с работы из Каны. Это день пути от Арета...

– Да знаю, знаю, – перебила его девочка. – Кана – на пути в Далену.

– Так вот, – продолжил Лучик, – не спится нам... Мы сели на валун возле дома. Сидим, тихонечко разговариваем. Вдруг в пещере кто-то как заорёт! Будто зарезанный! Мама даже подпрыгнула, а я с камня свалился... Мы – скорей туда. А там толстый дяденька сидит на ложе и орёт. Возле него стоит Ос, а за ним – Дося.

– А... – та, что ваша коза?

– Да. Так вот, когда дядя проорался, то объяснил, что ему

снилось, будто его красивая женщина целует. Но он же чувствует, что в него что-то взаправду тычется. Открыл глаза: перед ним морда страшная. Рогатая да бородатая. Да глаза на него пучит. Да говорит не по-человечески. Он уж решил, что в ад попал. А дело-то в том, что даже Досе надоед его храп. Она выскочила из загородки, и давай его лизать и бекать. Тут-то он и заорал...

Над этим рассказом Ма хохотала сильнее, чем над первым. Она даже прижалась к лицу Исы своей атласной щёчкой, отчего у него сердечко заколотилось быстро-быстро.

– Ещё! – попросила пришелица из Далены таким тоном, точно была малышкой, которая младше Лучика на два года.

– Так и быть, – не заставил себя долго уговаривать её почитатель. – Однажды у Доси заболел живот. И она долго не могла покакать. Может, дней пять. Наверное, съела что-нибудь... Мама уж и не знала, что с ней делать. И вот, пригоняю я её с пастбища, загоняю со светлой улицы в тёмную пещеру, а тут Мура неожиданно как прыгнет на неё сверху!... И Дося с перепугу сходила сразу за все пять дней... Даже и мне досталось...

И вновь девочка смеялась и льнула к нему щёчкой, а юный рассказчик сидел радостный и улыбался. Потом Ма танцевала, а Иса прихлопывал ей в ладоши. И всё было бы хорошо, если бы на горизонте не «нарисовалась» странная процессия.

Снизу в гору поднимался ослик, на котором сидел толсто-

щёкий мальчик, а возле них вышагивал темнокожий верзил.

– О! Бога-тень-кий Ма-руф едет, – известила Ису Ма, переставая кружиться.

– Это который из каменного дома, – уточнил Лучик, ощущая, как светлое настроение покидает его.

– Ага. Ослика зовут Тыр. Раба зовут Эду.

– Какого раба? – не понял мальчик.

– Ну, тот дылда, что идёт за Маруфом и Тыром, – пояснила ему собеседница. – Маруф сказал, что Эду ливиец.

– Какой ливиец?

– Не знаю, какой-то ливиец. Эду – раб Маруфа. Он всюду ходит за ним и его охраняет.

Иса в изумлении смотрел на приближающееся к ним шествие широко раскрытыми глазами, будучи не в состоянии проронить хотя бы слово, настолько его поразил тот факт, что рабы существуют в реальности, да ещё в таком виде: взрослый человек находится в услужении у какого-то пацанёнка. Он-то полагал, что такое могло быть лишь в старозаветные времена.

Между тем, Эду остановил ослика и помог слезть господину.

– Добрый день тебе! – словно и не заметив Исы, обратился Маруф только к Ма.

– И тебе! – ответила та.

– Сохаз!³ Из Персии, – протянул ей маленький богате́й жёлто-коричневую плитку.

– О! – проронила девочка, принимая лакомство и отгрызая от него кусочек. – Сладко!

– Кушай-кушай, – заулыбался соблазнитель. – Да ты на осла сядь – так вкуснее.

– М-м-м! – с наслаждением протянула сладкоежка, поглощая второй кусочек.

– Эду, посади её, – приказал Маруф слуге.

Тот послушно подал руку красавице и помог ей устроиться в седле.

– М-м-м, ужас до чего вкусно! – повторяла девочка, поглощая сохаз.

– Кушай-кушай, – льстиво потчевал её богате́й.

– Подождите, – поудобнее усевшись на осле, опомнилась и огляделась по сторонам Ма. – А-а-а...где Иса?

Однако Иса был уже далеко от них. Он уходил, понуро сторбившись и волоча за собой тачку. Наивный аретский романтик больше не желал знаться со столь ветреной особой.

7

Подойдя к своему дому, Иса увидел, что Ос в одиночку что-то мастерит возле пещеры.

– Пап, что ты делаешь? – со вздохом спросил мальчик,

³ Сохаз – миндаль и мальва в глазированном мёде.

стараясь отвлечься от печальных мыслей.

– Исполняю заказ одного знатного аретца, – ответил тот.

– Пап, мы богатые?

– Ну, что ты, милый мой! – засмеялся Ос. – Мы – так себе.

– А почему одни богатые, а другие – так себе?

– Судьба и труд, – кратко ответил старик.

– Это как?

– Вот мы с Ма работаем?

– Ещё как! Ты с утра до вечера спину гнёшь. Мама работу по дому делает, а потом половину Нижнего Арета обшивает. Все пальцы себе исколола.

– Вот ты сам, сынок, и ответил: не судьба. Где-то родился не там, где-то не повезло, где-то надо было оттяпать добро у ближнего своего, а я так не могу... Вот ты, мальчик мой, не задумывался, почему говорят: **богатый, богач?** – интонационно выделил первые половинки двух последних слов Ос.

– Нет.

– А я задумывался. То бишь, тем самым хотят подчеркнуть, что состоятельные не стяжали имущество, а Бог их наградил. Свыше пришло. И думается мне, что словечко это сами богатые и придумали, чтобы прикрыть свою скаредность. Они, конечно, денно и нощно стараются прирастить состояние, но не абы своим трудом. Горазды они тянуть соки из других людей.

– Стало быть, нельзя быть и богатым, и честным, и справедливым?

– Почему же... Можно. Но после того, как уже хапнул. А что ты, Лучик, про то спрашиваешь?

Тогда Иса рассказал ему о событиях у дома дяди Шэра. И заканчивая повествование, он выстрадано подвёл горестную черту:

– Вот отчего... женщины такие...

– Непостоянные? – подсказал ему нужное выражение опытный в житейских делах человек.

– ...Да, непостоянные?

– Да нет. Они постоянные, – не согласился Ос. – Они постоянно любят богатых.

И после некоторой паузы двое кое-что познавших в этой жизни мужчин дружно засмеялись.

– Шучу! И не вздумай падать духом, Иса, – подбодрил мальчугана его единомышленник. – Эта девочка вовсе не Маруфа выбрала. Она выбрала осла... да сладости, которые у этого Маруфа есть. Ан самое главное, что ты увлёкся тем, что видел. Но за видимостью пряталось то, что любить не стоит. Это как олеандр: цветки красивые, однако сок их, попав в глаза, вызывает слепоту.

– Но... если хочется любить и вас с мамой, и Досю с Мурой, и ещё... весь мир?

– И люби. Но лишь то в мире, что достойно любви.

Только на третьи сутки после немой размолвки с кокеткой из Далены Иса проснулся в хорошем расположении духа. Он вышел из пещеры и посмотрел в долину: денёк выдался тёплым, солнечным и многообещающе светлым. И тогда мальчик потянулся и восторженно и негромко проговорил: «Мир, я люблю тебя!»

Он хотел добавить, что особенно любит маму, Оса, Муру и Досю, но его опередил голос, раздавшийся позади него. «А меня?» – любопытствовал голос.

Иса вздрогнул, оглянулся и увидел Ма, которая сидела на пригорочке, сбоку от хижины.

Девочка поспешно вскочила и подбежала к своему недавнему другу, ибо увидела, что он нахмурился и хотел уйти. Она схватила его за руку и жалобно попросила: «Иса, подожди! Я больше так не буду! Никогда не буду!»

Но тот непримиримо стал вырывать руку, и тогда в ответ Ма торопливо заговорила как молитву последней надежды:

– Мы с папой и мамой скоро уходим обратно, в Далену... На днях... Вдруг я тебя больше никогда-никогда не увижу! Прости меня!

– Когда уходите? – спросил мальчик, поскольку довод его мучительницы многое менял.

– Вот! – поспешно выставила четыре пальца на правой руке та.

– Это четыре дня, – смягчаясь, улыбнулся её невольный воспитатель.

- Да, через четыре дня, – подтвердила Ма из Далены.
- Ты, взаправду, больше так не будешь делать?
- Да, никогда-никогда. И Маруф мне не нужен! Он когда говорит, то слюни летят...
- При чём тут Маруф?! – снова начал сердиться Иса.
- Ни при чём! – торопливо согласилась с ним кудрявая красавица. – Это я так...К слову...Просто, я хочу дружить только с тобой!

Таким образом они и помирились. И ещё целых четыре дня Иса гулял с Ма. И хотя порой она невольно заносилась своей красотой и строила глазки другим ребятам, но каталась исключительно на тачке Исы, держалась только за его руку и ела лишь его ашишимки.

Однако всему приходит конец. Вскоре Ма с родителями ушла в Далену. Зато при прощании она прошептала Исе, что будет тосковать по нему и ждать возвращения в Арет.

Глава вторая

1

Иса долго-долго скучал по черноглазой красавице из Далены, но затем произошли события, которые смягчили горечь разлуки. Ос стал брать Ису с собой по субботам в аретский молельный дом. Благо, то заведение находилось на горе, недалеко от места проживания Исы.

Вокруг святого места была возведена ограда. Пройдя двор, прихожанин попадал в собственно дом, состоявший из переднего притвора, за которым располагалось Святилище – общее моленное место, и далее – Святая святых. В Святая святых входил только священник – коэн по имени Наал.

Коэн выходил из Святая святых в Святилище, и начиналась служба. Священник рассказывал собравшимся о важных событиях из истории Древней Реи. Потом он плавно и логично переходил от фактов прошлого к поучительным случаям из жизни людей – притчам. Завершал всё это коэн молитвой, преимущественно оглашая её наизусть, а отчасти – зачитывая из Святого Писания. Его обращение к Всевышнему подхватывала и повторяла вся паства.

"Не я говорю! – начинал Наал, – Но Господь говорит словами из Священного Писания чрез мои уста! Вот они: "Внимай, Древняя Рея! Господь ваш один! Благословенно славное Имя царства моего Древней Реи во веки веков! Любите Бога Своего всем сердцем и всей душою! Помните эти слова в доме и в дороге, ложась и вставая, дыша и умирая на пути ко Мне! И коли послушаетесь повелений Моих, любя Господа Вашего, то дам Я земле вашей в срок и дождь после сева и дождь перед жатвой! И сберёте вы хлеб свой, и приготовите вино своё, и масло от олив своих! И дам вам Я траву в поле для скота, и будете есть вы досыта..."

Красивая речь Наала лилась подобно мёду из большого кувшина в маленькие души-плошки каждого из прихожан.

И Лучик, очарованный священнодействием, мечтал о том, что однажды и он станет коэном. Самым великим коэном, которому с благоговением будет внимать вся Древняя Рея.

Служба заканчивалась, но мужчины оставались в Святилище. Они задавали священнику животрепещущие вопросы, а тот степенно, со знанием дела на них отвечал. Коэн знал каждого мужчину по имени, а равно и их домочадцев, был в курсе их социального положения и семейных дел. И это придавало ему дополнительный авторитет.

Ребятня, поджидая отцов своих, играла во дворе, и лишь Иса оставался со взрослыми и слушал их беседу. Наал, конечно, сразу заприметил любознательного мальчугана, который иногда прибегал к молельне самостоятельно, без сопровождения взрослых. Но и только. Никаких особых знаков внимания он ему не оказывал. Всё изменил случай, произошедший после одной службы.

2

Солнечным днём по окончании обедни Наал вышел из Святилища с мешочком в руках и с двумя игральными досками. Иса из молельни вышел несколько раньше. Он смотрел, как мальчишки во дворе играют в шары. Когда коэн проходил мимо них, то у него из мешочка по рассеянности высыпались принадлежности для игры. Иса тотчас подбежал к священнику, чтобы собрать рассыпавшиеся предметы. Но

ещё не начав подбирать их, мальчик проговорил: "Тридцать семь".

– Что, тридцать семь? – спросил у него Наал.

– На землю выпало тридцать семь штук, – пояснил ему нечаянный помощник. – Двадцать семь фишек и десять пирамидок.

– Ты, наверное, просто догадался, что у меня в мешочке было два набора для игры, раз я нёс две игральные доски к ним, и поэтому понял, сколько фигурок выпало, – усмехнулся коэн, пересчитав предметы. – Но ты всё равно молодец! В твоём возрасте большинство и до трёх считать не умеют, а ты знаешь, сколько вещей входит в два набора.

– Нет, я успел посчитать. Ведь я же не знал, что в мешочке осталась одна фишка и две пирамидки, – парировал выпад священника Иса.

Озадаченный Наал потряс мешочком, и из него на землю в самом деле выпали две пирамидки и фишка. К тому времени возле них уже стали собираться мальчишки и взрослые. Увидев, что дитя право, мужчины засмеялись. "Этого не может быть! – чуть смутился и озадаченно потряс головой коэн. – А ну-ка, проверим..." И с этими словами он высыпал из мешка часть только что собранных принадлежностей.

– Двадцать девять, – сходу определил экзаменуемый. – Двадцать фишек и девять пирамидок.

– Двадцать и девять... Двадцать и девять..., – забормотал экзаменатор, сортируя фишки и пирамидки в разные кучки.

Пересчитав "посеянные" им самим предметы, священник потрясённо признал правоту ребёнка. В толпе кто-то удивлённо присвистнул. "А ну-ка, ещё!" – азартно выкрикнул Наал, теряя ипостась того, кто общается с небом. И он ещё трижды проверял способности Исы, прежде чем выдохся, ибо всякий раз мальчуган давал мгновенные и безукоризненные ответы.

– Н-да... – не сразу и нашёлся, что сказать экзаменатор. – У тебя редкие способности к счёту. Знаю, что ты приходишь сюда с Осом. А как тебя звать?

– Иса.

– И что ты ещё, Иса, умеешь?

– Я умею читать и немного писать. А ещё знаю наизусть все молитвы, что слышал в Святилище, или читал в свитках, которые мне давал Ос.

– Все молитвы – невозможно! – категорично, было, заявил коэн, ан тут же, памятуя о конфузе с фишками, сменил тон. – Так уж и наизусть? – усомнился он.

– Да! – уверенно опроверг его сомнения Иса.

И без всякой паузы и на одном дыхании мальчик продекламировал молитву "Внимай, Древняя Рея!" Причём, он не просто по памяти воспроизвёл её, но и интонационно передал особенности речи Наала, его манеру держаться и даже его мимику. Было очень похоже. Когда Иса закончил, все прихожане поневоле сделали поклон, а после некоторой заминки, придя в себя...расхохотались. Священник хохотал

вместе со всеми. И даже добавил: "Хорошая замена мне растёт!"

Наконец, все успокоились.

– Так-таки, ты помнишь все молитвы? – уже не рискуя спорить, спросил аретского уникума Наал.

– Угу, – кивнул тот.

– Ну что-то же ты забываешь?

– Это как?

– Допустим, тебе дали задание, а ты упустил это. Ведь ты же, наверное, слышал, как другие говорят, когда поленятся: "Ой, забыл!"

– Ага, – смутился Иса. – Однажды я так сказал маме, когда не принес воды с родника. Но, по правде, я не забыл. И я маме признался в том. Просто, неохота было выходить из игры с мальчишками. А так я всё-всё помню.

– Чудеса! – сказал коэн, окидывая его пристальным взглядом. – Ты хотя бы знаешь, что это за игра? – спросил он Ису, покачивая рукой игральные доски.

– Да, – кивнул ему маленький потрясатель воображения жителей города Арет. – Это Королевский Ур.

– Играть можешь?

– Я только смотрел, как другие играют. Но, думаю, что сумею... обыграть любого.

– Ну, уж! – на сей раз решительно возразил священник, будучи лучшим игроком в Королевский Ур в Арете. – Чудес много не бывает. Идём! И ты убедишься, что был не прав.

И Наал, соответственно статусу, возглавил ход паствы к лужайке у забора, где обычно мужчины коротали досуг.

3

Игра в Королевский Ур за несколько веков и через несколько стран перекочевала в Древнюю Рею из шумерского города Ур⁴. В ней на доске состязались двое игроков, каждый из которых имел по набору из семи фишек (у одного – чёрные, у другого – белые) и трёх игровых костей в виде пирамидок. На каждой грани пирамидки были нанесены цифры от нуля до трёх. Игроки по очереди бросали кости и двигали свои фигурки по клеткам доски согласно выпавшим цифрам. Задача заключалась в том, чтобы провести свои фишки на противоположную сторону доски (в своё "королевство"), попутно препятствуя фигурам противника, двигавшимся навстречу. Поскольку в этой забаве большую роль имело везение (в зависимости от того, какие на пирамидках выпадут цифры), игра длилась до победы одной из сторон в трёх партиях.

Первую партию Иса Наалу проиграл. Он поневоле ввязался в то, что не столько строил проходы для своих фишек, сколько препятствовал движению "войск" священника. Такая тактика влекла подчинённость замыслу соперника, и закономерно привела к краху. Причём, когда мальчик раньше

⁴ Шумер – историческая область Древней Месопотамии.

смотрел за игрой со стороны, ему нравилась именно атакующая стратегия. А тут, в дебютной схватке, он изменил сам себе.

Потому во второй партии Иса в корне изменил манеру действий на доске, организуя прорывы своими фишками-бойцами. С каждым броском пирамидок он играл всё увереннее, но, несмотря на отчаянную борьбу, в самой концовке всё же уступил коэну. К тому же, в финале этой партии за Наала откровенно сыграла удача: основания всех трёх пирамид "встали" на нолики. Каждый нолик давал право на максимально возможное количество ходов – по четыре. Это обстоятельство и предопределило исход второй битвы.

Зато в третьей партии фортуна с первого же хода улыбнулась юному участнику Королевского Ура: брошенные им костяшки "застыли" на гранях, на которых были высечены циферки "0", "3" и "0" – одиннадцать ходов. Иса сразу захватил инициативу, занял центр доски, создал на клетках своими фишками коридор, и провёл своё "войско" до самого "королевства", тогда как фигуры его оппонента всё ещё "топтались" на стартовых позициях. Промежуточная, но победа!

Четвёртую и пятую партии вдохновлённый Иса выиграл уже без всякого "фарта". Он одолел соперника благодаря точному расчёту множества вариантов, из которых выбирал наилучшие. Со стороны, для болельщиков, его триумф выглядел невероятным стечением обстоятельств. Сам же Иса знал, что никакого чуда не было: просто в его сознании фиш-

ки молниеносно двигались сами собой и отработывали до логического завершения версии возможных комбинаций, показывая их приемлемость или непригодность.

Озадаченный Наал незамедлительно предложил сыграть новую игру. Зря он это сделал: Иса окончательно уверовал в свои силы и выиграл три партии подряд.

Народ по-разному реагировал на фиаско бывшего лучшего игрока в Королевский Ур от "сопляка". И здесь нужно отдать должное священнику, который даже в этой ситуации поступил сообразно своему религиозному положению. "Вот что бывает, – обратился он к пастве, – когда Бог одного из нас поцелует в лобик!"

И коэн поклонился небу. И погладил Ису по голове.

4

С того знаменательного события Иса стал в Арете знаменитостью. Только самые близкие ему люди ничуть этому известию не удивились: уж они-то всегда знали, что Всевышний ниспослал им не обыкновенное существо, но чудо-ребёнка (как считал Ос) и Сына Человеческого (как свято веровала Ма).

Иса всей душой стремился к проповеднической деятельности. Храм его манил подобно светлой сказке. И тогда Наал приблизил его к мечте. Он позволил мальчику помогать приратнику при молельном доме в наведении порядка, а также,

оценив правописание и каллиграфический почерк феноменального самоучки, разрешил ему переписывать тексты из Святого Писания. Но не сразу. Прежде коэн согласовал этот вопрос с самим первосвященником из Салема, ибо рукописи, как правило, изготавливали специально подготовленные писари – масореты.

Вообще-то, Исе не особо нравилась писанина, но ведь взамен он получал возможность без ограничения читать Святое Писание, изложенное яркими красками на добротной выделанной животной коже. Когда что-либо из истории Древней Реи было духовному питомцу Наала непонятно, то священник давал ему разъяснения.

Сверх того, коэн, учивший грамоте детей богатых людей, позволял Исе слушать уроки из соседнего помещения. На большее Наал пойти не мог, поскольку Ос и Ма, само собой, не в состоянии были платить за обучение Исы. Но непритязательный воспитанник, подобно ростку, что из-под каменной плиты стойко тянется к солнцу, столь же упрямо рвался к знаниям, и потому испытывал искреннее упоение даже от таких занятий «из-за угла». Столь своеобразная учёба длилась почти два года, за которые мальчик существенно продвинулся в овладении богословием. Его родные также тихо радовались удачному стечению обстоятельств, ибо видели, как не по возрасту быстро развивается Иса.

Наконец, Наал, когда у него было свободное время и хорошее расположение духа, вёл с Исой долгие и содержатель-

ные беседы то по собственному разумению, то по инициативе питомца. И чем далее, тем более монологи священника превращались в диалоги с пытливым учеником, в ходе которых последний аргументированно отстаивал своё мнение. И по мере взросления мальчика всё чаще почвой для обмена мнениями становилась не богословская сфера, а реальная жизнь.

5

В тот день Иса шёл к святому месту не обычным кратчайшим путём от своего дома, а поднимался от реки. До того он на лугу смотрел как аретские ребята играли в «ямки». Когда солнце поднялось высоко и стало жарко, игроки разбрелись кто куда, а Лучик двинулся в сторону святого дома незнакомой дорогой.

Шагая вдоль глинобитного забора, он внезапно услышал плач и вопли о помощи, а также странные звуки: будто куски жидкую глину бросали с высоты наземь. Шум доносился с другой стороны ограды. И Иса поспешил туда. Вход внутрь ему преградила невысокая калитка, подпёртая изнутри колом. Но, поскольку звали на помощь, воротца не остановили маленького спасителя. Он легко перелез через них и побежал к месту происшествия.

Во дворе он сначала увидел испуганную девочку и мальчика приблизительно его возраста, по лицам которых текли

слёзы, а дальше – тщедушного мужичонку, за волосы волочащего по земле ойкающую дородную женщину и наносящего ей удары. «Ослик бьёт верблюда», – невольно мелькнуло в голове у Исы наивное сравнение. Но это был лишь проблеск, потому что в следующее мгновение он, впервые видевший такое безобразие, с криком: «Дяденька, так нельзя!», с силой толкнул драчуна, в очередной раз занёсшего кверху правую руку.

От резкого тычка мужичонку повело вбок, тот выпустил из левой руки волосы жертвы и, нелепо семеня заплетающимися ногами, упал под забор.

Наступила тишина и пауза в «боевых действиях». Детишки и женщина с крайним удивлением взирали на метаморфоз ситуации. Должно быть, до внезапно появившегося заступника никто столь бесцеремонно не обращался со скандалистом.

Буян, меж тем, шатаясь и вихляясь всем телом, поднялся с земли. «Пьяный», – догадался Иса, прежде видевший людей в таком состоянии во время Пурима⁵. Мальчуган неотрывно и напряжённо следил за мужичонкой, не зная, что от того можно ожидать. И всё же, несмотря на сосредоточенность и готовность, он вздрогнул, когда дебошир повернулся к нему передом: пьяница был одноглазым. Точнее, у него были оба глаза, но правый вытек, и сейчас в глазнице шевелилось ме-

⁵ Пурим – весёлый религиозный праздник в Древней Рее, во время которого пьют до тех пор, пока не перестанут отличать солнце от луны.

сиво, похожее на гнилую сливу. Кроме того, вместо левой ноздри у него зияло отверстие, ведущее внутрь черепа.

Самозваному защитнику женщины стало жутко. Тем более что страшный мужичонка пошёл на него, угрожающе разведя руки и злобно завывая и подхихикивая, словно гiena. Конечно, пьяница ростом был далеко не Голиаф⁶, так ведь и Иса был ещё не Давид⁷. Однако, мальчик, вспомнив Святое Писание, оглянулся в поисках какого-нибудь орудия. И увидел кол, валявшийся неподалёку.

Он схватил палку и предупредил жуткого уродца: «Дяденька, не подходи!...» Поскольку его враг не только не остановился, но и стал по-звериному всхрапывать, Иса, судорожно сжав кол, повторно предостерег его: «Дяденька, не подходи!... Глаз выбью!»

Такая острастка, с одной стороны, несколько охладила наступательный пыл буяна (глаза на дороге не валяются), и он приостановился. Однако, с другой стороны, именно такая угроза разозлила его пуще прежнего, видимо, напомнив о чём-то обидном. И дебошир двинулся снова, зарывав вдвое громче.

Тогда Иса замахнулся палкой. В ответ злобная образина попыталась напрыгнуть на него. Ан не тут-то было: нога вы-

⁶ Голиаф – огромный филистимлянский воин, ростом шесть локтей с пядью (2 метра 77 сантиметров).

⁷ Давид – библейский юноша-герой, поразивший Голиафа камнем, пущенным из пращи.

пивохи попала в ямку, и он, поскользнувшись, вновь потешно засеменял заплетающимися ногами и полетел под медоносный куст, над которым роились дикие пчёлы.

Окопавшись там, пьянчужка, пытаясь встать, принялся дико ругаться и дёргать куст. Вероятно, пчёлам не понравились ни его действия, ни зловонный запах, исходивший от безбожного сквернословия. Не исключено, что всё это оказалось не по душе и Самому Са! В результате пчёлы принялись нещадно жалить мужичонку.

Теперь матерщинник заорал так, что вся его предыдущая похабщина показалась ангельским лепетом.

Быть может... А вернее сказать, совсем не быть может, а вне всякого сомнения, разозлённые насекомые закусали бы никчёмного пьянчужку насмерть... Если бы не Иса. Он не в состоянии оказался бросить даже такого человека в беде. И на пару с упитанной женщиной они стремглав вытащили мужичонку из-под куста, несмотря на то, что и спасателям от пчёл тоже изрядно доставалось. Вместе с детишками они быстро затащили уже бесчувственного драчуна в домик, где и укрылись от разъярённого роя.

Едва опасность миновала, а импровизированная компания мало-мальски пришла в себя, то Иса, оглядев остальных, поневоле засмеялся: у всех в той или иной степени физиономии потешно запухли. Аналогично и женщина с детьми, отходя от выпавших на их долю переживаний, заулыбались, глядя на Ису, глаза которого превратились в узкие щёлочки.

И только дебошир не веселился, поскольку вообще не видел ничего: его физиономия стала напоминать круглый чурбак без носа и глаз. Он лишь время от времени стонал и вопрошал: «Фима, где я?... Фима, шо ты со мной удеяла?...»

6

Разумеется, Иса не имел права заявиться в святое место в столь устрашающем обличье. И он вернулся домой. Мама, увидев его, сначала лишилась дара речи. Потом принялась жалеть, целовать и ругать его, делая это одновременно с примочками на глаза сына и расспросами о случившемся. Она была так напугана, что мальчик решил умолчать о конфликте с пьяницей. И сказал лишь о том, что его изжалили пчёлы. Получилось удачно, потому что маму он как будто бы и не обманул.

Вскоре непоседливому бедолаге полегчало, и он с аппетитом покушал. Немного отдохнув, Лучик вознамерился было погулять, но мама заставила его отлежаться до вечера. Лишь когда солнце стало клониться к закату, Ма попросила сына сходить за Досей, которую вместе с остальным стадом Верхнего посёлка должны были пригнать с пастбища погонщики.

Иса встретил стадо, забрал Досю и погнал её к дому. Внезапно он увидел Наала, направлявшегося куда-то по своим делам. Мальчик застыдился своего вида, и отвернул голову от учителя. Коэн успел обогнать Лучика на несколько шагов,

как вдруг остановился и обернулся.

– Иса, мальчик мой, ты ли это?! – поражённо спросил священник, вглядываясь в ученика.

– Да, это... я, – со вздохом откликнулся тот.

– А я ведь тебя узнал... только по Досе, – признался Наал. – Что с тобой случилось?

И Иса приступил к повествованию о полуденном побоище. Когда он перешёл к описанию мужичонки, наносившего побои женщине, Наал перебил его, осведомившись:

– Одноглазый? С рваной ноздрёй?

– Угу.

– Это Ихим. Его в пьяной драке покалечили. И поделом ему тогда досталось! Он что, опять пьяный был?

– Да.

– Ну, про него в Арете так и говорят: «Ихим – у него каждый день Пурим!»

Завершая повествование, мальчик посетовал:

– Сейчас-то этот Ихим лежит и стонет. А как очухается, то, небось, опять станет обижать тётеньку Фиму и маленьких? Надо что-то делать.

– А что сделаешь? – вздохнул умудрённый опытом собеседник. – Он же Фиму дома бил. Имеет полное право. Однажды он бил её на улице, так я водил его к сангредину⁸. Там ему пригрозили плетью и штрафом. А дома глава семейства – полный хозяин. Вот, допустим, Фима приготовит Ихиму

⁸ Сангредин – судья в Древней Рее.

подгоревшую еду, так он может её и из дома выгнать. И не укажешь ему.

– Неправедно это, – с горечью проговорил мальчик, придерживая Досю, тянущуюся к дому. – Это унижение женщин. Вот почему на молебне моя мама должна стоять на отшибе, отдельно от мужчин? В атриуме...⁹ Наравне с язычниками...¹⁰ К самым святым местам в храме их вообще не допускают. И даже ты, учитель, советуешь читать молитву: «Господь, благодарю Тебя, что ты не создал меня язычником, женщиной или недоумком!». Что ж тогда мы, мужчины, женщин любим?

– Да, мы, мужчины, женщин любим, – улыбнувшись, повторил сентенцию малолетнего ученика коэн. – Видишь ли, сын мой... Вот представь, что Иса полез на финиковую пальму за виноградом, и тут на него с верхушки дерева упала перезревшая хлебная лепёшка, стукнув по лбу... Может такое быть?

– Не-е-ет! – вообразив такую картину, засмеялся Иса.

– А почему? – задался вопросом Наал. – Да потому, что мир иначе устроен. Мужчина изначально существо более высокого порядка. Вспомни, как Адам только раз поддался искушению, из-за Евы вкусив запретный плод. Результат – изгнание их рая за грехопадение. Посему мужчине предписано

⁹ Атриум (латинское atrium), паперть – открытая площадка перед входом в храм, а также дворик молебного дома.

¹⁰ Язычники – последователи политеистических религий (многобожия).

быть над женщиной, дабы искупить грехи, постичь замысел Господа Нашего и через то вернуть паству в Эдемский сад.

– А женщины – тоже паства? – не по-детски хитро прищурился оппонент изошрённого полемиста.

– Не обязательно. В принципе, им не обязательно ходить на богослужения, или, допустим, совершать паломничество в Салем на Пасху.

– То есть, – неумолимо уточнял Иса, – женщина Древней Реи может не верить во Всевышнего?

– ...Я такого не говорил! – после недолгого раздумья вынужденно пошёл на уступку священник. – В качестве верующей она, конечно же, часть паствы.

– Как же тогда мы вернём паству в Эдемский сад, – недоумевал мальчуган, – ежели даже ты, учитель, утверждаешь: «Кто обучает свою дочь Святому писанию, тот обучает её распущенности, ибо она будет дурно толковать Слово Божие!». Разве может она прийти к Богу, не постигнув Его замысел?

– Известно ли тебе, сын мой, – упорствовал Наал, – что «паства» означает тех, кто пасётся на лугу. Стало быть, пасутся овцы, а пасём их мы – духовенство.

– Значит, потянем их к Отцу Нашему на верёвке или станем загонять кнутовищами?! – дёргая козу за бечёвку, воскликнул непокорный воспитанник.

– Ты, сын мой, – начинал выходить из себя коэн, – разговариваешь неподобающим образом!... Да, вместе с церковью и

с достойными мужами Древней Реи мы поведём заблудших и неразумных за собой. И последними побредут женские особи. Каждому – своё место в стаде.

– Со слепыми и зрячий оступится в бездну, – с горечью возразил ему Иса. – Всяк из нас должен разуместь Бога Нашего. Иначе ведь не отличишь Его от дьявола, обманщика или самозванца! И мамочка моя, которую я люблю больше всего на свете, наперёд прочих должна разуместь...

– Не говори так, сын мой, – предостерёг его священник. – Больше всего на свете мы любим Господа!

– А разве я иное сказал? – не уступал ему ученик. – Мама моя – частичка Господа! Как и все, кто верует в Него. И чем больше я люблю маму, тем больше люблю Всевышнего! Или чем больше люблю Оса и всех тех, кто одного духа с Богом, тем ближе мы становимся к Нему!

Учитель не нашёлся, что возразить ему.

В тех разногласиях каждая сторона осталась недовольна другой. Однако тогда ни коэн, ни его подопечный и подумать не могли, что в отношениях между ними возникла первая трещинка, которая однажды и вовсе превратится в пропасть.

7

В то памятное утро Иса в храме переписывал текст Священного Писания. Старательно выводя заглавную букву очередного абзаца, он услышал странные возгласы, доносивши-

еся со двора. Кто-то громкоголосил на иноземном языке. И ученик поспешил туда.

Во дворе он увидел контуберний¹¹ римских воинов, стоявших в тени деревьев, а также их командира, за что-то отчитывавшего на латыни самого Наала.

Прежде Лучик несколько раз был очевидцем того, как римляне, кто в стройных пешеходных рядах, а кто на колесницах или даже верхом на лошадях, красиво следовали из Арета в Салем и обратно. Ну, следовали себе и следовали, не трогая никого. Потому мальчик не придавал этому феномену особого значения. Но сегодня один из них заявил о себе, позволив ругать не кого-нибудь, а главного проповедника Арета.

Ису прежде всего поразило поведение Наала, который стоял покорно сгорбившись перед наглым здоровяком и изредка, тихим голосом, что-то отвечал тому на иноземном языке. А предводитель солдат постепенно перешёл на крик, и вдруг влепил пощёчину учителю.

Мальчик от ужаса на мгновение даже зажмурился: пометь ударить того, кто был посредником между Господом и паствой! Да сейчас Всевышний поразит молнией святотатствующего римлянина и от того останется только кучка пепла!

Свидетель кощунства открыл глаза. Нет! Негодяй не только стоял перед священником цел и невредим, но ещё и плюнул тому под ноги. И тогда Иса, не помня себя, с воплем

¹¹ Контуберний – взвод римских солдат, численностью 8 – 10 человек.

бросился к подлому вояке и оттолкнул его, встав между ним и учителем. Так как мальчик не знал латыни, то он принялся кричать на хама даже не по-древнерейски, а на сходу им придуманном тарабарском наречии. После чего тоже плюнул ему под ноги.

Сначала начальник контуберния только удивлённо таращил глаза на юного аретца. Потом он оглянулся на своих товарищей, что-то им сказал и засмеялся. А затем нанёс маленькому гонителю сокрушительную затрещину тяжелой дланью по уху.

От тумака у Исы свет померк в глазах и он рухнул наземь. Когда сознание вернулось к мальчугану, он обнаружил, что Наал останавливает кровь, бегущую у него из носа, а римляне покидают двор. «Бедный сын мой! – шептал пастырь, прижимая белый платок к носу мальчика. – Бедный сын мой! Прости, прости меня...»

Но мальчик настолько был потрясён безбожным поступком пришельца, что про свой нос и не вспомнил.

– Почему он ругался и плевался? – первым делом спросил он духовника.

– Понимаешь ли..., – в затруднении промолвил тот, явно не зная, как лучше объяснить случившееся. – Во время службы меж прихожан затесался этот... Хаим из Табаха.

– Табах... Это где?

– Это селение на берегу Илейского озера. Этот Хаим раньше участвовал в волнениях, которыми верховодил Уда Илей-

ский. Хаима давно ищут. И кто-то донёс, что он был в толпе на сегодняшнем богослужении. Вот римляне и пришли разбираться. А я, как коэн, обязан был сообщить про смутьяна. Но я его не заметил.

– А Уда Илейский... Это кто?

– Уда?... Кхм... Это главарь смутьянов. Несколько лет назад они восстали против Рима, убили немало римлян, греков и сирийцев. Но потом их разбили. И самого Уду тоже убили.

– Воевал с Римом? – даже вскочил на ноги Иса. – А зачем... Уда воевал с Римом?

– Понимаешь ли, сын мой, римский полководец Помпей много лет назад¹² со своими войсками завоевал нас. Римляне поставили править Древней Реей царя Вырода. Но народ рейский был недоволен тем, что Вырод ценил всё римское и эллинское. И люди часто протестовали. Потому нашу страну разделили на четыре части – тетрархии. И включили их в состав Сирии. Сейчас нами правят римляне, а заодно с ними греки и сирийцы...

Откровениями наставника Иса морально был просто раздавлен. Ведь он искренне полагал, что реи – самый лучший народ на свете! Богоизбранный! И вдруг – какие-то римляне... А... А как же тогда Всесокрушающий Са?! И ученик, не мудрствуя лукаво, со свойственной ему прямоотой так и спросил:

– О, мудрый Наал, а отчего же Всевидящий и Всемогущий

¹² В 63 году до нашей эры.

Господь не заступился за нас? Почему он знатно не проучил всех римлян, греков и сирийцев?!

– Видишь ли, – толковал ему тот, стремясь изъясниться понятнее, – отчасти в исканиях на пути к Нему виноваты мы сами. Где-то реи согрешили. Многие и доньше не лучшим образом следуют его установлениям. Вот и несём тяготы до полного исправления. Но реи как никто иные близки к Всевышнему и к Царствию Божьему на Земле. Ан всему свой час... Надо ждать своего часа.

– Выходит, что у нас – Всевышний, а у римлян – свой бог? И они борются друг с дружкой, как мы с римлянами?... – рассуждая вслух, пытливо всматривался в глаза проповедника ученик.

– Ну что ты, сын мой! – остановил его священник. – Бог один! Бог реев! А у прочих – кумиры, коих они мнят богами. У греков – Зевс, Гера, Афина и ещё сонм золочёных и каменных идолов, выдуманных этими язычниками, то бишь невеждами и деревенщиной. У римлян – Юпитер, Юнона, Марс и прочие бездушные истуканы, коих они чтут выше себя самих. Большой бред и не придумаешь!

– Верую! – воскликнул Иса. – Всевышний и никто другой! Так, когда же Он выручит нас?

– Как только мы станем достойны общения с Ним, – поучительно резюмировал Наал. – Всему свой срок. А пока надобно потерпеть.

– Терпеть?! Терпеть захватчиков?! – не верил ушам своим

мальчик. – Разве Бог так завещал?

– Ну..., – смутился Наал. – Всевышний такого не мог говорить...

– Так и в Священном Писании я такого сроду не читал! – гневно допытывался истинны ученик. – Или есть ещё какие-то тайные Божьи книги?

– Нет. В святцах тоже такого не говорится, – признал неправоту в этой части духовник.

– Где же тогда говорится? Кто же в этом случае сказал: терпеть?

– О-хо-хо... Жизнь велела...

– Жи-и-изнь, – проговорил Иса с такой презрительной интонацией, что Наал отвёл в сторону взгляд. – Я знаю Слово Божье! Я вычитал всё Священное Писание, а ты говоришь... Ты не прав... учитель!

– Поверь мне...сын мой, – вдруг засуетился тот, мелко потирая руки, подобно лавочнику, удачно обсчитавшему покупателя. – Пока враги сильнее нас...Я даже неправильно выразился... Нельзя про римлян говорить «враги»...Ты тоже нигде так не говори...За это они могут примерно покарать...

– А как их называть? – насмешливо осведомился восставший ученик, убирая засохшую кровь из-под носа. – Благотели? Ага!...А покарать меня может только Всевышний! Но я Его чту! А потому никого не боюсь!

И резко повернувшись на сто восемьдесят градусов, он направился прочь от двуличного человека.

– Иса! – с нотками мольбы окликнул его Наал.

– Ну, что ещё?! – даже не оглянувшись, на мгновение приостановился мальчуган, нетерпеливо дёрнув ногой.

– Я прошу тебя никому не говорить про этот наш разговор... И про... всё сегодняшнее..., – просяще, в повинной тональности выдавил из себя коэн.

– Э-э-эх... Я же не Далила¹³, – пренебрежительно отмахнулся в ответ Иса.

И пошёл прочь.

8

Потрясение!

Именно так, одним словом можно было описать состояние Исы, когда он шёл домой. Ведь выше мамы, Оса, Древней Реи для него был только Бог... И вдруг какие-то римляне, что, оказывается, угнетают их, помыкают ими, бьют их и плюют на них... И жители Древней Реи мирятся с этим... И, самое главное, почему всё это сносит Господь!? Нет, что-то здесь не так...

Дома непоседа, зная характер мамы, не стал её волновать пересказом о дневных событиях. Когда же она спросила у него про припухший нос, ограничился выдумкой о том, что упал с качельки. А затем, чуть не лопаясь от нетерпения, Лучик принялся дожидаться прихода Оса.

¹³ Далила предала библейского богатыря Самсона, выдав секрет его силы филистимлянам.

Но когда тот вернулся с работы, Иса, разумеется, повёл себя как воспитанный мальчик. Прежде он помог ему умыть-ся, поливая воду на руки из кувшина и подав полотенце. А равно подождав, пока их кормилец покушает.

Потрапезничав, Ос прилёг на свою лежанку, а помощник присел к нему в ноги и уставился на него своими зелёно-голубыми глазами.

– Как дела, Лучик? – улыбнувшись, полюбопытствовал Ос.

– Ничего.

– Ты хочешь что-то спросить?

– Да ты же устал, – сочувственно вздохнул мальчик, меж тем теснее придвинувшись к Осу.

– Да уж спрашивай, – великодушно разрешил тот.

Нет, конечно же, нет... Иса напрямую не стал передавать перипетии стычки на святом месте. Ведь он же дал слово! И он не имел права подводить даже такого двуличного человека как Наал. Потому он приступил к животрепещущей теме исподволь.

– Сегодня на базаре дяденьки болтали, – неспешно придумывал фабулу рассказа мальчуган, боясь наговорить лишнее. – Оказывается, нас давным-давно римляне завоевали. И все сникли. Все, кроме Уды Илейского. Он не смирился. А дальше я не знаю, – признался он Осу. – Дальше меня дяди увидели и прогнали. А кто такой Уда Илейский?

– Уда? – тяжело вздохнул Ос, осознав, что отдохнуть ему

воистину не придётся. – Это опасная тема. В Салеме за это какой-нибудь подлый сундук¹⁴ сразу бы донёс на нас римлянам. И было бы худо. Потому, давай договоримся, Иса, что разговор останется между нами. Идёт?

– Д-да.

– Даже я ещё не родился, когда Древнюю Рею захватили римляне, – печально понижая голос, заговорил Ос. – И вскоре после этого против них поднял восстание Хизкия Илейский – отец Уды Илейского. Но на стороне захватчиков выступил Урод Великий – царь Древней Реи, назначенный римлянами, а также его приспешники сундуки. Хизкия был разбит. Его и других повстанцев распяли на крестах...

– Это как?! – широко распахнул глаза Иса.

– Есть такая казнь, которую придумали римляне. Они прибили непокорных за руки и за ноги к большим деревянным крестам. А кресты вкопали в землю. И держали их в таком виде три дня, пока те не умерли, солнцем палимые. И никого к ним не подпускали.

– Они же, бедненькие, мучились! – прошептал мальчик.

– Та-ак... Сейчас тебе Иса одиннадцать, – принялся вычислять период времени на пальцах Ос. – Стало быть, когда тебе было шесть лет, войну против Рима начал уже сын Хизкии – Уда. Боролся за свободу. Однако и он с соратниками

¹⁴ Сундуки – религиозно-политическое движение, сторонники которой (правящая аристократия) отрицали особость Древней Реи и соглашались с доминированием Рима ради собственного благополучия.

был убит на поле брани. Много нашего народу полегло.

– Почему Уду зовут Илейский?

– Потому, что он жил на берегу Илейского озера. В Каперне. Это около трёх дней пути отсюда. Я родом из тех мест. Только уехал оттуда лет двадцать назад. Но Уду Илейского знал. Отважный был человек.

– Ты его знал! – воскликнул Иса, и испуганно зажал себе рот ладонью, оглянувшись на маму, которая хлопотала по хозяйству.

– Да, – скорбно пождал губы Ос. – Знал. Следующим летом мне надо быть в Каперне. Меня туда позвал строить коптильню Сисой-Большая Задница. Так буду проходить мимо могилы Уды Илейского. Положу на надгробие камешек.

– Сисой-Большая Задница, – хихикнул Иса. – Это кто?

– Местный богатеи.

– Ос, а ты меня возьми с собой, – попросился мальчик. – Я тоже хочу положить на могилку Уды Илилейского камешек. И помогу тебе построить коптильню.

– Боюсь, что тебя Ма не отпустит, – усмехнулся старик.

– Я её уговорю, – заверил его Иса. – И потом, на следующий год мне исполнится двенадцать лет. Я же буду уже большой.

– Ладно, там видно будет, – ответил Ос.

И Лучик стал готовиться к походу в Илею.

Глава третья

До похода в Илею оставался почти год. Его надо было как-то перетерпеть. В молельню Иса больше не ходил из презрения к Наалу. С обязанностями по дому Лучик справлялся легко. Свитки со Святым Писанием, что были у Оса, любознательный мальчик перечитал по нескольку раз. У него оставалось много свободного времени. И потому энергичный непоседа стал искать, чем бы заняться.

В то утро Иса проснулся вместе с солнышком, потому что мама всегда поучала его: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт!». Правда, в ответ на мамину сентенцию Ос, посмеиваясь, столь же регулярно рассказывал историю про слишком проворного рея.

– Этот дотошный Изя решил перехитрить весь мир, – излагал свою версию Ос. – Он встал затемно, надеясь найти работу. Оделся поприличнее, положил в карман последние лепты¹⁵ и вышел в неизвестность...Его жена Маса даже не успела задремать, как муж постучался обратно. Маса впустила неугомонного хлопотуна и ахнула: одежда на нём была изорвана, под глазом сиял синяк, а сам он был вывалян в грязи и без денег. «Что?! Что случилось?!» – истерично вскричала супруга. «Понимаешь, Маса, – чуть не плача, отвечал ей Изя, – нашлась какая-то сволочь, что встала раньше меня».

¹⁵ Лепта – мелкая денежная монета из меди.

В данном случае не берёмся судить, права ли была Ма в своих наставлениях, либо Ос – в своих предостережениях, но факт остаётся фактом: Иса, быстренько исполнив мамы задания, отправился погулять, когда роса ещё не вполне высохла на траве.

Он спустился к рынку, обошёл центр Арета, но ничего интересного не обнаружил. И даже никакая «сволочь» ему не попала. Тогда Иса отправился к речке Кохабе, где на обширной лужайке собирались мальчишки, чтобы сыграть «в шары».

Смысл развлечения заключался в том, чтобы каменным катышом попасть в лунку, в которую игроки клали орешки. Тот, кому удавался меткий бросок от линии кона в названную им ямку, забирал всю ставку. Однако, всё было не так просто. Лунок было несколько: три ближние, две средние и одна дальняя. В дальнюю, естественно, угодить было сложно. Зато, если метаящий камень попадал в неё, он не только забирал оттуда все трофеи, но и сохранял право следующего броска в эту же ямку, куда перекладывались орешки сначала из ближних, а затем и из средних лунок. По правилам кидать шар в дальнюю ячейку могли те игроки, что сделали в неё ставку. К остальным эта возможность переходила лишь тогда, когда пустели средние и ближние ямки. В основном играли «пара на пару», потому что в середине дня не было отбоя от желающих сразиться «в шары».

Впрочем, как уже отмечалось, время было раннее, потому

на поляне было пустынно. И всего-навсего один парнишка, скучно вздыхая, бросал шар в пустые лунки.

– Мир тебе! – произнёс Иса, приближаясь к незнакомцу.

– М-мир! – вздрогнув от неожиданности, ответил тот, обернувшись. – Сыграем?

– Не-е, – помотал головой новоприбывший. – У меня орешков с собой нету.

– А я в долг дам.

– Не-е, я так не играю.

– Тогда давай на интерес.

– Это как?

– Кто проиграет – тот по-козлиному мемекает.

– Ну-у-у... Давай. А тебя как зовут?

– Уда Изриот.¹⁶ А тебя?

– Иса.

И пошла игра. Хитрый Уда на правах хозяина шара выторговал себе право первого броска. Он сразу же выбрал дальнюю ямку, метко поразив её шаром. И пришлось Исе трижды кричать козлом, поскольку на козырной лунке ставка утраивалась.

Гость с окраины захватил инициативу и попадал в дальнюю ячейку пять раз кряду. На шестой попытке он ошибся, да и то потому, что от смеха «над козликом» у него дрожали руки. Вот таким образом шар оказался у дилетанта популярной забавы.

¹⁶ Из риот (древнерейское) – с окраины, из пригорода.

Вначале дебютант решил действовать наверняка и сделал первый пробный бросок в ближнюю лунку. Удачно. А потому Уде с окраины довелось нехотя «мемекнуть» один раз. Но и второй шар Исы лёг точно в среднюю ямку. Недовольному знатоку игры поневоле понадобилось проблеять дважды. Ну, а когда дерзким пришельцем была поражена и дальняя ячейка, Уда Изриот даже выругался с досады, прежде чем выдал целую козлиную руладу.

Правда, на четвёртом метании смелый новичок допустил сбой, но и его соперник, жаждавший отмщения, от чрезмерного желания тоже допустил промах. Дальше игра проходила с переменным успехом. Некоторое преимущество, впрочем, было у «ветерана», но и талантливый ученик выглядел достойно. Если Уде давали преимущество крепкие руки и прочные навыки игры, то Ису выручал глазомер, а также тонкое мышечное чувство. Так они соперничали до самого обеда, пока не выдохлись.

– Ты способный, – признал очевидное завсегдатай поляны. – Давно играешь.

– Давно-о-о, – пошутил Иса. – С самого утра.

– Ни чё се! – поразился его новый знакомый. – Слышь, а давай играть в паре. Ты приходи вечером, как жара спадёт. Тогда сюда пацанов много набежит, и мы всех обделаем. А то у меня напарником один Бибик. Но он – слабак. А с тобой мы наворочаем!

– Завтра, – пообещал ему новый товарищ. – Я около дома

камни побросаю. Подготовлюсь, как следует.

– Лады, – согласился Изриот. – Мне ужасно как нравится играть в шары. Больше всего эту игру люблю! А ты?

– А я – маму.

– А за что ты её любишь?

– Ни за что. Просто так. Больше жизни люблю.

– А я так-то ещё свою бабулю люблю, – хитро прижмурился Уда. – На всякий случай. Вдруг пригодится... Ашишимки даст или ещё чё...

2

Неделю спустя новая связка игроков «наваляла всем и несла в шары всю округу», как без ложной скромности выражался Уда Изриот. Новоявленным триумфаторам уже и орешки некуда было девать. Но если Иса закармливал дарами природы маму, Оса и всех соседских ребятишек, то его компаньон по предприятию утрами торговал ими на рынке.

На игровой поляне нарастал ажиотаж в ожидании сенсации: когда же отыщется та пара, что «надерёт» Ису и Уду. Иногда здесь появлялся богатенький пухлощёкий Маруф, приезжавший на Тыре и под охраной Эду. Но играл он из рук вон плохо. А как-то раз Иса заметил даже Наала, из любопытства с пригорка следившего за мальчишескими баталиями.

В один из вечеров к лужайке у Кохабы подъехала необычная процессия: Маруф на осле и с неизменным Эду, а также

угреватый парень лет шестнадцати на коне в сопровождении взрослого всадника. Ездить на лошадях могли себе позволить только очень богатые аретцы. Потому прибытием новых зрителей все присутствовавшие поневоле заинтересовались. Да и как было не обратить внимания, если наездники на двух жеребцах и осле рассекли толпу точно мечом сырую глину: мальчишки перед ними поспешно расступались, а после проезда знатных особ «пацанва» снова сливалась.

О том, что приехавшие – известные личности, стало ясным из того, что в толпе забормотали, указывая на угреватого подростка: «Глянь, это же Магид – сын тетрарха¹⁷ Баруха... Угу, а с ним сам кривоногий Шимон, он за римлян воевал... И этот, Маруф с ними притащился... Ага, прихвостень противный...»

Уда тоже шепнул напарнику:

– Видишь того прыщеватого? Это сын Баруха.

– Что, здорово играет? – простодушно осведомился Иса.

– Дурак! Ты бойся его...

Всадники меж тем спешили возле черты, от которой игроки метали шары, даже не сказав: «Мир вам!». А Маруф, многозначительно посмотрев на Магида, кивнул в сторону Исы.

– Эй, это ты всех тут шарить? – подойдя к Исе, надменно спросил его угреватый тип.

¹⁷ * Тетрарх – один из четырёх правителей Древней Реи, которую римляне расчленили на четыре части.

– Мы в паре с Удой, – поправил его тот, делая ставку в дальнюю ямку. – Вот, только что третий кон выиграла.

– Со мной играть будешь, – по-хозяйски распорядился именитый аретец.

– Игра идёт пара на пару..., – начал было пояснять мальчик.

– Надо будет, этот мне подсобит, – чванливо мотнул головой Магид на Маруфа, и дал тому знак.

Пухлощёкий подхалим угодливо подскочил к дальней лунке и из привезённого мешочка отсыпал туда впятеро больше орешков, нежели это только что сделал Иса. Ячейка оказалась заполненной выше краёв. Это, во-первых, значило, что право первого броска принадлежит Магиду, а во-вторых, орехи из ямки надлежало выложить рядом, чтобы они не помешали определению точности попаданий. Больше никто не пожелал принимать участия в предстоящем соревновании – ближние и средние лунки остались пустыми.

Прыщеватый хлыщ взял шар и от линии кона неуклюже кинул его. Каменный снаряд пролетел мимо. Такой исход ничуть не удивил Ису, ибо родовитый пижон не размялся перед игрой, не сделал пробных метаний. «Сандаль!» – иронично подумал маленький соперник про сноба, оставляя своё мнение при себе. Впрочем, Магида явный ляп ничуть не огорчил. Он словно ждал этого, преследуя какую-то иную цель.

В виду промаха Магида очередь действовать перешла к его соперникам. Иногда по поводу первого броска между

Удой и Исой возникал спор, но тут Изриот вдруг сам попросил партнёра, опустив взгляд: «Давай, сначала ты». Напарник, пожав плечами, взял катыш и встал наизготовку.

Иса не волновался. Его лишь несколько раззадорила та странная обстановка, что возникла на поляне с приездом сынка тетрарха. Игрок прицелился, привычно сделал мах рукой с шаром назад, чуть затаив дыхание в этой фазе, а затем произвёл рассчитанный бросок. Камень угодил точно в центр ячейки.

Теперь поразить цель надлежало Уде, и тогда целая куча орешков становилась добычей их команды. Но Изриот, всегда такой самоуверенный, внезапно затрепетал. Исе даже пришлось, в момент передачи шара, щёлкнуть его по лбу. От такой дерзости Уда, будучи старше шалуна, обозлился, что отчасти и привело его в чувство.

И всё же метнул камень Изриот неважнецки: тот долго качался на границе лунки, но в итоге свалился на дно её. Мальчишеская братия, следившая за перипетиями борьбы, ахнула. А Иса подбадривающе похлопал Уду по плечу.

Следующий тур игры сложился аналогично первому. Опять подлиза Маруф услужливо засыпал лунку орехами. Магид вновь зарекомендовал себя отменным и невозмутимым мазилой. Причём, он как-то демонстративно небрежно бросил шар. Иса же, в противовес сопернику, повторно чётко поразил цель, словно Давид лоб Голиафа. Да и Уда на сей раз обрёл себя и без проблем закатил шар в лузу.

Всё изменилось, когда игрался третий и последний кон (в котором Маруф высыпал из мешочка последние запасы). В нём надменный сынок правителя Арета и его окрестностей был повержен вдвое быстрее, чем в первых двух розыгрышах. Однако, стоило победителям, присев на корточки, приступить к сбору выигранных плодов, как Магид, опережая их, в три пинка разбросал орешки по земле.

– В чём дело?! – поднимаясь, по-взрослому осведомился Иса, невольно подражая Осу, который вёл себя подобным образом в неприятных ситуациях.

– Заткни рот, босяк! – теряя напускную бесстрастность, внезапно заорал прыщавый хам. – Вопросы он мне задавать будет! Да ты знаешь кто я?... Я сын тетрарха!

– Баруха? – подчёркнуто спокойно уточнил у него выходец из малосостоятельных слоёв аретцев.

– Баруха! – весь передёрнувшись, выкрикнул Магид.

– Это он тебе сказал сделать так? – повёл рукой мальчик в сторону рассыпанных орехов.

О-ох!... Всё же, воистину, Иса умел задавать вопросы. От озвученной им задачи амбициозный, но недалёкий отпрыск Баруха своим скудоумным лбом словно на дуб налетел. Получалось нехорошо: сынок поневоле связал должность своего папаши с собственной выходкой. А ведь вслед за первой проделкой он уж хотел дать подзатыльник «больно много о себе понимающему шкету». Теперь же приходилось искать выход из тупика, на что Магид не был горазд. И потому он

застыл с разинутым ртом... Безмолвствовала и вся мальчишеская общественность, ожидая развязки.

Выручил Магида кривоногий Шимон, который держал за его спиной под уздцы лошадей.

– Ты знаешь, что в Древней Рее азартные игры запрещены? – строго спросил он Ису.

– Да. Но мы не на деньги режемся, – ответил тот. – Только на орешки. Так в шары везде играют.

– Всё равно нельзя. Вон тот, – показал Шимон на Уду Изриота, – потом идёт на базар и толкает там орехи. Это как?

И все увидели, что Уда страшно перепугался и побледнел.

– Вот и выходит, – продолжал кривоногий, обращаясь к Исе, – что ты, оборванец, сбиваешь с толку послушных маленьких реев. Тебе, нищоброду, не место среди нас.

– Во-первых, я – не оборванец, – с достоинством возразил ему Иса. – А во-вторых, перед Богом все равны. И Он определил, что я такой же рей, как и все вы.

– Ты – рей?! – злобно захохотал Шимон, показывая пальцем на оппонента, словно на животное. – Да ты же нечистый!

– Да-а! – внезапно заорал Магид, выходя из ступора и, должно быть, вспомнив, зачем он, собственного говоря, и прибыл сюда. – Этот малый нечистый! Нечистый! – обходя по внутреннему кругу собравшихся, запричитал он, также тыча пальцем в сторону Исы. – Старейшины сказали, что его отец – грек по кличке Леопард! Он был римским легионером...

И воцарилось молчание. И все смотрели на «малого»: большинство – с сочувствием, меньшинство – с праздным любопытством, а отдельные – с неприкрытым злорадством. И все ожидали ответа.

– Докажи, – отнюдь не потеряв самообладания, спокойно, а потому очень внушительно, попросил Иса прыщеватого отрока.

– Что... докажи? – опять начал теряться сынок тетрарха.

– На словах-то любой из нас может наговорить, что угодно, – обращаясь к публике, пояснил свою позицию обвиняемый в «нечестивом происхождении». – Но ведь была перепись. Есть списки... Пусть этот...

– ...Магид..., – подсказали ему из толпы.

– ...пусть Магид покажет списки, – завершил предложение Иса.

– Ы-ы-ы, – принялся глотать воздух угреватый обвинитель, повторно теряя дар речи.

И вторично ему на помощь поспешил Шимон.

– Тебе сколько лет? – вроде бы и нелогично спросил он Ису. – Ты хоть считать-то умеешь?

– В сезон дождей мне исполнится двенадцать, – невозмутимо ответил тот.

– Вот видишь! – обрадовался кривоногий. – Тебе одиннадцать, а ростом ты – на все тринадцать, а то и четырнадцать. Смотри, на полголовы выше сверстников.

– И что из того?

– Да то, что ты – не такой, как все реи, – хитро прищурился Шимон. – Мы все коренастые и плотные, – повёл он руками по сторонам, где толкались мальчишки. – А ты – долговязый и худой. Мы все, как один, черноволосые, а ты – какой-то...срыжа. У нас глаза чёрные или карие, а у тебя – какие-то...противно-белёсые...Зелёные, ли чо ли...Не разберёшь...

Собравшиеся озадаченно загалдели, потому что в этой части кривоногий сказал, точно в воду глядел. Ну, разве что, покривил душой на тот счёт, что глаза у «малого» противные. А в остальном он не погрешил...Потому на поляне снова наступила тишина.

– Ну, каким Господь создал, – пожал плечами Иса.

– Да не Господь тебя создал, – восторжествовал Шимон, шакалом чуя поживу, – а какой-нибудь греческий Зевс! Гы-гы-гы...Ну, допустим, не Леопард твой отец...Дык, ты сам-то назови его...Кто он? Где он? А? Чё? Сглотил чёрствую лепёшку? Гы-гы-гы...

Кривоногий ударил Ису в самое незащищённое и болезненное место в мальчишеской душе. По существу-то парировать его подлый удар было нечем. Ибо не мог Лучик назвать обычного земного папу, как другие. Но мальчишеское сообщество, меж тем, ждало отклика с его стороны.

– Я...Я сын Всевышнего Нашего, – наполовину прикрыв глаза и собрав в кулак всё своё мужество, заявил Иса.

– Чего-чего? – выпучил глаза Шимон.

– Мой Отец – Господь, – преодолев психологический барьер, уже без колебаний и твёрдо глядя на кривоногого, повторил мальчик.

Иса сознавал, чем он рискует: одно дело, сказать, что тебя создал Господь, что ты – сын Божий; так вообще принято говорить в быту. Однако, история совсем иного рода, объявить во всеуслышание, что твой Отец Всевышний... То есть, что ты – часть Самого Бога. Что ты – Богочеловек. Что ты – не такой как все. За это могут и обличить как богохульника, и побить камнями... Но Иса был готов и к такому исходу, ибо свято верил, что в минуту испытаний Са не оставит его. И всем маловерам даст Божий знак того, кто Его Сын!

Вот только маленький романтик оказался вовсе не готов к тому, что произошло дальше.

Шимон и Магид, услышав его фантастическую заявку, переглянулись и... дружно загоготали. А вслед за ними захохотали и остальные. Даже Уда Изриот смеялся и тыкал пальцем в сторону Исы, будто показывал на ишака, как это делал минутой раньше Шимон.

– Вы поняли? – оторжавшись, заорал Магид, снова пришедший в себя. – Поняли, что это нечестивец?! А?... И чтоб больше никто с ним не играл! Поняли? А не то!... Вот ты понял? – ткнул он пальцем в грудь подростка, ковырявшего в носу.

– Понял, понял, – поспешно заверил ковырятель, оставляя ноздрю в покое.

– Что ты понял?

– Он – нечистый. И я с ним никогда больше играть не буду.

– А ты? – двинулся по кругу угреватый дознаватель.

И каждый, к кому подходил Магит, соглашались, что Иса – чужак, с которым грех общаться. Даже Уда Изриот, которого никто за язык не тянул, по личному почину вдруг выкрикнул: «Магид!...Магид! Шимон! Я с ним тоже не хочу знать. Он инакий. А орешки я таперя толкать не стану». И ни один человек не подал голос за Ису. Никто за него не заступился.

– Ну, чё стоишь, не понял, что ли? – завершая процедуру остракизма, окрысился на Ису Магид под всеобщее гнетущее молчание. – Ты проходимец! Пшёл вон!

– ...Э-эх, вы! – выдержав паузу, бросил презрительно Иса пацанам, как в пустоту, поскольку никто из них не смотрел ему в глаза. – Я что, нарушал правила? Я что, обманул кого-то? Нет. Всё делал по-честному. А вы со мной так... А эти..., – кивнул он в сторону троицы богатеев. – Да Шимон за римлян воевал... Не за Рею... А вы перед ними... пресмыкаетесь...

И Иса, не опустив головы, развернулся и направился с поляны прочь. Куда глаза глядят.

– Пшёл вон, проходимец! – под гогот Магида и Шимона, собачонкой из подворотни выкрикнул ему вслед, тряся брыластыми щеками, Маруф.

Так последнее слово осталось за слюнявым ничтоже-

ством. Изгнание состоялось.

3

Иной раз события так меняют внешность человека, что про него говорят: «Да на тебе лица нет!», «Ты сам не свой!», «Не в себе!». Вне всякого сомнения, Иса находился именно в таком состоянии, когда он пришёл домой. Потому что мама, взглянув на него, испуганно воскликнула: «Исочка, сын мой, ты ли это?» В первые мгновения она узнала его; скорее догадалась по фигуре, походке и одежде.

«Мама, кто мой...отец?», – вместо ответа, сам озадачил её сын. И при этом у него был такой вид, что Ма, готовившая ужин, растерялась и замерла с кухонной утварью в руках. «Мама, кто мой отец?» – взыскательно повторил Иса. И, поскольку отклика с той стороны не последовало, мальчик, вперив в ответчицу свой взгляд, в котором таяла вера, жёстко спросил иначе: «Мой отец грек Леопард, да? Грек? Да? Леопард? Да? Говори!»

Иса так страстно надеялся, что его самый любимый человек вдруг да скажет нечто такое, от чего всё разъяснится, и ему и ей станет легко-легко. Вот ведь прямо сейчас она удивится и скажет: «Грек Леопард? Какой ещё грек Леопард? Сыночек, чего ты выдумываешь?»

Однако, вместо ответа мамочка, услышав его слова, вздрогнула, будто от удара кнутом. И даже прикрыла лицо рукой. И даже обессиленно выронила плоску. И даже, скло-

нив голову, присела и беззвучно заплакала. Слёзы ручейками текли по её прекрасному лицу... И сын всё понял: таким образом она просила прощения у того, кого тоже любила больше всего на свете... За то, что так получилось...

Сыну нестерпимо хотелось броситься к маме, припасть щечком к ней и слизнуть с её лица слёзы, но... Но грек Леопард стоял между ними... Внутри у Исы что-то надломилось, отчего руки и ноги у него задрожали и затряслись... Не в силах больше выносить такое мучение, он бросился прочь...

Выбежав из дома, Иса поднялся наверх, к пастбищам. Там было пустынно: пастухи отогнали стадо далеко от Арета. Только тут мальчик дал волю чувствам. Он упал в траву и горько заплакал...

Иса никогда не был нюней и слюнтяем. Но сейчас обида взяла верх над его волей. Смятение оказалось слишком сильным. Ведь он свято верил, что старательно возводил вместе с мамой и Осом свой маленький, добрый и светлый мир. Свой Храм Святости. Он строил его по заветам Са. И вдруг небесный свод рухнул!

Но мало того... Даже на этих суровых и жестоких обломках реальности для Исы не находилось места. Ведь он же нечистый. Бракованный. С изъяном. Он изгой. Отщепенец. Хуже, чем прокажённый... Разве он заслужил такую участь? От досады и бессилия мальчик даже вызывающе выкрикнул

несколько раз в небо: «Что? Что я делал не так?» Однако молчали Высшие Силы...

Впрочем, Иса недолго лил слёзы – не в его характере это было. Правильно говорят: «Слезами горю не поможешь». И он, присев на пригорке, уже хладнокровно стал рассуждать о причинах происшедшего. Ведь всё из-за чего? Вернее, из-за кого? Ах да!...Из-за мамы...Если бы она не...

И тут вся душа мальчишки воспротивилась этому выводу...Он даже вскочил и принялся возбуждённо ходить. Да разве ж его милая мамочка желала ему зла?! Да разве ж не она изо всех сил растила и лелеяла его?! Да разве ж не она всегда ласкала его, точно маленького котёнка?! Ну, кто его, кроме неё, любит больше жизни? Как единственного на Земле! Нет, мамочка тут не при чём! Нет и нет...Только не это...

Иса стал искать выход из тупика. И вспомнил о Священном Писании. При его абсолютной памяти воспроизвести и «пролистать» текст рукописи не составило труда. «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина... И еще родила брата его, Авеля...Вот родословие Адама...»

Мысленно пробежавшись по священному манускрипту, мальчик радостно обнаружил, что в нём ни слова не говорилось о реях как о национальности. Более того, ему, кстати, вспомнилась выдержка, в которой говорилось, что изначально «на всей земле был один язык и одно наречие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык...». Это уж потом люди расселились, обособились и стали отличаться друг

от друга и говорить на разных языках. Стало быть, любой человек на Земле – дитя Всевышнего. И от этого логичного и правильного умозаключения Исе стало хорошо, и он даже засмеялся.

«Другое дело, – продолжал рассуждать про себя Иса, – кто из нас дитя, достойное Бога Нашего? Да тот, кто ведёт себя праведно: работает, соблюдает заповеди, живёт честно, любит ближнего своего... Ан дитя, достойное Бога Нашего, – не всякий, но лишь тот, кто стремится жить по правде и по заповеди. Так?... Так! А что, слюнявый и праздный бездельник Маруф, которого на ишака подсаживает раб, праведник? Нет! А что, прыщавый Магид, похваляющийся своим папашкой, праведник? Нет! А что, кривоногий Шимон, поклоняющийся римлянам, праведник? Или рей? Да ничуть не бывало! Настоящий рей тот, кто живёт праведно и не даёт Родину в обиду!... И ещё... Родина тоже обязана стоять за честных и справедливых!»

4

Тем временем пастухи прогнали стадо в Арет. Темнело. И хотя душевная рана саднила, Иса понял, что пора возвращаться домой, где его, несмотря ни на что, ждали самые родные люди.

Он направился в селение, строя про себя планы на будущее: «Всё равно я стану проповедником. И донесу до людей Истину Божью! Чтобы все знали, кто есть истинный рей.

И с нами Древняя Рея станет общей Страной Счастья! И женщины в ней будут равны мужчинам... Ну, или почти равны... Молиться станем все вместе... Но... женщин надо наставлять... Чтобы они отличали правду от сохаза и езды на осле. И чтобы не было безотцовщины... А когда я принесу людям истинное Слово Са, когда меня признают, то я поучу мамочку мою милую: «Та мать моя, коя будет исполнять волю Отца Моего Небесного...»

И едва Иса подумал о маме, как на фоне пламенеющего закатного неба различил две фигуры, поднимающиеся с окраины Арета к пастбищу. То были Ос и Ма, которые искали его. Увидев сына целым и невредимым, Ма заплакала от радости, не решаясь приблизиться к нему. Зато Ос приобнял его, и троица стала спускаться к жилищам.

На полпути к дому Ос спросил Ису о том, что с ним случилось. И мальчик, уже без эмоций, сухо и кратко поведал ему о происшествии на поляне у реки.

– Эх-ма, – проронил старик, лишь только Иса завершил свой монолог. – У породистых реев больно много гонору. А те, что правят в Салеме, ещё спесивее... Хотя кормят их простые незнатные скотоводы да хлебопашцы. Вот в Каперне совсем иной народ. Проще и душевнее.

– Уж скорей бы нам коптильню строить, – как о деле решённом, высказался мальчик.

– Надеюсь, Ма не будет против, – уравновешенно сказал Ос.

– Мы, мужчины, сами решим, – неожиданно жёстко ответил ему Иса. – Мне будет уже двенадцать. А ещё через год я стану взрослым... Совершеннолетним...

Пришли домой. И там сын, будто взрослый (ростом был уже выше Ма) сам обнял маму и примирительно поцеловал её в щёчку. Мама снова заплакала, припала к нему тесно-тесно, а затем стала целовать его, точно они не виделись сто лет.

И Иса был счастлив! И ему было хорошо! Всё-таки жить стоит, вопреки всему, хотя бы ради таких мгновений...

А ночью Исе приснился Са. И сквозь играющие языки священного пламени чуть проступили очертания Его лица. Оно было благообразно. В новинку было также и то, что Он общался с Исой не громогласно, но вполголоса и доверительно.

«Сын Мой, – сказал Он, – не поспело ещё время Моей помощи. Тебе надлежит пройти чрез много испытаний, прежде чем ты станешь тем, кем Я предписал быть. Так уж я устроил Мир Земной. Но ты заповеди мои чтить, а значит – на верном пути. Умница! И быть посему!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ

Глава первая

Наконец-то закончился нескончаемо-надоедливый сезон дождей. И с началом весны Ос с Исой тронулись в дорогу. В Каперну. К Сисою-Большая Задница. Строить коптильню. К заработанным деньгам Ос и Ма намеревались присовокупить предыдущие накопления и на весь капитал закупить необожжённого кирпича, чтобы построить дом.

Разумеется, такой любознательный мальчик как Иса не мог не выведать у Оса подробности предстоящего маршрута. И к его радости подтвердилось, что на пути в Каперну будут лежать две крупных деревни: Кана, а затем – Далена. Та самая Далена, где жила Ма-Волнистые Волосы! Потому подросток заблаговременно сходил к родственнику Ма – дяде Шэру, у которого девочка гостила семь лет назад. И тот ему рассказал, как найти пещеру, в которой проживала семья красавицы. Вот почему Иса стремился вперёд с особым чувством.

В путь тронулись засветло, чтобы к вечеру поспеть на ночлег. В двух тележках путешественники везли не только пищу, одежду и кое-какой плотницкий инструмент, но и подарки. Ос взял с собой два глиняных кувшина с незаброженным вином. Мама Исы для своей двоюродной тётки Деворы, что жила в Кане, отправила гостинец в виде браслета. Наконец, имелся сувенир, предназначавшийся для Ма-Волнистые Во-

лосы. Это была изящная фигурка танцующей девочки, которую Иса выточил из обломка мрамора (не без помощи Оса). Ведь Ос был не только замечательным плотником, но и отличным каменотёсом. И значительную часть дохода он получал за счёт изготовления надгробий.

Помимо статуэтки пылкий и верный поклонник также приготовил для объекта своего обожания три плитки сохаза. Однако сласти были так – довеском к главному сувениру (чтобы слюнявый Маруф не больно-то воображал).

Итак, скоро мальчугана ждала романтическая встреча... Ну, а пока путники брели по гористой местности и Ос по просьбе Исы рассказывал об Уде Илейском:

– ...и похоронили его на полпути между Даленой и Каперной. Римляне не позволили даже сделать надгробие. Мы с братом и друзьями раньше много раз тайком устанавливали его, но чужеземцы вместе с предателями Древней Реи всякий раз разоряли могилу...

– У тебя есть брат!?! – перебивая повествование, воскликнул Иса.

– Старший брат. Был. Уж несколько лет, как он умер. А почему нет? – улыбнулся рассказчик.

– Я думал... ты сам по себе...

– Так не бывает. У меня в Каперне живут сын Савл и две дочери...

– Да-а-а?!

– Да. Сын женат. Дочери замужем. Была и жена... Давно

уж умерла. Вот я Савлу и оставил дом, а сам перебрался в Арет. А ты думал, для кого я прихватил с собой кувшины с вином?

Так, за разговорами, странники и скоротали дорогу до Каны.

2

В Кане путешественников ждал сюрприз: у тётки Деворы восемь дней тому назад родился внук. Потому сегодня её сын Самсон устроил скромное торжество наречения. Новорождённого назвали Нафаней. Вот на этот семейный праздник, который уже близился к концу, гости нежданно-негаданно и угодили.

Само собой, после приветствий, наперёд всего, прибывшим показали младенца. На растроганного Ису маленький родственник произвёл такое впечатление, что он счёл своим долгом хоть что-то подарить ему. Пусть и не без некоторых терзаний. Но положение обязывало. Тем более что двенадцатилетний гость приходился малютке дядей.

– Вот, держи, Нафаня! – сказал Иса и под общий смех положил рядом с сосунком плитку сохаза.

– К свадьбе съест, однако, – заметил Самсон, усилив веселье компании. – Иса, придёшь на женитьбу Нафани?

– Приду, – дал искренний зарок тот.

Затем Ос вручил тёте Деворе браслет, после чего компа-

ния уже в новом составе продолжила трапезничать. Хозяева жили в весьма скромной пещере. Соответствующим был и ужин: пироги, каша из спельты да немного вина и ягодного сока. Но разве это главное? Главное, что общение было живым и интересным.

– Мы сегодня гуляли по Кане с Нафаней, – рассказывала молодая жена Самсона Теила. – Проходим мимо капелеи¹⁸, ну, или, как сейчас стали называть, мимо таверны¹⁹, а отсюда так вкусно пахнет жареным мясом. Я и сказала Самсону: «Ой, как вкусно!»

– А я и говорю ей, – подключился к диалогу Самсон. – Тебе понравилось? Ну, давай ещё раз пройдем мимо... Понюхаем!

Все засмеялись, и только тётка Девора обозлилась и завлила:

– С нашими-то правителями только и осталось, что нюхать... Ох, доведут богатеи народ!

– Все беды от их скупердяйства, – поддержал тётку Девору её муж – Мисаил.

– Да-да, – поддакнул тому Самсон, таинственно понижая голос и оглядываясь по сторонам (не подслушивает ли кто). – Говорят, что однажды к самому салебскому первосвященнику Анану на исповедь пожаловал его же зять Каифа и признался: «Батюшка, самого уже замучила собственная жад-

¹⁸ Капелея – (от древнегреческого *καπηλεια*) – лавка, питейный дом.

¹⁹ Таверна – (от древнеримского *taberna*) – лавка; питейный дом

ность. Избавь!». А тот и молвит в ответ: «Избавлю. Но за услугу возьму дорого!»

Сотрапезники дружно захохотали. Лишь тётка Девора не поддержала общее веселье, так как её нутро продолжала глодать обида на власть имущих.

– Вот, аж сегодня, когда давали имя Нафанечке, пожертвование

приняли, и немалое, а ритуал выполнили абы как... Сам ребе²⁰ молитву читать не стал – передоверил службе. А тот и слова-то многие забыл, и требника-то²¹ при нём нет... Так и хотелось обоим дать по башке! Прости меня, Гос-споди!

В застолье образовалось неудобное затишье... Однако его неожиданно заполнил Иса. Он приблизился к новорождённому, который лежал с открытыми глазами и, казалось, внимал беседе родственников. Подросток бережно возложил правую руку свою на грудь Нафани и по памяти стал воспроизводить молитву о милосердии, усиливая канонический текст собственными экспромтами: «Возлюбим ближнего нашего новорождённого Нафанаила как самих себя, ибо послан он в этот мир Господом Нашим, Отцом Нашим Небесным. И в знак послания своего, Всевышний дал имя ему – Нафанаил, что значит Дар Божий! И да укрепит всемерно Господь здоровье и душу Нафанаила на долгие-долгие годы! И скажем слова благодарности матушке Нафанаила – Теиле,

²⁰ Ребе – глава общины.

²¹ Требник – свиток с богослужебными текстами.

что родила его, не щадя живота своего! И да укрепит всемерно Господь здоровье и душу Теилы на долгие-долгие годы! А также пожелаем благости отцу земному Нафанаила – Самсону, а равно родственникам Самсона и Теилы! И выразим надежду, что имя наречённого, дарованное самим Богом, всю жизнь будет освещать его стезю земную светло и с душевной теплотой! И так он преодолет свой путь вместе с нами и во имя нашей любимой Древней Реи! Да услышит нас Владыка Небесный и будет так! И скажем: «Амен!»²²»

И с самого начала этой импровизированной молитвы, едва юный проповедник нежданно приступил к чтению её, взрослых точно волшебная сила подняла со своих мест. И они вознеслись, и со священным трепетом зашевелили губами, присоединяясь к откровению пастыря молодого. А тот обращался к Небу столь боговдохновенно и проникновенно, столь выразительно и упоённо, с таким подъёмом и окрылённостью, что увлёк паству за собой в высь небесную. И та на несколько чудодейственных мгновений приподнялась из этой земной юдоли печали до высот вселенских!...

Когда же Иса промолвил «Амен!» и умолк, то все тоже прошептали «Амен!» и затихли, пока Теила благодарно не сказала:

– Как ты, Исочка, хорошо молитву-то молвил: я будто сама в гостях у Бога побывала.

– Но Господь всегда с нами, всякий миг, – серьёзно разъ-

²² Амен (аминь) – истинно, верно.

яснил ей и остальным необыкновенный мальчик – Он с нами и не покинет нас, пока мы искренне заботимся друг о друге! Ведь у Него всё не случайно... Вот почему он завещал нам пить молоко козы, но запретил есть свинину? Ведь свинья даёт не меньше: и колбасу с окороками, и холодное с горячим, и кожу со щетиной...

Иса обвёл всех испытующим взором. А затем продолжил: – Да потому, что коза даёт нам от себя при жизни своей... А не на послед... Коль не будем мы жить по-свински, коль будем любить ближнего своего здесь и сейчас, то никакие богатеи нам не страшны, ибо Всевышний пребудет с нами. Только так. И только тогда и дарует Он нам Царство Божие на Земле!

И потрясённые, молчали они долго, пока тётка Девора, придя в себя, не сказала: «Надо же! Какого сыночка Ма ниспослал Владыка Небесный...» И Мисаил обронил: «Да-а...». И остальные проговорили: «Да-а-а...»

А затем Самсон вернул компанию на землю, заявив, что такие правильные слова лучше всякого тоста. И это надо отметить. Однако тут же выяснилось, что выпивка у хозяев закончилась. Закончилась в самый пафосный момент. И застолье почти сконфузилось, если бы в очередной раз его не выручил Иса.

– Так ведь у нас же в тележке лежит вино! – глядя наивными детскими глазами на Оса, радостно воскликнул он, недо-

умевая, отчего тот сам не догадается.

– Эх-ма! – крикнул старик, в уме прикидывая, что останется сыну Савлу, который ждал его в Каперне. – Любить ближних своих, говоришь... Ну, давай, Иса, тащи один кувшин на стол.

Так Иса спас от фиаско крестины в Кане.

3

Переночевав в Кане, поутру путешественники двинулись дальше. Под вечер они были уже на подступах к Далене. Завидев деревню, подросток попросил Оса остановиться. Иса нарвал в поле красивых цветов, коих в это время года в верховьях Древней Реи – полным-полно.

Придя в Далену, путники разместились на ночлег у знакомых Оса. Поставив свою тележку и разложив вещи, Иса с подарками отправился на поиски Ма-Волнистые волосы. Благодаря инструкциям дяди Шэра он без труда добрался до пещеры, где проживала юная дама его большого сердца. Возле жилища играла детвора, и с их помощью кавалер из Арета вызвал на улицу ту, воспоминания о которой грели его душу все минувшие с момента расставания семь лет.

Выйдя наружу и увидев Ису, Ма покраснела от неожиданности и смущения. Мальчик сказал ей, чуть преклонив голову: «Мир тебе!». Она же лишь буркнула в ответ: «Я сейчас». И убежала назад. Некоторое время спустя она появилась причёсанная и в красивом платье.

Если в первую минуту встречи Иса воспринял Ма как девочку, то теперь, разглядев её, он осознал, что перед ним – девушка. Из-под платья у неё явственно проступали груди, формы её тела округлились, вся она стала ещё прелестнее. Очи же её ярко сияли. Точно звёзды. Такой же красоты глаза были только у мамы Исы. Но если глаза мамы излучали глубокоую-глубокою нежность, то очи Ма-Волнистые Волосы были лукавыми-прелукавыми и игривыми-преигривыми.

– Мир тебе! – сказала она. – У-у-у, как ты подрос! Был маленький, а стал выше меня.

– А ты была красивой, а стала ещё краше! – признался Иса, вручая ей букет. – Даже этим чудным цветам стало стыдно, что они такие невзрачные по сравнению с тобой.

– Да! – и не думала скромничать девушка. – Мной все восхищаются.

– Это тоже тебе, – вновь чуть склонившись, визитёр передал ей статуэтку.

– Ого! – воскликнула красавица, рассматривая сувенир. – Это что за масимусечка!

– Масимусечка?...Нет, это не масимусечка, – засмеявшись, мягко поправил её автор творения. – Это Танцующая Ма.

– Я-а-а? А я даже сначала не узнала себя! Похожа. Спаси Бог тебя, Иса! – поблагодарила Ма, целуя мраморную фигурку. – Такого мне ещё никто не дарил! Будет стоять около моей лежанки.

– И вот ещё, – протянул гость ей сохаз.

– Сладости? – несколько свысока отреагировала Ма, тем не менее, принимая плитки. – Иса, я же уже взрослая. Мне, как-никак, четырнадцать исполнилось.

– О! Ты всё-таки научилась счёту. Молодец! – порадовался тот.

– Да нет, – последовал по-женски противоречивый ответ. – Запомнила. Мне не так давно об этом папа напоминал. Когда от родителей Маруфа шадхан²³ приходил. Сватался. Маруф хочет взять меня замуж.

– Опять Маруф? Этот...слюнявый?! – поразился верный поклонник девушки.

– Ага.

– Вот диббук!²⁴ – резко изменившись в лице, впервые в жизни выругался Иса. – И что?

– Я сказала, что не хочу...Да и папочка меня любит. Он им отказал. Хотя шадхан говорил, что никакого приданого за мной не надо, а все расходы они берут на себя. Но папа ответил, что надо подождать, пока мне станет больше лет... Это...

– Пятнадцать?

– Да, пятнадцать...

– Фу-у, – облегло выдохнул Иса. – А-а...А этот слюнтяй позже снова не припрётся?

²³ Шадхан – сват.

²⁴ Диббук – злой дух.

– Откуда ж мне знать, – пожалала плечами Ма. – Да ты лучше про себя расскажи. Мы столько не виделись, а толкуем про какого-то Маруфа.

– Да ты как сказала, что тебя могут взять замуж, у меня всё остальное из головы вылетело, – признался ей юный обожатель.

– Иди сюда, – поманила его девушка, шагнув за купину²⁵.

И когда подросток приблизился к ней, Ма внезапно прижалась к нему и поцеловала его в щёку. Иса стоял ошеломлённый, и не знал, как себя держать. А красавица, опомнившись, отпрянула от него, а – Малышня увидит, что мы спрятались, – пояснила она, выходя на полянку перед пещерой, – и начнут дразнить женихом и невестой. – Я тебя сегодня как увидела, так сразу всё вернулось. Поняла, что хочу только за тебя. Но ты не тьяни, что-то делай, а то меня всё равно отдадут за кого-нибудь. За меня уже многие просили. Понял?

– Да, – торопливо ответил Иса. – Мы сейчас с Осом идём в Каперну строить коптильню. Заработаем денег, и в следующий сухой сезон построим в Арете дом из необожжённого кирпича. Мне исполнится тринадцать. Я уже стану мужчиной. И тогда сам пошлю к вам шадхана. А через два года поженемся. Хорошо?

– Хорошо, – шепнула ему девушка. – Тогда ты – мой тайный жених, а я – твоя тайная невеста. Но об этом знаем только мы. Да?

²⁵ Купина – группа кустов, цветочный куст.

– Да-да!

– Ну, тогда расскажи мне что-то интересное, мой женишок... Мой суженый..., – приглушённо-ласково попросила его Ма. – Как тогда, около дома дяди Шэра. Мне было без тебя так скучно.

– Интересное..., – впервые в жизни ощущая себя настоящим желанным мужчиной, счастливо произнёс Иса, ощущая, как напряжение его постепенно отпускает. – Интересное... Вот сейчас вспомнил, как ты в Арете последний раз приходила к нашей пещере. Но я не хотел расставаться с тобой. И когда ты уходила, я всё смотрел на тебя. А мама спросила меня: «Что, не можешь от Ма оторвать глаз?». Я же тогда был ещё маленький, потому обиделся

на неё и сказал: «Мама, зачем же я у Ма буду отрывать глаз, если я её люблю!»

И Ма смеялась как прежде, на давних каникулах в Арете. И она снова попросила его:

– Ещё!

– Ещё, – задумался Иса. – А... Вот! В Арете есть один пьяница и скандалист Ихим. Зато огород, доставшийся от отца, у него ухоженный. Ухоженный потому, что его жена Фима и детишки на нём от зари до зари трудятся. И повадился туда кто-то ночами за морковкой. Причём, не уносит, а выдернет и тут же хрумкает. Да больше надкусит, чем съест. И этот самый Ихим утром как обнаружит очередную потраву, так сразу начинает рвать на своём теле растительность во всех

местах и орать на весь Арет: «Ну, погоди, обжора поганая, попадешься ты мне! Я те вместо моркови-то все волосёнки повыдергаю!». И при встрече знакомые и соседи у Ихима спрашивали: «Ну, чё?... Выдергал?». А Ихим, как назло, не мог поймать любителя полакомиться. Но однажды воришку Ихим всё же застукал. Оказалось – такой же пропойца. Иовом²⁶ звать. Напьётся, а закусывать лезет в огород. Схватил его Ихим, а выдёргивать и нечего – Иов-то лысый!

И рассказчик задорно и заразительно захохотал. За ним засмеялась и Ма, влюблённо глядя на Ису. С ним ей было так славно! И она опять попросила: «Ещё!»

– Ещё, – припоминая минувшие события, потрогал подбородок подросток. – А... Вот! Слушай...

Переночевав в Далене, в Каперну Ос и Иса выходили с первыми петухами. Под крики этих вестников зари, как было условлено, проснулась и Ма. Она встретила путников на дороге, что пролегла близ её жилища. Девушка пожелала им доброго пути, а они ей – исполнения заветных желаний.

И Ма долго смотрела им вслед и махала рукой. Иса постоянно оглядывался, не в силах оторвать от неё глаз, и также прощально салютовал ей. Он несколько раз запнулся о тележку Оса. Один раз даже упал. Со стороны, должно быть, это выглядело потешно. Но Ма не смеялась. Когда Иса свалился, лицо у девушки испуганно вытянулось: она боялась,

²⁶ Иов – преследуемый врагом.

чтобы он не ушибся. Но её тайный суженый, вскочив с земли, тут же показал жестом, что у него всё в порядке.

И это трогательное расставание продолжалось до тех пор, пока странники не скрылись за поворотом...

4

Во второй половине дня путники поднялись на высшую точку перевала, с которой их взору открылась во всём своём великолепии Илейская долина с Илейским озером и рекой Иордан.

– Родина! – с наслаждением втянув воздух полной грудью, проговорил Ос.

– Па-ап, а почему ты про Илею говоришь «Родина»? – спросил мальчик старика – Ведь наша Родина – Древняя Рея.

– Илея – часть нашей страны, – ответил тот. – Особенная. Здесь прошла моя молодость. Здесь другие люди. В большинстве своём – открытые. Душевные. Добрые. Не то, что в Арете, не поминая уж Салем. Там у всех на уме только деньги.

– Здесь другие люди-и, – раздумчиво протянул Иса. – Но они – тоже реи?

– И реи. И финикийцы. И сирийцы. И греки из Десятиградия. А также итурейцы с пирейцами. И прочие... И все живут в мире и согласии. Ведь неважно, какой ты народности, важно – что ты за человек. Здесь простые греки и сирийцы

на равных трудятся с нами. Обычные люди. И между нами нет границ. Нам нечего делить... А погляди краса какая! – дополнил монолог Ос, плавно поведя рукой слева направо: – Вот Илейское озеро, вот река Иордан, что берёт начало у горы Хермон, протекает через озеро и впадает в Мёртвое море.

– И расступились воды Иордана, и Авин провёл реев аки посуху, завершив их многолетние скитания в поисках заветной Древней Реи, – по памяти прочёл Святое Писание Иса. – Да-а... В сравнении с Иорданом наша Кохаба – ручеёк. А Илейское озеро – это ж целое море!

– Да, – согласился с ним старик. – Громадное. И глубокое. Однажды, ещё в детстве, в нём чуть не утонул один мальчишка. Я его вытащил. Итцик его звали...

– Итцик – значит смеющийся, – автоматически сделал перевод с арамейского языка Иса.

– Ага, – охотно подтвердил Ос. – Он с того времени всё хохочет и никак остановиться не может.

– Остановиться не может..., – вслед за упомянутым Итциком хихикнул Иса. – А ты, папа, оказывается, настоящий спаситель. Воображаю, как Итцик и его родные тебе благодарны были...

– Ага, – подтвердил рассказчик. – Его мамочка две недели пилила меня: «Что ж ты, когда Итцика из воды вытаскивал, шапочку-то его не выловил?!»

Теперь они хохотали уже вдвоём.

– Ну вот, – подытожил подросток, – а ты говорил, что тут

живут простые люди...

– Женщины – это особая статья, – ответил старик. – Ладно. Передохнули? Двинули дальше.

Так, за разговорами, дружная парочка спускалась в низину. И вскоре они добрались к месту погребения Уды Илейского.

Захоронение местного героя было покрыто каменным надгробием, расколотым в нескольких местах. Погребальная стела с надписью вообще отсутствовала.

– Почему так? – нахмурился мальчик.

– Римляне и их прихвостни из Салема, – пояснил Ос. – Пакостят. Поначалу вроде унялись: могила-то в диком поле. Далёко от людских глаз. Надеялись, что сотрётся в памяти народной. Не тут-то было! Видишь, какую дорогу илейцы протоптали. И чисто вокруг...

– А сколько камешков они принесли! – подхватил Иса, доставая из кармана штанов речную гальку, которую он нёс от самого Арета, и бережно укладывая её на погребальный холмик. – А зачем кладут камешки на могилку?

– Затем, что римляне разрушили наш главный храм в Салеме. Но истинные реи, хотя бы вот так, воздвигают наше святилище.

– Ведь храм – он не в камне, он в душе! Да?

– Да. Я свой камешек тоже положил: в виде этой плиты и памятного столбика, что поганцы выдрали.

– Ты-ы! – воскликнул Иса, с восхищением взирая на родного ему человека.

– Да. Тайно. В год его гибели.

– Папа, я тебя люблю! – признательно прошептал Иса, прижимаясь к Осу.

И его искренний и порывистый жест был весьма кстати, иначе подросток увидел бы, что у старика выступили слёзы на глазах. А тот, как настоящий мужчина, этого боялся.

– Но почему, почему Уду победили?! – чуть успокоившись, с отчаянием и сожалением спросил Иса.

– Его не победили, его убили, – поправил мальчика Ос. – Ибо духом он не пал и остался непокорённым.

– Да, непокорённым, – смиренно принял замечание подросток.

– А убили потому, что с Римом поручкались наши денежные мешки – жирные сундуки из Салема. Наша мамона неправедная²⁷ предпочла лизать пятки Риму, чем жить по заветам Господа. Почему так? Да потому, что никто не может служить двум господам сразу. Ими выбор был сделан: общее римско-салемское войско возглавил Тиберий Александр. Он хоть и рей от рождения, но уже и имя у него римское. И на праздники ездит в Рим. И якшается с ними...

²⁷ Мамона неправедная (древне-греческое μαμωνᾶς – блага земные) – идейная продажность ради обогащения.

В Каперне путники из Арета, разумеется, остановились у Савла – сына Оса. У того, кроме жены Милки, также было три дочери. Семья была дружная, гостеприимная, Савл характером напоминал Оса, и Иса быстро почувствовал себя среди них своим. Но, несмотря на это, здесь подросток из Арета всё же не задержался, поскольку быстро подружился с сыновьями Ионы – брата Милки. И с разрешения взрослых Иса перебрался жить в дом Ионы.

У Ионы было два сына: Андрей и Пётр. Андрей был ровесником Исы, а Пётр – годом младше. Так как в городке мужчины в основном занимались рыбачьим промыслом, то мальчишки быстро обучили Ису ловле на удочку. И это пригодились, поскольку весной рыба в озере нерестилась²⁸, а потому ловить её сетью разрешалось только с наступлением лета.

В ожидании путины рыбаки, составлявшие большинство мужского населения Каперны, по заказу Сисоя-Большая Задница участвовали в строительстве коптильни на берегу озера, а также ремонтировали бассейн для разведения мальков. Мальчишки крутились здесь же, по мере возможности помогая своим дедам, отцам и старшим братьям. Они приносили обед, выполняли мелкие работы и поручения. Короче, были на подхвате.

Здесь Иса овладел азами плотницкого мастерства. Ос, взирая на ссадины и кровавые мозоли на тонких и длинных

²⁸ Нерест – в данном случае период размножения рыбы.

пальцах подростка, огорчённо цокал языком:

– Ох, Лучик-Лучик! Тебя бы к какому-нибудь другому ремеслу приобщить...

– А что-то не так? – приостанавливая работу, вытирал тот пот со лба.

– Да не... Всё так... Но поблагороднее, что ли, тебе занятие надобно.

– Там видно будет, – азартно возобновляя процесс вытёсывания деревянного гвоздя, парировал Иса. – А пока надо... тук-тук... денежки на наш дом зарабатывать.

И паренёк знал, что говорил. И подталкивать его не надо было. Ибо главный стимул ждал его с победой в селении под названием Далена.

Впрочем, времени для досуга пацанятам тоже хватало. И тогда они рыбачили, купались, играли, общались между собой. Да и обеды на берегу озера протекали весьма интересно: пока старшие поглощали то, что им приготовили жёны, Иса, с подачи Оса, рассказывал им былины из Святого Писания. Мало того, он даже придумывал загадки на эти темы, в разгадывании которых охотно принимали участие все, кто собирался в это время на стройке.

– А скажите-ка, – начинал игру юный пришелец из Арета, – о ком это...

Из ребра сотворена,

Нам праматерь всем она,

Плод запретный съела с древа,

Имя женщины той...

– Ева! – первыми реагировали находчивые мальчишки.

– А вот это...

Трудился много, пас стада,

И славя Бога, пел всегда,

Сначала был он пастухом,

Но сделал Бог его царём,

Он белокур, красив на вид,

А как зовут его?

– Давид! – на сей раз опережали сыновей исторически более грамотные отцы.

– Хорошо, движемся дальше...

Кто это: он такой большой,

Имеет голос громовой,

Смеялся над своим врагом,

Но был Давидом побеждён -

Сражён, повержен в пух и прах

Непобедимый...

– Голиаф! – хором скандировали все собравшиеся

И затем все дружно смеялись.

Однако, Иса не ограничивался внешней развлекательностью. Он всегда резюмировал свои повествования (как и в случае с Давидом и Голиафом).

– Чему нас учит Святое Писание? – вопрошал он. – Да тому, что тот, кто испугался – проиграл до битвы. Но тот, кто презирает смерть ради Родины Нашей, непременно победит!

– А парнишка-то, вроде, как освящённый, – слушая Ису, даже взрослые, переговариваясь меж собой, признавали незаурядность пришельца из Арета.

– А ты как думал! Не иначе, Бог поцеловал его в лоб...

Через Андрея и Петра Иса быстро перезнакомился и близко сошёлся с другими сверстниками: с Иоанном и Иаковом, которые приходились друг другу братьями, а также с Филиппом, Матфеем, Фомой и Симоном. Общительный аретец научил местных мальчишек играть в Королевский Ур и в шары, наизусть пересказывал им былины из Священного Писания, а наиболее любознательных даже учил началам чтения и письма.

При этом Иса не кичился своей грамотностью и превосходством в играх. Напротив, он своим умением делился любя. Он испытывал искреннее удовольствие от того, что его нечаянные ученики постепенно начинали различать буквы, складывали их в слова или просили поведать что-нибудь ещё из истории Древней Реи.

Но особенно радовало сердце Исы то, что он оказался в кругу товарищей, которые мыслили, чувствовали и действовали в основе своей также как он. Они одинаково были приучены к труду с малых лет. Они тянулись ко всему новому и светлому. Их одинаково возмущала несправедливость бытия. И ребята в разговорах искали выход из жизненного тупика. А Иса, в силу своего понимания, разъяснял им, как

быть и что делать. И шаг за шагом становился центром притяжения их дружной ватаги.

6

Однажды пополудни, выполнив все задания и накормив отцов обедом, мальчишки отпросились на рыбалку. Их рыбный промысел оказался как никогда успешным. А потому на полдороге к дому, уже ближе к вечеру, подростки решили вознаградить себя ещё и купанием в горячем целебном источнике. Благо, таких термальных ключей на озере было не один и не два. Приняв целебные ванны, парнишки улеглись на травку, чтобы подсушиться и проветриться на ласковом весеннем солнышке.

– Ого, сколько мы сегодня усачей и теляпий надёргали! – проговорил Андрей, подсчитывая рыб, нанизанных на куканы.

– Это что, – возразил ему Иоанн. – Нас же девятеро. А у нас батя прошлой весной один больше наловил.

– Ну да! – усомнился Фома, который, как обычно, не поверил прозвучавшему сообщению. – Врёшь ты всё, Иня!²⁹

– Не ну да, а да-да, – поддержал Иоанна его брат Иаков. – К батю тогда ещё подошёл один мужик и говорит: «С удачей тебя!». Ну, батяня, такой довольный, ему и отвечает: «Да разве ж это удача? Вот вчера я в три раза больше надёр-

²⁹ Иня – уменьшительная форма имени Иоанн.

гал!». А мужик: «А ты знаешь, кто я?». Батя: «Не-а». Мужик: «Я мытарь!³⁰ И за то, что втрое больше наловил, придётся пошлину заплатить». А батя не растерялся и ему говорит: «А ты знаешь, кто я?». Мужик: «Нет». Батя: «А я первый брехун в Древней Рее».

И ребятня рассмеялась, довольная, что простой, но сообразительный рыбак так ловко объегорил чиновника. Кроме Матфея. Тот нахмурился и проворчал:

– Чё ржёте? Мытари – тоже люди. Я вот мытарем поработал бы...

– Ты? Мытарем?! – аж лёжа подпрыгнул Пётр. – Дык... я с тобой здоровкаться перестал бы! Кровосос!

– Ничё не кровосос, – продолжал упорствовать Матфей. – Подати тоже нужны. Иначе как войско содержать... А кто убивцев и разбойников будет ловить да сажать? А?

– Ну... ты сказал... убивцев, – несколько стушевался Пётр.

Подростки заспорили, особо не слушая один другого. И скоро дебаты переросли в склоку, откуда недалеко было и до драки. Но тут Симон к месту спросил того, кого и надо было спросить: «Иса, а ты как считаешь?». И все сразу затихли.

– Я? – переспросил тот, собираясь с мыслями.

– Да. Ты...

– Тогда внимайте, – заранее настроил их на нужную волну признанный толкователь. – Разговор-то непростой. Сразу предупрежу, что без денежных сборов разного рода никто не

³⁰ Мытарь – сборщик налогов.

обойдётся. Вот только вопрос: для чего или, вернее, для кого они? Вот Матя помянул про войско. Но ведь главное войско чьё? Захватчиков. А кому оно служит? В первую голову – Риму, во вторую – нашей мамоне несправедливой. Вот если бы подати шли на воскрешение народного ополчения, то я первый отдал бы свою лепту. А что с судами? Кому они служат? Да тем же, кому и войско! Теперь возьмём даже не налоги, а храмовые требы³¹. За каждый обряд коэну надобно платить. Ладно, если бы большая часть шла на восстановление Храма Древней Реи, разрушенного римлянами. Нет же, служители об этом и не заикаются. Почему? Боятся провиниться перед завоевателями. Итог: этот Храм тайком мы восстанавливаем. Но как?! Всего-то бросая камушки на растерзанную могилку Уды Илейского...

– Верно говоришь, Иса! – выкрикнул Андрей.

– Или менялы, – усмиряя Андрея мановением руки, продолжал Иса. – Они ведь не просто так обменивают деньги в молельнях, а за процент. Причём, с ведома священников, которые с этого имеют свою долю. И я мог бы долго продолжать эту тему. Но не стану. Почему? Да потому, что причина этого – в укладе, при котором мы прозябаем. И тут, други мои, я вас хочу спросить, отчего же..., – выдержал акцентированную паузу юный проповедник, готовя слушателей к неожиданному переходу, – ...дело Уды Илейского не восторжествовало?

³¹ Треба – церковный обряд, а также плата за его исполнение.

– ...Отчего?

– ...Уды Илейского?

– ...А взаправду, пошто?

– А причём тут Уда? – вразнобой загалдела пацанская паства.

– Да при том, – даже не повысив, а, напротив, понизив голос, укротил волнения Иса, – что коли он победил бы, то и в целом Древняя Рея стала бы жить иначе. Но не получилось. Вот вы все, – обвёл он жестом круг друзей, – много пересказывали мне про подвиги Уды Илейского. Ан никто не задумался, что ему нужно было сделать, чтоб одолеть римлян и их прислужников из Салема...

– Будто ты знашь, – недоверчиво перебил его Фома. – Она хватил: кто ты, и кто Уда!

– Да знаю, знаю я, кто есть Уда, – досадливо поморщился юный аретец. – Он – герой! Он мне дороже, чем я сам... Однако, не получилось же... А надо было иначе...

– Ну-ка?

– Ведь его поддержали только в Илее. Да и то не все. Многие, ан не все. Возьмём Арет. Там из таких, как мы, про него мало кто слышал и помнит. Те же, кто даже и слышал, толком не ведал, чего Уда хотел. Ещё хуже в Салеме и других селениях. А римляне с сундуками и их подпевалами враз повсеместно спелись. Вот и одолели. Потому Уде прежде надобно было больше ходить в простой народ, рассказывать про истинную веру и про то, что завещал Царь Небесный. Тогда бы

мы сплотились, как один. И в Каперне, и в Кане, и в Арете, и в Салеме... По всей Древней Рее. Тогда бы сподручно и против Рима выступать. Например, в Каперне на Сисоя-Большая Задница с его приказчиками сколько наших приходится?

– Цельная орава! – воскликнул Пётр.

– Именно! И в других местах – также.

– А когда мы повсеместно сплотимся, то начнём всех сисоев с большими и малыми задницами мутузить! – под общий смех резюмировал Андрей.

И только Фома, покрутив головой, проворчал: «Сумлеваюсь я...»

– Да не будем мы никого мутузить, – успокоил Фому Иса. – Не по-божески это. Но поперёк веры истиной, да против всего народа да ни один сисой не попрёт.

– А кто...это...в народ станет ходить? – внезапно «ожил» обычно молчаливый Филипп.

– Да хоть бы и мы. Вот подрастём малость... И начнём проповедовать.

– Иса впереди, а мы – рядом, – сказал Иаков.

– Апостолы³², – хмыкнул Иоанн.

– А чё! – загорелся идеей Андрей. – Я даже представляю, как сберётся народ, а Иса к нему выйдет. Ан не просто так: а по воде аки посуху! Вот будет потеха...

– По воде аки посуху пройтить не можно! – авторитетно

³² * Апостол (древне-греческое ἀπόστολος) – посланник, ученик.

заявил Фома.

– Тебе – не можно, а кому силы небесные дозволили – запросто, – азартно прищурился Андрей.

– Нет, не можно, – стоял на своём Фома.

– А спорим на улов!

– А спорим!

Остальные в их препирательство не ввязывались и лишь хитро улыбались. Иса тотчас ощутил какую-то подоплёку в происходящем. Поэтому, когда Андрей и его спросил: «А ты веришь?», он уклончиво ответил: «Если на то будет воля Бога».

Тяжущиеся ударили по рукам, после чего мальчишки ку-каны спорщиков с нанизанной на них рыбой начали вязать лозиной воедино, ставя их таким образом на кон разноглазый. Андрей тем временем спустился с пригорка к заливчику озера, расположенному сразу за горячим источником. Он обогнул эту заводь по бережку, оказавшись на другой её стороне, и помахал зрителям рукой.

Иса неотрывно наблюдал за действиями друга, не вполне понимая, что тот хочет делать. Андрей же выдержал паузу, а затем встал таким образом, что его фигура оказалась на фоне закатного солнца. И это было не только зрелищно, но и невольно создавало у наблюдателей впечатление, что перед ними посланник самого светила. Но это было ещё не всё...

Андрей спустился к воде и плавно, будто журавль, шагнул на слепящую зеркальную гладь... И вода не поглотила его

ног! И он продолжил своё чудесное движение, всё также мягко и пластично ступая, прямо по сияющей солнечной дорожке к противоположному краю залива. И на цыпочках благополучно миновал его до конца...

Иса был ошеломлён увиденным. Он не находил слов. В отличие от Фомы, который подобно бабе базарной кричал, что не верит, ибо стопы ног Андрея всё же оказались мокрыми. Но, вопреки его стенаниям, безжалостное мальчишеское жюри присудило выигрыш Андрею. И Иса этот вердикт не оспаривал: в отличие от Фомы он верил своим глазам. Хотя его крайне смущал озорной и лукавый ребячий смех.

Ночью Иса спал плохо. Ему снилась какая-то сумятица. Услышав крик первого илейского петуха, он тихонько сполз с лежанки, чтобы не разбудить спящих, выбрался на улицу и стремглав помчался к заливу у горячего источника.

Ещё не успели прокукарекать все илейские петухи, а непоседа уже был на месте и с пригорка взыскательным взором сканировал бухточку. Так как была рань, то солнышко светило с востока, то есть, с противоположной стороны, нежели вечером накануне. Оно не только не слепило глаза, но и отлично просвечивало воду в заводи. И тем самым помогло Исе рассмотреть донные отложения, пересекавшее залив тонким пунктиром с востока на запад.

«Да это же... никак... отмель!», – бормотал паренёк, спускаясь с пригорка, и ещё сомневаясь в разгадке головоломки,

заданной Андреем. Внизу, у самого берега, толща воды просвечивалась не так хорошо, потому в неё приходилось вглядываться. Но очертания озёрной косы всё-таки были различимы. И Иса, скинув сандалии, ступил на неё. И тотчас понял, почему Андрей ступал подобно журавлю: гребень отмели был острым, и с него легко можно было соскользнуть в глубину...

Изрядно помучившись, ему всё-таки удалось перебраться через залив «аки посуху». Преодолев преграду, прозорливый аретец повернулся в сторону Каперны и, погрозив пальцем, произнёс: «Ну, Андрей, погоди!»

Отныне он знал, что чудеса не только объяснимы, но и создаемы.

7

К началу промыслового сезона в Каперне была запущена первая часть коптильни, в которой окуривали тилипию, усачей и другую рыбу, имеющую чешую. К концу лета строители сдали Сисою-Большая Задница вторую очередь производства, где окуривали минью, сома и иную рыбу, что была без чешуи, а потому в основном шла на продажу римлянам, грекам и сирийцам.

Сисой и в самом деле был громоздким мужчиной, которого природа щедро вознаградила выдающейся филейной частью. Дату завершения строительства хозяин объявил днём

угощения, о чём он наёмным работникам все уши прожужжал. При этом Сисой заявлял, что накормит бригаду «от пуза» двумя хлебами и одной рыбиной.

И без того зная Сисоя в качестве скупердяя, мужики ещё больше были озадачены его пафосной декларацией. «Как это можно накормить три десятка человек двумя хлебами и одной рыбиной? – рассуждали они. – Да ежели ещё ребятня здесь отираться зачнёт... Ну, положим, сом и минья бывают очень крупными, дык... их мало кто есть станет. А тияпия да усач – мелочь. Двух тияпий сам Сисой за один присест и прикончит. Темнит чёй-то наш крохобор. Нет, не можно накормить двумя рыбами...»

И вот «день угощения» настал. Начальника привёз подношение на колеснице. Строители тем времени разместились на берегу, где проходили обычные обеды. Большинство «приземлились» на брёвнышки, кто-то примостился на досках, а некоторые присели на чурки. При себе у каждого имелась гладко выскобленная дощечка под еду.

– Хозяин, мы готовы, – подал голос бригадир Михей. – Тока мы ведь с ребятишками.

– Всем хватит, – окинув взглядом собравшихся, отозвался Сисой, вместе с приказчиком Нахором вытаскивая из короба колесницы снедь. – Всем хватит!

Когда Нахор раскрыл еду, то бригада убедилась, что Сисой их не обманул: действительно была одна рыбина – громадный морской окунь (что в Илейском озере, конечно же,

не водился), а также два хлеба – большущие ковриги (каковых в Илее сроду не выпекали). Приказчик принялся раздвигать окуня и выпечку, а босс лично стал разносить куски работникам и их детям, выказывая им своё уважение.

– Ездил по делам в Акко³³, – раздавая еду, на ходу пояснял Сисой, – вот и решил вас угостить морской вкуснятиной да хлебушком из чистой пшенички. Чаю, что мало кого из вас потчевали эдакой диковиной.

– Спаси тебя Бог, хозяин! – с причавкиванием за всех поблагодарил Михей.

Те, кто сидел поблизости от бригадира, поддержали Михея приблизительно в том же духе: нечленораздельным угу-каньем, причмокиванием и тому подобными звуками и междометиями. Однако вскоре выяснилось, что угодники поспешили со славословием в адрес благодетеля: если рыбы хватило на всех, то с хлебом Сисой и Нахор просчитались. Поднялся ропот.

Раскумекав собственную оплошность, Сисой побагровел не только лицом... И от безвыходности принялся распекать Нахора. Приказчику свалить вину было не на кого, а потому он лишь хлопал глазами. Выход из некрасивой сцены нашёл Иса. Нет, он не собирался выручать Сисоя-Большую Задницу. Для него элементарно было неприемлемым, объедаться за счёт кого-бы то ни было. Потому он молча встал, поднял над головой ломоть, выданный ему Сисоем, разломил надвое

³³ Акко – порт на берегу Большого (ныне – Средиземное) моря.

и отдал большую половину Андрею. Шум моментально стих. Строителям стало стыдно за своё поведение даже больше, чем за прижимистость Сисоя. Каждый поделился с соседом. Вот так, в самом деле, получилось накормить трапезничающих двумя хлебами.

Иса, Андрей и Пётр сидели подле Оса и вместе со всей неприхотливой компанией не без удовольствия поглощали дармовщину. Окунь слегка протух, но, тем не менее, был вкусным и удобоваримым для непривередливых простонародных желудков. Хлеб в дороге подсох, но с водичкой шёл «за милую душу», как выразился Матфей, трапезничавший тут же.

– Вроде бы Сисой сулил ещё и незаброженное вино подать? – подсказал кто-то из работников бригадирю. – Ты б намекнул.

– Я чё – напоминальник, ли чо ли, – дёрнул плечами Михай. – Знать, передумал. Хозяин дал – хозяин взял.

Прощальный обед закончился. Его действующие лица покушали неплохо, а потому настроение у них было приподнятым. Градус оптимизма повысился и от того, что работникам начали выдавать окончательный расчёт. Деньги выдавал приказчик Нахор. И тут выяснилось, что итоговая оплата немного, но занижена. Естественно, строители начали шумно предъявлять претензии приказчику.

– Хы, – хмыкнул Нахор, – а про удержания за сегодняшний обед забыли?

– Как за обед?! – оторопели мужики. – Это ж эта... Как иво... Угощенья! Задарма!

– А кто-то говорил, что задарма? – хитро прищурился приказчик.

– Дык, угощенья же завсегда задарма! – возмутилась бригада.

– Да вычли-то у вас крохи, сущую малость... Чего вы..., – презрительно скривился Нахор.

– Это наши крохи. Кровно заработанные. А ну, вертай назад! – сурово зыкнул на него Михей. – Хозяин, чего он? – повернулся бригадир к Сисою.

– А вы чё хотели?! – неожиданно окрысился на возмутителей спокойствия прежде эдакий добрый начальник. – Для них же старался... А они – задарма!

– Дык, сам же говорил, угощенье..., – растерялся Михей.

– Уга-а-щение, – передразнивая его, картинно развёл руки в стороны богатеёй, словно снова приглашая всех к столу. – Мало вам, что лакомство заморское обломилось... А доставка? Из Акко вёз! А выкормышей ваших тоже... за так... пичкать? Не жирно будет? Ишь, хлебальники-то пораззявили!

– Ты, Сисой, хоть бы про детей посовестился..., – укорил было охальника Иона, прислоняя к себе сыновей Андрея и Петра.

– А ты и вовсе заткнись! – заорав, перебил его повелитель Илеи. – Ладно, Михея в бригадиры я позвал – деловой он. Ос – мастер-золотые руки. А ты-то? Сам напросился! Семья,

вишь-ты, у него... Да таких как ты в Каперне – прорва! Будете вякать, – обвёл тяжёлым взглядом Сисой бригаду, – никого боле на работу не возьму!

И здоровенные могучие мужики сникли перед жирным боровом. Спасовали перед толстосумом. Никто из них и слова поперёк не проронил. Зато постоял за правду тот, кто ещё не окреп телом, да был силён духом.

Из толпы вышел Иса и, дерзко глядя в глаза хаму, заговорил негромко, но так, что прожигал насквозь атмосферу кривды и зла, что нависла вокруг:

– Святое писание рассказывает, как однажды слепой потерял все деньги, что ему подали добрые люди. Он поднял голову к небу и сказал: «Спасибо, Господи, что взял деньгами». И слепец был прав, ибо на себе испытал, что деньги – далеко не самое главное. Тогда Бог за его мудрость, веру и терпение даровал ему зрение. В другой же раз Всевышний услышал стенания скопидома, который, натягав тысячу талантов³⁴, жаловался, что у соседа их втрое больше. И изрёк Всевышний: «Алчность – смертный грех. Нельзя быть таким жадным. Хочешь, я тебя сделаю просто счастливым?» «Счастливым? А что Ты мне за это дашь?» – спросил скопидом. И вознаградил его Бог, дав по десять пальцев на каждой руке. Ан не могли те персты удержать даже лепты. И много денег потекло, да все мимо. Потому и прозвали скопидома

³⁴ Талант – древняя золотая монета весом от 8 до 30 граммов (в различных странах), либо мера золота весом в несколько килограммов.

люди Рукожопым.

Сегодня ты, Сисой, отнял у наших отцов сущую малость, – издевательски поклонился ему Иса. – Спасибо, что взял деньгами. Но знай, что признание людское потечёт мимо тебя. И теперь ты не просто Сисой, как наречён при рождении, и не Большая Задница, как зовут тебя за спиной, но Сисой-Большая Жадница! Отныне, присно и вовеки веков – Сисой-Большая Жадница! Амен!

Бригада молча разбрелась от коптильни, брезгливо обходя толстобрюхого воротилу, который словно паршивая собака костью поперхнулся. Но позже, когда мужики «с устатку» дома выпили пьяного вина и «отошли от напряжения», они от души погоготали над осквернённым Сисоем. И долго ещё то тут, то там с окраинных дворов Каперны летел в ночное небо простодушный и искренний хохот: «Ну, надо же... Большая Жадница! Га-га-га!!! Мол-лодец, Иса! Хор-рошо сказал!...»

8

Ос отмечал окончание строительной кампании с сыном Савлом и другими мужиками допоздна. Потому с Исой они вышли из Каперны на следующий день лишь после обеда. До околицы старого да малого дружной ватагой проводили местные мальчишки. А вот Андрей и Пётр прогулялись с ними даже до могилки Уды Илейского – настолько им не хоте-

лось расставаться с новым другом.

Ос чувствовал себя не очень хорошо и шагал неспешно. Ису же ноги несли сами собой. Он готов был лететь весёлой птахой, ибо впереди его ждали две женщины: Ма в Далене и мама в Арете. Старик не поспевал за ним. И его постоянно приходилось поторапливать.

– Внутри-то мне кажется, что я бегу, аки конь, – с одышкой оправдывался он перед юным попутчиком, – а снаружи-то тело плетётся, аки черепаха. Дряхлею я...

– Не надо было пить да полуночничать! – сердился подросток.

Но сердился он про себя, не высказав и намёка на попрек. Во-первых, Иса любил Оса и видел, что тот старается. Во-вторых, благодаря Осу они заработали денег, которых должно было хватить на дом из необожжённого кирпича. На тот самый дом, куда Иса (после сватанья и достижения пятнадцатилетия) приведёт Ма. Потому мальчик лишь огорчённо вздыхал, а когда они брели в гору, брал старика за руку и тянул наверх.

И всё же, как результат мелких и досадных препятствий, пара доплелась в Далену, когда над их головами уже светились поздние звёзды. Потому и проснулся влюблённый романтик в жилище у знакомых Оса далеко не с первыми пехотами. А когда он прибежал к пещере Ма, то обнаружил у входа целых четырёх лошадей на привязи, которых сторожил

какой-то человек при оружии.

Недовольно оглядевшись, Иса увидел неподалёку сестрёнку Ма Руту, с которой познакомился в прошлый свой приход. Рута играла в куклы с подружками. Он поманил её, а когда девочка приблизилась, попросил:

– Мир тебе, Рута. Будь добра, вызови Ма.

– Нельзя, – предварительно оглянувшись, прошептала та.

– Почему? – тоже невольно понижая голос, осведомился подросток.

– Сватают Ма, – важно пояснила девчушка. – Эти сваты уже второй раз приезжают. Папа даже нам с братом сказал погулять. Чтобы не мешались.

– А кто сватается? – встревожился запоздавший гость.

– Какой-то Магид. И с ним ещё другие... Говорят, у Магида отец – главный.

– Магид... это такой... с угрями? Ну, с такими чёрными точками на лице?

– Ага.

– А с ним нет такого... кривоногого?

– Ага. Есть.

Иса сжал пальцы в кулаки, вычислив, что на смотрины приехал сынок тетрарха Магид в сопровождении Шимона. Он укрылся за купиной и стал караулить, сам не зная чего.

Ему повезло: довольно скоро из пещеры выскочила смеющаяся раскрасневшаяся Ма и побежала к соседям. И едва Иса успел выйти из-за кустов и сделать несколько шагов вдо-

гонку за ней, как его тайная невеста уже бежала обратно с каким-то предметом в руках. Вот тут-то её секретный жених и перехватил. Девушка, испуганно ойкнув, налетела на него.

– Ой!... Это ты? – смутилась она, вовсе не собираясь останавливаться и не зная с какой стороны его обойти.

– Да, я, – сурово проговорил паренёк, которому отнюдь не понравился настрой Ма. – Нам надо потолковать. Мы же договорились...

– Я помню, помню, – торопливо перебила его она. – Мне некогда, меня ждут...

– Погоди, а как же...

– Потом, потом... Когда-нибудь..., – отмахнулась прелестница с волнистыми волосами, и оставила «суженого» наедине с мужчиной, охранявшим лошадей.

Любовь часто лишает людей здравого смысла. Вот и влюблённый мальчишка, несмотря на случившийся конфуз, упорно продолжал караулить Ма подобно жене Лота³⁵, которую Господь превратил в соляной столб. Ведь душа его всё ещё витала в том измерении, где ветреная красавица принадлежала ему. Ведь они давали друг другу обет взаимной преданности. И ничего иного Иса не желал знать.

Подросток стоял за кустами и не верил в новую реаль-

³⁵ * Согласно Библии, Бог превратил жену праведника Лота в соляной столб за послушание: она оглянулась на впавшие в грех города Содом и Гоморру в тот момент, когда их уничтожал Всевышний.

ность. Он ждал, что вот-вот выбежит Ма, прижмётся к нему, поцелует, как прежде, и объяснит своё странное поведение тем, что её не отпускали родители. И они обговорят планы на будущее. Иначе и быть не может, ведь он, Иса, всегда был верен ей. Он не нарушал заповедей Са и не совершал смертных грехов. Его не за что наказывать... Однако время шло, а ничего не менялось.

Осу силой пришлось увести его на обед. Там Иса наскоро и всухомятку съел лишь лепёшку, поспешив обратно. У жилища его любимой он лошадей и охранника уже не обнаружил. Из этого подросток сделал вывод, что обряд смотрин закончился и, стало быть, Ма скоро должна выйти к нему. Начинало темнеть, но дама его сердца и не думала показываться.

Руте, гулявшей неподалёку, стало жаль верного поклонника его старшей сестры, и она спросила его: «Позвать Ма?». Отверженный юный кавалер в ответ смог лишь согласно качнуть головой, поскольку в горле у него пересохло.

Девочка убежала домой и довольно долго отсутствовала. Выйдя к Исе, Рута не сразу приблизилась к нему. По её лицу было видно, что она крайне смущена. Наконец, она набралась решимости, подошла к подростку и, вздохнув, проговорила:

– Ма не выйдет. Она сказала, чтобы ты уходил.

– Ма... Ма не могла так сказать! – не поверил своим ушам тот. – Наверное, её не отпускает отец?

– Нет, – продолжала твердить Рута. – Ма сказала, чтобы ты уходил.

– Не может быть, – возразил ей Иса. – Ма не такая!

– Дурак! Ты ещё не знаешь, какая она! – внезапно вспылила Рута. – Ты бы лучше на мне женился! Я тебе всегда была бы верна! А она...

И девочка убежала прочь...

Глава вторая

1

На семейном совете решили не строить дом из необожжённого кирпича на средства, заработанные Осом, а приобрести пещеру уютную и больше размером. Зато на сэкономленные деньги предполагалось обучить Ису церковному делу. Но осуществить это уже в установленном порядке.

Инициатором такого проекта выступила мама Исы. И определённые предпосылки к тому имелись, поскольку и сама Ма, и Ос происходили из колена левитов³⁶. Кроме того, в городе Евроне проживала Анна – двоюродная сестра Ма по материнской линии. Зять Анны был коэном. Звали его Мардохей. Вот к нему мама и надумала пристроить сына.

Ос с планом действий Ма согласился. Лишь Иса колебал-

³⁶ * Левиты – сословие, специализировавшееся на оказании ритуальных услуг: священники (первосвященник, его заместители, коэны), а также обслуживающий церковный персонал (ключники, казначеи, певчие, музыканты, стража и т. д.).

ся: он всё ещё надеялся на то, что вдруг да понадобится исполнить обещание, данное Ма-Волнистые волосы, о доме из кирпича. И его близкие понимали это.

Однажды, когда Ос и Иса оказались наедине, старик подсел к нему на лежанку и завёл задуманную беседу.

– Поговорим? – спросил он.

– Поговорим, – поднимаясь с постели, непонимающе ответил подросток.

– Ма попросила поговорить с тобой как мужчина с женщиной. Ты мне доверяешь?

– Пап, конечно, – пожал плечами мальчик. – Как себе.

– Прошу тебя не сердиться. Поступаю так ради того, чтобы ты знал то, что должен знать. И только. А дальше поступи, как душа велит. Ладно?

– Угу.

– Недавно я повстречался со знакомыми из Далены. Люди порядочные и проверенные. Передаю тебе слово в слово то, что узнал от них. Помнишь, когда мы там были в Далене, там к твоей...м-м-м...знакомой девушке сватался Магид?

– Угу.

– Её зовут Ма, она дочь Ниса, так?

– Угу.

– Так вот...Ещё луну³⁷ тому назад она сбежала из дома. Да не с Магидом, а с одним богатым молодчиком из Салема,

³⁷ По лунному календарю один синодический (лунный) месяц равен 29,5 солнечных земных суток.

который приезжал сватать за Магида. Потом её видели в Салеме, якобы, уже и не с реем даже, а с одним из командиров римлян. То, что она пошла по рукам, может, и напридумывали – про то я не я ведаю. Но то, что сбежала – точно. Так-то вот.

Ос замолчал. Долго безмолвствовал и Иса, обдумывая и оценивая услышанное. Затем он спросил:

– Пап, зачем ты мне это рассказал?

– Чтобы ты вник в ситуацию. Беда не только в том, что Ма сбежала. Но и в том, что она на два года старше тебя. Для юности это большая разница. Пятнадцатилетняя девушка – уже женщина. А ты... Тебе ещё надо взрослеть. Встать на ноги. Уметь самому прокормить свою семью. Женщина – это не только радость. Испытание женщиной выдержит только подготовленный. Поэтому мы и хотим отправить тебя в Еврон. Подумай. Не отвечай немедленно.

Иса думал три дня, а потом исполнил давнюю просьбу мамы, которая была неграмотной, написав от её имени письмо Мардохею. С ближайшей okazji послание было отправлено в Еврон. Вскоре через знакомых от Мардохея на словах был получен положительный ответ.

Тогда Иса со своими домашними стали ждать Пасхи³⁸. Во-первых, к тому сроку подростку уже будет тринадцать лет – возраст самостоятельности и религиозного совершенноле-

³⁸ Пасха – день обретения независимости и создания Древней Реи.

тия. Во-вторых, традиционно молодой человек в эту пору должен совершить хадж в Салем. И, наконец, от Салема Еврон находился в полудне пути. А восточные законы вежливости и гостеприимства требовали личной встречи с тем, кому предстояло стать учителем Исы.

2

Пасхальная неделя наступила довольно быстро, не доставив тягостных ожиданий Исе, потому что весь сезон дождей он с мамой и Осом обустроивал новую пещеру. В ней у подростка был свой отдельный небольшой грот, равно как и у остальных членов семьи. В виде обособленных помещений также были выполнены прихожая, кухня и даже ниша для Доси.

Завершив перестроечные работы, а также сделав генеральную уборку к празднику, дружная троица с чувством удовлетворения отправилась в Салем. Радость Исы от предстоящей встречи с древним городом усиливали надежды на то, что он, пройдя обучение у Мардохея, станет проповедником.

В путь вышли с расчётом на то, чтобы в главный город Реи успеть к вечеру шестого дня Пасхи. Видимо, такие же прикидки были и у многих других полонников, потому что дорога оказалась запружена народом, двигавшихся пешком, на повозках, запряжённых ишаками, верхом на лошадях и

на верблюдах. Во время перехода семья останавливалась на ночёвку в городках Инея и Тамария. В это время по пасхальным обычаям питались только опресноками³⁹, которые запивали водой.

В дороге любознательный Иса, естественно, расспрашивал маму о Мардохее, на выучку к которому ему предстояло поступить. И вот что ему поведала Ма:

– Моя двоюродная сестра Анна в своё время вышла замуж за Еноса. У них родилась дочь Идит. И надо же случиться несчастью: Енос задолжал одному мужчине большую сумму, а сам в одночасье околел. Идит же выросла настоящей красавицей. И когда ей исполнилось шестнадцать, за неё посватался Мардохей. И хоть он очень прижимистый, но за Идит согласился погасить долг и проценты по нему.

– Любовь, – умудрённо сказал Иса.

– Да уж, – улыбнулась Ма. – Её Мардохей любит, а пуще того – денежки. На учёбу он тебя согласился взять тебя не только из-за родства, но и за хорошую плату. Ещё выпивает он... Ну да тебя это не касается: жить ты станешь у тётки Анны. Она сейчас одна. Идит и Мардохей проживают отдельно от неё.

– А дети у Идит с Мардохеем есть?

– Нет.

– С кем же я стану общаться? – огорчился Иса. – А другие родичи у нас в Евроне есть?

³⁹ * Опресноки – пресные лепёшки, пресный хлеб.

– Были. Прежде там проживала ещё одна моя двоюродная сестра – Елисавета. Она была замужем за священником Захарией. У них родился сын Иоанн или просто Иня. Елисавета родила его где-то на полгода раньше, чем я тебя. Стало быть, Иня приходится тебе троюродным братом. Да вот напасть: вскоре после появления на свет Ини, Елисавета и Захарий умерли...

– Чего ж они там все мрут да околевают?! – обескуражено вскрикнул мальчик. – А что с Иней стало? Он-то жив?

– Поначалу ходили слухи, что кто-то его взял на воспитание. И он обитал где-то... Не то в горах, не то в пустыне... Точно не скажу.

– Как же так! – расстроился Иса, которого из всего маминного повествования больше всего задела именно эта подробность. – Мой брат – и пропал! И больше ничего не известно?

– К сожалению, больше ничего...

3

В столицу прибыли по задуманному графику. Ужинали в таверне у знакомого Оса, которая находилась на Масличной горе. Пока Ос и хозяин трапезной по имени Кадиш и приветствовали друг друга и делились новостями, Иса с верхотуры осматривал легендарный город.

Напротив места, где остановились путники, была расположена Храмовая гора, окружённая по периметру каменной

стеной. За стеной громоздилось величественное здание Храма, достроенное Уродом Великим, освещённое сиянием сотен факелов. От Масличной горы вход к Храму лежал через Золотые ворота. И Иса, любуясь вечерней панорамой города, живо воображал, как он совсем скоро минует парадный проход, дотронется до древних камней и поклонится главному Святилищу Древней Реи.

Тем временем Кадиш подыскал укромное местечко для гостей и стал им предлагать угощение. Пока Ос и Ма выбирали блюда, Иса играл с привязанным к столбику ягнёнком. Что примечательно, давно скучавший барашек сам шаловливо боднул подростка, когда тот проходил мимо. Иса, обожавший животных, не преминул ответить ему тем же. Так они и забавлялись, пока к ним не подошёл Кадиш, уже получивший заказ. Хозяин таверны подмигнул мальчику и спросил:

– Что, нравится? – при этом он указал рукой на весёлого ягнёнка.

– Да! – ответил ему подросток. – Он такой хороший!

– Щас сделаю из него жаркое для вас, и он станет ещё лучше! – расхохотался Кадиш.

– Ка-ак... жаркое..., – растерялся Иса, глядя резвящегося ягнёнка, на голове которого едва начали пробиваться рожки.

– Так, жаркое, – продолжал улыбаться «кровожадный мясник». – Как Ос пожелал. Всякий добропорядочный рей должен на Пасху отведать жертвенного барашка.

– Это же... Это же... давно отживший обычай отсталых

язычников! – сердито возразил подросток.

– Так что? Теперь и мяса не есть? – подивился Кадиш.

– В Пасху – нет! – сказал, как отрезал его юный оппонент. – Пасха – праздник милосердия. И вера в Бога заключается в сострадании и в умении прощать, а не в том, чтобы тварь живую резать! Вот стану я первосвященником, то отменю дикарские повадки, – пообещал оторопевшему хозяину таверны Иса, ничуть не сомневаясь, что такое пророчество сбудется.

И мальчик побежал к Осу с мамой, чтобы отговорить их от жестокого заказа. И добился-таки своего. Хоть и не сразу: старик долго ворчал про то, что он специально постился, чтобы сегодня можно было разговеться. Успокоился Ос на том, что взамен жаркого взял себе крепкого напитка.

В результате троица в пасхальный вечер вынужденно ела яйца вкрутую и опресноки, кои каждый запил четырьмя чашами виноградного сока (Ос – перебродившим виноградным вином). Зато довольный Иса поглядывал на игривого барашка и незаметно от Оса подмигивал ему.

4

Завершив ужин, аретские путники отправились к Храму, чтобы отстоять богослужение вместе с остальными паломниками. Однако, уже у подножия Храмовой горы обнаружилось, что там скопилась масса богомольцев. Дорога же к Золотым воротам и вовсе была сплошь забита народом. Пото-

му гигантская живая людская река текла вверх весьма медленно.

Правда, очередность прохода касалась лишь обывателей. Зато знатные особы на колесницах проезжали без особых помех, потому что сопровождающая их конная стража разгоняла простолюдинов по сторонам. Подобное произошло раза три или четыре. И эта несправедливость до того возмутила Ису, что он дал маме и Осу обещание:

– Всё, больше никого вперёд нас не пропущу. Пусть тащатся как все!

– Сына, – предостерегла его Ма, – здесь тебе не Арет! Затопчут лошадьми...

– А вот и не затопчут! – стоял на своём подросток. – Ни за что не пущу!

Но не успел стихнуть его зарок, как позади вновь слышался конный топот и громкие выкрики: «А ну, расступись! Расступись, кому говорят! Щас ка-ак хлестану по су-салам-то, дерьмо собачье!»

Иса рассерженно обернулся на шум, готовый к самым решительным действиям, да так и замер с раскрытым ртом, словно громом поражённый...Его изумление объяснялось просто: к ним приближалась настоящая квадрига⁴⁰ с эскортом в виде кавалькады всадников. Но это было ещё не всё: в колеснице помимо какого-то сановного римлянина нахо-

⁴⁰ Квадрига – античная двухколёсная колесница с четырьмя запрежёнными конями.

дилась... Ма из Далены!

Римлянин ей что-то нашёптывал, а темнокудрая красавица томно смеялась и озорно сверкала глазами. Ей было очень весело... И тут её взгляд поневоле упал на Ису, который застыл на проезжей части в отличие от хлынувшей в стороны толпы. Она лишь на мгновение смутилась и отвела чёрные очи в сторону. Но тут же обманщица из Далены овладела собой: сделав отмашку рукой, словно отгоняя прочь приведение, девушка вновь принялась беспечно хохотать.

Пышная процессия пронеслась мимо, а остолбеневшего Ису не сбили только потому, что его успел оттащить в сторону Ос. Старик взял за руку сникшего подростка и предложил ему и его маме: «А не пойти ли нам через Мусорные ворота?»⁴¹ Там народу наверняка меньше». И они двинулись кружным путём.

Но и на подходе к Мусорным воротам их ожидало аналогичное столпотворение. Благо, что здесь Ос встретил знакомого жителя Салема – толстяка по имени Тимон, который пообещал провести аретскую троицу через какое-то Игольное ушко. Приунывшего было Ису отчасти позабавило то, что Тимон был косноязычным: в словах вместо звука «з» он произносил «ж».

– А что такое Игольное ушко? – постепенно «оживал» Иса, который после салецкого явления Ма из Далены был

⁴¹ * Мусорные (Сильванские, Марокканские) ворота – расположены на юго-западе Храмовой горы.

сам не свой.

– Да это такой ма-аленький лаж в храмовой ограде, про который мало кто жнает, – ответил толстяк, следуя тёмным неосвещённым закоулком. – Мне-то он ишо с мальчишек ижвестен. Мы пацанятами им польжовались. Прежде там ишаки и даже небольшие верблюды проходили.

– Дядя Тимон, а почему у вас богатеи без очереди лезут? – всё

ещё переживая по поводу происшествия у Золотых ворот, полюбопытствовал паренёк.

– Хы, – хмыкнул проводник, – будто в Арете они не лежат. Ражница в том, что чем выше жажравшийся, тем больше он наглеет. По праву сильного. А на Пасху в Салеме жавсегда такенная толкотня иж-жа вас, паломников. Простые же салемицы не особо на богослужение рвутся – они в Храм и в другие дни сходить могут. Ну, вот, кажись, и пришли...

Толстяк прервал монолог и замедлил шаги, вглядываясь в сумрак. Он медленно продрался между кустарником и стеной, за которым смутно виднелся какой-то провал. Его спутники последовали за ним.

– Это Игольное ушко? – нагоняя знатока местных окрестностей, шёпотом осведомился юнец.

– Ага, – ответил тот, шагнув в узкий проход. – Давно я ждесь не бывал. Щас ждесь будет изгиб, а жа ним уже и выход будет видно.

Но на беду проводника, когда четвёрка добралась до изги-

ба, случился конфуз: Тимон ни в какую не мог протиснуться через теснину, несмотря на усердное пыхтение и кряхтение.

– Может, ты, Тимон, чего-то путаешь? – усомнился Ос. – Точно, здесь ослики и верблюды раньше ходили?

– Ну, ослы-то, точно, – не без ехидства ответил Осу Иса, помогая толстяку протолкнуться.

– Ничего я не путаю! – рассердился Тимон. – Видать, стену...эта...разнесло...Как-то так...

– Ну-ка, дайте, я попробую, – попросил его подросток.

– Спытай щастья, – согласился толстяк, отступая назад. – Давно я ждесь не бывал...

Они с Тимоном с трудом разминулись, после чего Иса свободно преодолел расщелину и через узкий проём, открывшийся впереди, увидел ярко освещённую прихрамовую площадь. За ним последовали Ма и Ос, которые не без усилия, но протиснулись через узину. Сын бережно поддерживал маму, опасаясь, что она упадёт. Помогая ей, Иса негромко пророчествовал: «Вот стану я...первосвященником...Сделаю так, что легче верблюду...будет пролезть через Игольное ушко, чем толстопузой...мамоне несправедливой попасть в Божье место!»

Любопытно, что часть его прорицания осуществилась немедленно: толстопузый бедолага Тимон так и не сумел совладать со злополучной стеной, которую «разнесло». И ему пришлось повернуть назад.

Прихрамовая площадь была залита светом от факелов и полна народом. Люди толпились всюду, кроме атриума, на который никого не пускали. В ожидании молебна прихожане негромко переговаривались друг с другом, а потому над прилегающим пространством витал глухой гул.

Иса так стремился быстрее пробраться в главное святилище Древней Реи, что оторвался от мамы и Оса. Вскоре он пробился к самому центру и тут обнаружил, что далее атриума паству не допускают.

– А-а-а... А когда в Храм разрешат пройти? – недоумённо и простодушно обратился он к пожилому дяденьке, стоящему в первом ряду.

– Ишь, чего захотел, – усмехнулся тот. – Для простолюдинов первосвященник Анна молебен служит на площади. Опосля же в Храм пустят только избранных.

– Ничего себе! – огорчился подросток. – Вот у нас, в Арете, богослужение всегда проходит прямо в молельном доме. И как раз для тех, кто поспел. А опоздавшие слушают во дворе.

– В Арете..., – презрительно осклабился мужчина. – Дерёвня! Здесь Салем, а не Арет. И тут места отводятся по знатности. И не только... Вот думаешь почему службу не начинают?

– Не знаю, – признался наивный аретец.

– Да потому, что к Анне чего-то припёрся римский пре-

фект Руф. Наверное, предупреждает, чтобы волнений не было... Вона, видишь в глубине двора, у бокового придела храма стоят колесницы и стража?

– Угу.

– Вот когда оттеля выйдет Руф да уедет через Потайные ворота, тогда и Анна к нам пожалует.

Надменный и не слишком грамотный житель Салема в прогнозе не ошибся. Стоило римской кавалькаде удалится под сень Потайных ворот, как грянула церковная музыка, певчие запели псалмы, славящие Бога. Двери Храма отворились, в них показался первосвященник. И пока Анна в торжественном одеянии шествовал по паперти, его сопровождало громкое праздничное песнопение.

Но едва первосвященник остановился и воздел правую руку, как помпезный церемониальный аккомпанемент оборвался, и на площадь разом опустилась полная тишина. У Исы даже мурашки по телу пробежали – так его впечатлил этот триумфальный выход Анны.

– О! Великий и несравненный Боже! – провозгласил начальные слова молитвы первосвященник, смиренно обращаясь к небесам. – Благословен Ты, Царь Вселенной! Наш Властитель и Властитель наших отцов! Славим Тебя за чудесное спасение народа Твоего и избавление от плена египетского. Славим Имя Твоё за то, что даровал Ты нам Землю обещанную! Землю, где всегда светит Солнце, пасутся и тучнеют наши стада, щедро наливаются живительным нектаром наши

злаки! Землю, где в домах наших тепло и светло!

– ...в домах наших тепло и светло! – многотысячным тихим эхом вторили Анне прихожане, когда тот умело и уместно делал краткие перерывы в речи.

– О! Великий и несравненный Боже!... – продолжил молитву иерарх.

Анна воспроизводил обращение к Всевышнему по памяти, хотя и держал в левой руке на всякий случай молитвенник. И читал он чётко и внятно. С выражением. Захватывая слушателей в плен своего обаяния. И всё было хорошо, пока он не перешёл к финальной части молитвы.

«И будем и наши дети, и дети наших детей, и дети народа Твоего дома Древней Реи чтить Имя Твоё! – славил он Всевышнего. – А равно беречь дела Твои...»

И в этом месте первый пастырь Древней Реи запнулся: должно быть, в его сознании внезапно всплыли наставления, которые ему дал перед службой римский префект Руф. Оттого над святым местом Салема нависло нехорошее безмолвие. И вся паства затаила дыхание, обмерла и разверзла рты...

Обмерли все, кроме Исы, который не растерялся и звонким юношеским тенором, разнёсшимся по всей площади, произнёс завершающие слова канонического текста: «...И следуя заветам Твоим, дети Твои и народ Твой навсегда охранят от врагов Землю обещанную и свободу, дарованные Тобой! Амен!»

И тут уж первосвященник, хотел он того или нет, принуж-

дён был повторить то, что сказал безусый юнец. Ибо то было Слово Божье!

И Анна завершил обет, даваемый Вседержителю, тем словесным оборотом, который и надлежало донести до верующих. И в конце концов сказал: «Амен!». И прихожане тоже облегчённо выдохнули: «Амен!»

Выдержав паузу, иерарх продолжил проповедь уже в неформальной манере. Он спрашивал у реев, как они провели пасхальную трапезу; что принесли в жертву Богу; ставили ли четыре чаши с вином, разбавленные водой, кои символизировали четыре обета, данные Всевышнему; какие пели при этом псалмы. Люди ему охотно отвечали, а сам первосвященник давал разъяснения, что значит то или иное действие или песнопение.

Затем Анна ещё раз поздравил собравшихся с праздником чудесного спасения и весны. И случайно или нет, но пропустил слово «свобода». Вновь заиграла музыка, певчие запели пасхальные псалмы, а паства стала разбредаться по домам. Причём часть реев делала это столь поспешно, что кое-где возникла давка. Зато для именитых людей охрана образовала специальный проход в толпе, через который знать двигалась к храму.

Иса же задержался возле парапета в числе немногих, кто пожелал пообщаться с первым пастырем. Люди тянули к Анне руки, прикасались к нему, а тот улыбался, кивал им на-

лево и направо, а затем нечаянно спросил о том, есть ли к нему вопросы. И тотчас пожалел об этом, потому что безусый юнец, подловивший его на промахе в заключительной части молитвы, дерзко заявил, что у него имеется не один, а три больших вопроса.

– Первый, – чеканил Иса. – Почему в храм пускают только избранных? Второй. Почему на храмовой площади торгуют ритуальными принадлежностями и меняют деньги? Или уже и вера продаётся? И третий. Почему ты, святой отец, хотел умолчать, что Бог даровал нам главное – свободу? А когда в конце поздравлял с пасхой, то не сказал, что это и праздник свободы тоже? А?

– ...Сын мой, – скрывая оторопь, возразил ему многоопытный религиозный деятель, даря очередную улыбку остальной пастве, – ты же видел, сколько народу собралось. В храм не поместилась бы и десятая часть...

– А это что? – непочтительно перебил его подросток, рукой указывая на знатных горожан, которые с бокового входа проходили в священное здание. – Или перед Богом не все равны? А почему римлянин Руф задержал начало службы? А-а-а... То-то же! Негоже так поступать первосвященнику!

И не дожидаясь ответа Анны, разгневанный Иса отвернулся и отправился, куда глаза глядят. Он даже про маму и Оса забыл. А когда пришёл в себя, то обнаружил, что находится в долине между Храмовой и Масличной горами. Люди

всё ещё расходились с молебна, но их стало гораздо меньше.

Чуть постояв на дороге, подросток стал искать родных. Поскольку ночевать решено было у Кадиша, Иса двинулся на Масличную гору. Однако в таверне мамы с Осом не оказалось. И Кадиш подтвердил, что после службы они сюда не возвращались.

Тогда мальчик пошёл обратно. Он последовательно обошёл Царские и Мусорные ворота, которые уже были закрыты, заглянул в Игольное ушко, бесцельно побродил по главной дороге и вдоль Геенны огненной⁴², но его поиски не увенчались успехом.

Лишь под утро, когда Иса повторно взял курс к таверне Кадиша, он столкнулся с плачущей мамой и опечаленным Осом. Те уж и не чаяли увидеть его живым, ибо в окрестностях Салема по ночам промышляли разбойники.

4

К вечеру следующего дня троица из Арета добралась до Еврона.

Остановились у Анны – двоюродной сестры Ма. Вскоре туда пришёл и зять Анны Мардохей пришёл. После взаимных приветствий и традиционного обмена подарками Мардохей сразу взял инициативу в свои руки и стал проверять, что умеет Иса.

⁴² Геенна огненная – небольшая долина к юго-западу от Храмовой горы, где в древние времена проводили казни, а в описываемый период – сжигали мусор.

Он наугад открыл молитвенник, который принёс с собой, и предложил подростку прочитать первое попавшееся. Выпала молитва на удачу. И едва Иса открыл рот, как в жилище кто-то постучался с наружной стороны. «Вот и удача пожаловала», – сострил экзаменуемый. Дверь распахнулась и в проёме её показалась привлекательная женщина. То оказалась Идит – жена Мардохея. Все присутствующие рассмеялись: удачное начало.

Иса с выражением огласил текст, для видимости один раз заглянув в рукопись, что не могло не удивить коэна. Поэтому, по окончании декламации, Мардохей осведомился на сей счёт у проверяемого.

– Так я все молитвы знаю назубок, – ответил ему тот.

– Так уж и все! – усомнился Мардохей.

И он принялся гонять Ису по всему молитвеннику. Но выслушав обращения к Богу по случаю рождения ребёнка и дня свадьбы, по поводу пробуждения и обрезания, а также целый ряд других, которые его дальний родственник прочёл по памяти и на одном дыхании, священник признал свою неправоту, поражённо протянув: «Что творится-то! А?»

Затем он проинспектировал подростка на предмет чистописания и пения псалмов. При этом его дотошностью собравшиеся были столь утомлены, что Идит, переживавшая за юного родственника, раздражённо воскликнула:

– Ну, хватит уже, Мардя! Да он всё делает так, что ты даже трезвый не сможешь!

– Ладно-ладно, беру, – сдался коэн.

– Ещё бы ты не взял, – не унималась рассерженная Идит. – Ему же учеником быть, а не первосвященником.

– Не просто учеником, а послушником и псаломщиком, – важно поднял кверху указательный палец Мардохей. – Верно я говорю?

– Да, – откликнулся на его вопрос Иса.

– В школе при храме ты будешь наравне со всеми изучать историю Древней Реи, латинский и греческий языки и культуру этих стран, а также кое-что ещё. Но, кроме того, ты будешь моим помощником в части наведения порядка в храме, зажжения свечей, подготовки моей одежды и атрибутов храмовой службы, читать псалмы и слова из Святого Писания, толкуя их простым людям. Понимаешь?

– Да.

– Известное дело, что послушник и псаломщик – это не священник. Но это необходимая ступень, чтобы им стать. Смекаешь?

– Смекаю.

– Обучение в школе начнётся с нового года. То бишь, с октября.

– С октября, – согласно кивнул Иса.

– Теперь о плате за учёбу, – повернувшись к Осу и Ма, сказал Мардохей.

И он характерно потёр руки, как бы демонстрируя, что он не только коэн, но и хороший предприниматель...

Заканчивался второй год выучки Исы у Мардохея. Подготовка к будущей самостоятельной миссионерской деятельности под его руководством вызывала у юноши противоречивые чувства. С одной стороны, ему нравилось овладевать навыками храмового служения, осваивать проповедническое мастерство, получать новые знания об истории Древней Реи, изучать греческий (койнэ⁴³) и латинский (так называемая вульгарная латынь) языки, а также культуры Греции и Рима. Но с другой стороны, он не мог принять всё то из практики Мардохея, что именовалось сундукейством.

Так, наставник юноши не просто питал симпатию ко всему греко-римскому, но и превозносил образ жизни завоевателей. Зато нравы реев он принижал, считая их допотопными. И на этом основании полагал, что покорение Древней Реи – благо. При порядках, установленных римлянами, Мардохей жил в достатке. Его всё устраивало, поскольку личное земное благополучие и удовольствия жизни для него были главными. С обычными прихожанами он общался несколько свысока, а вот перед сильными мира сего благоговел. Да

⁴³ Койнэ или койнэ (от греческого κοινή διάλεκτος – «общий язык») изначально – вульгаризированный древнегреческий язык, адаптированный для повседневного межнационального общения.

и во время молебнов своевольничал, допуская отступления от непреложных текстов Священного Писания как раз в той части, где речь шла о достоинствах народа Древней Реи, о его праве на свободу. На этой почве между Мардохеем и Исой, который не терпел несправедливости, часто происходили стычки.

И когда заканчивалось такого рода богослужения, строптивый помощник, оставшись наедине со священником, высказывал ему свои замечания. А в обоснование критики тыкал пальцем в строки древней рукописи.

– Да ты нахалёнок! – сердился в ответ Мардохей. – Ты, небось, хочешь, чтобы было как в поговорке про то, где хвост вертит собакой? Так вот, ты мной вертеть не будешь!

– А знаешь ли ты, досточтимый учитель, – не думал уступить ему Иса, – такую поговорку: «Берегись козла спереди, лошадь сзади, а лицемера – со всех сторон»?

– Всё! – выходил из себя Мардохей. – Моему терпению есть предел! Закончится второй год обучения – и скатертью дорога... В моём молельном доме тебе места не будет...

– Дом – Божий, а не твой!

– Кхе... Дом-то Божий, но места в нём – мои! Я б тебя сейчас же выгнал, да надобно долг держать перед твоими... Не чужие они люди... Да и деньги плачены...

– Да лучше на паперти деньги попрошайкой канючить, чем Священное Писание поганить! – дерзко обрывал ученик отступника от Слова Божьего.

И чем дальше, тем больше контакты между наставником и его подопечным обострялись. Ису не раз подмывало уйти от Мардохея. Но ему было жалко маму и Оса: ведь они многим пожертвовали ради его карьеры. Впрочем, однажды произошёл случай, который в корне изменил отношение Исы не только к конкретному коэну, но и к официальной церкви Древней Реи в целом.

2

Накануне того значимого дня священник строго-настрого предупредил Ису, что завтра к ним прибывает важная особа, а потому нужно быть на месте и выглядеть прилично. В связи с таким внушением юноша с утра сидел возле храмовой ограды и читал Священное Писание. Внезапно он услышал горестный плач, доносившийся от каменного дома Мардохея, расположенного рядом с молельным домом. Иса никогда не мог оставаться равнодушным к таким крайним проявлениям человеческих эмоций, а потому поспешил в ту сторону.

Он увидел тётку Анну, которая со слезами на глазах вталкивала что-то в руки какому-то пареньку. Однако тот решительно отказывался принять дар и многократно пытался обойти женщину, буквально цеплявшуюся за него. Незнакомец на первый взгляд был ровесником Исы. Он, как и Иса, был высок для своего возраста, а помимо того – очень крепок телосложением и много шире в плечах.

– Нет, – непримиримым тоном говорил он Анне, – мне от вашей семьи ничего не надо!

– Иня, милый..., – стенала та. – Но это же... Это же не от кого-то, а от меня лично...

– И от тебя лично – тоже, – был непреклонен паренёк. – Потому что за тобой стоит тень Мардохея. А он переступил через кровь моего отца! Нет ему прощения!

И невежа Иня, с силой выдрав свою руку из объятий Анны, направился прочь.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, прости нас..., – вслед ему молила женщина, опускаясь на колени.

– Нет, я сказал! – безжалостно отрезал тот напоследок.

– Тётя, – поспешил к родственнице Иса, поднимая её с земли. – Кто это такой?

Юноша не случайно уточнял личность грубияна, поскольку, услышав его имя, мгновенно вспомнил рассказ мамы про брата Иоанна. Ранее у тётки Анны он пытался навести о нём справки, но всякий раз она избегала этой темы.

– Это, это..., – бубнила тётушка, не в силах собраться с мыслями.

– Это мой... м-м-м... троюродный брат Иоанн? – сам навёл её на нужные мысли племянник. – У которого родители Захария и Елисавета?

– Д-да... Это он, – выдавила, наконец, из себя Анна.

– Да как он посмел так с вами обращаться? – возмутился Иса. – Сейчас я с ним разберусь!

– Не-нет! – испугалась Анна, хватаясь теперь за юношу. – Иня ни в чём не виноват... Это... Это мы провинились!

– Мы?... – дезориентировано проговорил Иса.

Но от дальнейших его расспросов, которые могли бы прояснить ситуацию, тётка Анна вновь уклонилась.

Оставлять столь каверзную историю запутанной, было не в характере Исы. И он кинулся за братом.

3

Иоанна Иса догнал на выходе из Еврона. Тот, широко шагая, направлялся в сторону Мёртвого моря. Лицо его выражало презрение. Он что-то с ненавистью едва слышно бормотал.

– Мир тебе, брат! – окликнул его Иса, поравнявшись с ним. – Здравья тебе, Иоанн!

– Мир! – вздрогнув, ответил ему тот, поскольку был углублён в свои думы.

– Я твой троюродный брат Иса, – на ходу продолжил разговор юноша, так как его собеседник и не думал останавливаться. – Я сын Ма из Арета – двоюродной сестры твоей мамы Елисаветы.

– И что? – не сбавлял темп ходьбы тот.

– Вот... Хотел с тобой познакомиться.

– Зачем?

– Как... Ну, мы же родственники...

– Поздравляю! – мрачно съязвил Иоанн, приостанавливаясь. – Что теперь?

– Давай поговорим...

– О чём?

– Будь добр, скажи, отчего ты так вёл себя с тёткой Анной?

– Защищать её будешь?

– Пока ни то ни другое. Потому и догнал тебя... Чтобы узнать...

– А это что-то изменит?

– Чтобы сказать, изменит или нет, надо знать правду... Присядем? – показал рукой на обочину Иса.

– Убедительно говоришь, – озадаченно проговорил Иоанн.

Они присели и внимательно посмотрели друг на друга. Продолжительно помолчали. Потом Иса доброжелательно улыбнулся, а его визави, напротив, нахмурился.

– Мама мне рассказывала, что ты где-то в пустыне обитаешь, а ты вдруг в Евроне оказался.

– На могилку отца приходил. А ты как здесь?

– Я... Я в школе Мардохея...

– Тогда нам разговаривать не о чем! – решительно приподнялся Иоанн.

– Погоди-погоди, – придержал его брат. – Я, быть может, не сегодня-завтра брошу её...

– Вот завтра и потолкуем...

– Да ведь завтра тебя я не увижу! – воскликнул Иса. – Вот ты любишь правду?

– Ради неё и живу!

– Так я ведь только об этом и прошу: донеси мне её! А ты не хочешь...

И в произнесённых словах Исы была та самая истина, для которой и жил Иоанн. И это в корне изменило атмосферу между ними.

– Ты, в самом деле, мой брат? – осведомился Иоанн, вновь опускаясь на землю.

– Клясться не стану, ибо далеко не всегда слово наше – дело Божье, – серьёзно ответил Иса. – Просто взгляни в мои глаза... Кто кроме брата бежал бы за тобой десятков стадий, чтобы услышать правду?

– Пусть так, – согласился Иоанн. – Тогда слушай... О семье нашей я знаю от людей, с которыми живу сейчас в общине. Отца своего Захария я не помню, ибо его убили, когда мне не было и года. Отец был коэном в Евронском молельном доме. Он свято соблюдал заповеди Божьи. Он был против роскоши за счёт ближних своих. Он ратовал за независимость народа Реи. За это по указанию Урода Великого от него решили избавиться. Отца вызвали в Салемский храм. Под предлогом того, что по жребию ему выпала очередь отслужить в нём. Там его и закололи возле алтаря...

– Закололи!... Расправились за правду! – воскликнул Иса. – Вот изверги!

– Да...Ну, а мама моя Елисавета бежала со мной в горы близ Мёртвого моря. Там нас приютили общинники. Но на сороковой день после смерти отца умерла и матушка. Так-то вот.

– Изверги! – повторил Иса. – Иня, но...Но, при чём же тут тётка Анна?

– Да при том, – досадливо скривился Иоанн, досадуя на недогадливость брата, – что на место отца прислали Мардохея – верного служаку Урода Великого. А тётка Анна выдала за него Идит.

– А-а-а, – протянул Иса. – Вот оно как. О-хо-хо...Я ещё одно не понял. Получается, что тётка Анна нашла тебя в общине. Так что ли?

– Нет. Не так. Два года назад я в день поминовения отца пришёл к нему на могилку. А кладбище же рядом с молебным домом. Там тётка Анна меня и узнала – уж очень я похож на своего отца. И сегодня я там же столкнулся с ней нос к носу...Нет им прощения!

– Ну, ежели так..., – согласно покачал головой его брат. – Да я сегодня же брошу школу! Продал Мардохей все заветы Божьи. Отступник!

Они некоторое время помолчали. И Иса подумал, что он, в отличие от бедолаги Ини, очень счастливый человек! У него есть и мама, и Ос...И потому он, приобняв Иоанна, спросил:

– А в общине тебе хорошо, брат?

– Да как тебе сказать, – задумчиво промолвил тот. – Они очень добрые и чистые люди. У нас всё сообща: и молимся, и трудимся, и радуемся, и грустим... Только вот верования и у них не вполне правильные.

– Например?

– Ну... Вот... В общину принимают только чистокровных реев. А чем другие хуже, если заветы Божьи у них в сердце? Нет, Бог для всех тех, кто верит в Него и верен Ему. Возьми моего отца – рей в тринадцатом поколении. Но лишь стал неугоден – расправились, будто с бродягой безродным. Не-е-ет. Тут суть в другом. Она в том, что честные люди объединяются душами, а подлые – грязной плотью. Я как повзрослею, думаю свою общину основать. Уйду и стану сам проповедовать. На Иордане. Мне даже от Всевышнего было прозрение: очищать людей от старой скверны надобно не через купание в миквах⁴⁴. Надобно через полное омовение в речном просторе. Окунать с головой. И чтобы поток уносил всё паскудство.

– Согласен с тобой! – горячо поддержал его Иса. – И не только в этом. Возьмём жертвоприношение ягнёнка на пасху – явный пережиток язычества! Нужно менять этот звериный обычай...

– Погоди-ка, – заинтересованно перебил его Иоанн. – Но тогда скажи, как ты объяснишь пастве отказ от Божьих установлений?

⁴⁴ Миква – резервуар, ванна для омовения.

– А кто доказал, что это Божьи установления, а не тех же первосвященника Анны или Мардохея? – в тон ему ответил Иса. – Скрижали⁴⁵, на которых Царь Небесный лично начертал свои заповеди, люди утратили. Наставления уроков тысячу лет передавали из уст в уста и перековеркали. Священное писание копировалось и правилось сотни лет. И где гарантия, что оно правилось не в угоду тому же Уроду Великому или первосвященнику Анне?! А?

– Да ты – дельный парень! – всё больше оттаивая, впервые улыбнулся Иня.

– Или возьмём женщин, – воодушевляясь, принялся развивать тему его брат. – Ведь по ветхим преданиям, она, как будто, и не человек даже. И в жизни их притесняют. А меж тем, я свою маму люблю больше всех! Да и ты, наверное, тоже?

– Я же не знал своих родителей, – напомнил ему Иня. – Хотя и преклоняюсь перед их памятью. Ан женщины, с которыми я общался, весьма опасные существа...

В этом месте они поспорили, но то была полемика двух единомышленников, согласных в главном. И чем больше они беседовали, тем больше проникались друг к другу доверием.

При расставании они обнялись, и Иса сказал Иоанну:

– Один Всевышний ведает, увидимся ли мы ещё, но не забывай, что у тебя есть брат и единоведец!

⁴⁵ Скрижали – каменные доски, на которых, согласно преданию, Бог лично начертал десять заповедей.

– Да будет так! – промолвил Иня. – Я не бросаюсь словами, но...будет так!

4

На подходе к молельному дому Ису встретил служка⁴⁶, с нотками угроз в голосе сообщивший, что его давно ищут. Юноша проигнорировал тон извещения и последовал вперёд с независимым видом. Он даже не заметил колесницу и двух верховых охранников, стоявших неподалёку от входа.

Впрочем, решимость Исы и его суверенная готовность никого не напугала, так как, когда он миновал передний притвор и вошёл в Святилище, там никого не оказалось. Зато из Святая святых доносилось два голоса. Иса поневоле замер, ибо вход туда разрешался исключительно коэну, да и то в великие религиозные праздники.

Козлетон⁴⁷ Мардохея он различил сразу. Хотя и с распознаванием второго голоса (при абсолютной-то памяти юноши) проблем также не возникло – то был властный баритон первосвященника Анны. Подслушиванием Иса сроду не занимался, но ситуация сложилась так, что он не сразу сообразил, как ему поступить.

– Ну, о чём ты толкуешь, Мардохей, – говорил Анна. – Да даже когда он и повзрослеет, не бывать ему в сане священ-

⁴⁶ Служка – технический работник молельни.

⁴⁷ * Козлетон – обычная характеристика неприятного, как у козла, блеющего немзыкального голоса у певца.

ника. Ну и что с того, что мать его из колена левитов? Основа наших основ – родовитость определяется по отцу. Так?

– Так, – пискнул Мардохей.

– Ты же сам признал, что он – нечистый. Греческое отродье. Отпрыск этого... как его...

– ...бен Леопарда...

– Посему в послушниках ему – самое место, а выше – ни-ни!

И в этой части разговора Иса совершил святотатство! Он перешагнул через религиозные устои. Он ворвался в Святыню святых!...

Но это было чисто внешнее кощунство и оскорбление обрядов. Ведь юноша уже постиг то, что святые отцы – вовсе и не святые отцы, а римские прихлебатели. И ради собственной выгоды они уже давным-давно переступили через самое главное – через веру в идеалы Всевышнего, через верность ближним своим! Да наплевали они на истинные предписания, начертанные Богом в скрижалях! Да переиначили они Святое Писание, толкуя его, как им угодно...

– А царь Давид чистый?! – заорал Иса, врываясь в Святыню святых. – Ага! Как же! Да у него мать была моавитянка⁴⁸! А первосвященник Анна чистый? Ага! Как же! Да он из молитвы выбросил то, что предначертал Всевышний – свободу

⁴⁸ * Моавитяне – ранее родственное Древней Рее племя на восточном берегу Мёртвого моря, которых религиозный закон запрещал принимать в общество реев.

Древней Реи! Или скажешь, что это ложь, Анна?!

– Эт-то что... за исчадие ада? – воспользовавшись паузой, которую ему предоставил юноша, ошеломлённо проронил иерарх. – Как посмел ты в Святая святых взойти? Ты почто свято место оскверняешь?

– Это святое место? – захохотал юноша, обводя вокруг себя руками. – Да вы с Мардохеем его загадили и испоганили убийством священника Захарии! Ну, или тем, что переступили через его кровь! Знаете вы кто? Вы веропродавцы!

И ведь не возразили ему вероотступники. И отвели бесстыжие глаза в стороны. И разверзли в бессильном молчании поганые пасти. И молчание их было красноречивее всяких слов.

Тогда сам же Иса и прервал немую сцену, окончательно пригвоздив изменников: «С отступниками я не якшался и якшаться не буду! Со свиньями в луже барахтаться – сам свиной станешь! Не место мне в лоне вашей церкви... Тьфу на вас!»

Бедному собраться – только подпоясаться. Мямля и рохля Мардохей не успел даже рта закрыть (в котором роились церковные мухи), а Иса, забрав из дома тётки Анны свой нехитрый скарб и скромные сбережения, уже шагал короткой дорогой в сторону Арета. Ещё одна страница в его жизни была перевёрнута.

Прямой дорогой (минуя Салем) повзрослевший Иса добрался до Арета за полтора дня. В городок он входил в сумерках. Несмотря на то, что на улице стемнело, дверь в их пещеру, вопреки обычным правилам, была неплотно прикрытой, и через щель свет от лучины проливался на пространство перед входом. Однако юноша за время разлуки так соскучился по родным, что не обратил внимания на это обстоятельство.

Войдя внутрь, он увидел маму, которая что-то шила, сидя босая прямо на полу. При этом её юбка была надорвана. В пещере она была одна. И это были те нехорошие, скорбные знаки, которые Иса уже не мог игнорировать...

Услышав скрип двери, Ма приподняла голову. Увидев сына, она отбросила шитьё, вскочила и бросилась с плачем к нему.

– Что?! Что случилось?! – похолодев от страшного предчувствия, вскрикнул юноша, обнимая маму.

– Ос!...Ос!..., – прерывая рыдания, отвечала та. – Он... Он...оставил нас...Он умер!

– Ос...умер..., – не желая верить в плохую весть, прошептал Иса, обводя взглядом опустевшее жилище.

Ему стало нехорошо, и он поневоле опустился на землю, тем самым непроизвольно следуя траурной традиции, хотя

даже не думал об этом. Он приклонил голову к маме и беззвучно пролил слезу, пряча лицо в её груди.

– Когда он умер? – спустя некоторое время, спросил Иса, словно срок смерти Оса мог что-то изменить. – Что случилось? Отчего он умер? Ведь он был такой...крепкий?

– Уж неделю как, – отвечала ему мама, стряхивая чувственные росинки со своего прекрасного лица. – Сердце не сдюжило. Оно у него уж давно болело. Он даже незадолго до смерти изготовил для себя надгробие. Беспокоился, чтобы у нас не было лишних хлопот и расходов..., – всхлипнула она, и от грустных, но светлых воспоминаний слёзы вновь закапали из её чудных глаз. – Только тебе он ничего не показывал – не хотел волновать. Очень он любил тебя!

– Да, Ос любил меня..., – прошептал юноша, обнимая маму. – Он столько сделал для меня...И я его тоже очень-очень люблю!

– погоди, – отстранилась от сына Ма. – Почему ты спрашивал, когда Ос умер? Разве тебе не сказали это Карп и Рахиль? Они на днях уезжали с обозом в Салем, и я просила всё передать тебе на словах...

– Нет, никто мне ничего не передавал...

– Как же...Как же ты тогда узнал про Оса? Ведь ты же пришёл в Арет?

– Я вернулся домой совсем по другой причине, – возразил маме Иса. – Совсем по другой...

Так, слово за слова мать и сын поведали друг другу о со-

бытиях года минувшего.

Ма, бесспорно, была сильно огорчена тем, что проект по работе Исы у Мардохея столь бесславно провалился. Но траурный статус, а также рассказ сына об обстоятельствах гибели священника Захарии, заставили её лишь опечаленно вздохнуть.

2

Утром следующего дня Иса сходил на кладбище и положил камешек на могилку Оса. Захоронение он отыскал быстро, так как мама подробно проинструктировала его на этот счёт. Сама она с сыном не пошла, поскольку по обычаю тем, кто участвовал в похоронах, место погребения разрешается повторно посещать только на тридцатый день.

Юноша в знак поминовения положил левую руку на надгробие и вспомнил последнюю встречу с Осом – чуть менее года назад. Иса тогда собирался после каникул в Еврон. Мама убежала на рынок, чтобы купить кое-что сыну в дорогу, и они с Осом остались наедине.

– Папа, – вдохнув побольше воздуха и набираясь решимости, обратился тогда к нему Иса по вопросу, который его давно волновал. – Папа... ты мне... папа. И я тебя, после мамы, больше всех люблю...

– А я тебя просто больше всех люблю, – улыбнулся ему Ос, тем самым как бы подбадривая его.

– Папа, ты мне – папа... А кто мой... отец?

– ...Ты парнишка уже почти взрослый и должен знать то, что... тебе положено знать, – после недолгой паузы с серьёзным видом заговорил Ос. – Нам разлука предстоит долгая. Кто знает, свидимся ли мы ещё. Потому скажу то, о чём точно ведаю. Ма тебе такое тяжело было бы открыть... Твоей маме было семнадцать, когда в Арете стала гарнизоном римская манипула⁴⁹. И был там один грек, которого звали Аркадий Халкос. По-видимому, он был отважный воин, ибо даже у римлян имел прозвище Пантера. Вот с ним и свела судьба Ма. Понравились они друг другу. Н-да... А потом он, по слухам, чего-то повздорил с центурионом, то бишь с командиром. И даже побил того. А затем Аркадий сгинул неведомо куда. Такая вот история...

Иса прерывисто вздохнул и подумал о том, что теперь и Оса не стало. И жить без него будет не только трудно, но и печально. Юноша прощально прижался к надгробию, а затем, не оглядываясь, побрёл прочь.

3

Через несколько дней после возвращения из Еврона у Исы произошла поворотная встреча, круто изменившая его судьбу. Вернее, то была даже не встреча, а случайное пересечение маршрутов, которыми двигались юноша и его старый

⁴⁹ * Манипула – тактическое подразделение легиона, включавшее около 120 солдат.

знакомый лекарь Бато – тот самый великан, что лечил его от простуды.

Иса, спеша на базар, едва не налетел на Бато. Лекарь шёл наперерез ему с каким-то старичком, у которого изо рта торчал клык. Впрочем, гигант пропустил мимо глаз тот мимолётный контакт, поскольку с раннего детства Иса сильно изменился. Зато юноша моментально опознал Бато: тот хоть и постарел, но был, что называется, узнаваем.

Знахарь на ходу обменивался репликами с дедулей и, конечно же, тянул за собой неизменную тачку. Иса хотел было поздороваться с Бато и поблагодарить за давнее лечение, но прерывать беседу взрослых было невежливо, и потому он двинулся за парочкой параллельным курсом в ожидании удобной паузы.

– Спаси тебя Бог, Бато! – признательно говорил ему клыкастый. – Зуб у меня зажил. Вот, поманеньку кусаюсь и чавкаю.

– Я очень рад за тебя, Барух, – отвечал ему лекарь.

– Может, заглянешь ко мне? – предложил дедуля. – Мне приятно будет тебя угостить.

– Благодарю тебя, Барух, но меня ждут у Саула: что-то дочка у него прихворнула.

– Тогда, может, переночуешь у нас?

– Спасибо, но я уже устроился на постоялом дворе.

– А завтра?

– Завтра я буду уже далеко. Завтра с первыми петухами я

отправлюсь на север.

– Куда на этот раз?

– Давненько я не бывал в Греции...

– О! Далеконько...

Так и не дождавшись окончания диалога, Иса повернул обратно, поскольку базар он уже миновал.

4

Возвратившись домой, Иса первым делом вознамерился рассказать маме о том, что он видел Бато. Однако, она его опередила.

– Умничка моя, – сказала она, – присядь и выслушай меня. Хорошо?

– Хорошо, – согласно кивнул ей сын, садясь на свою лежанку.

– Исочка, – вкрадчиво сказала мама, присаживаясь рядом, – чтобы жить, нам надо иметь доходы. С Осом всё было проще... А на моём шитье сыт не будешь. Было бы славно, если бы и от тебя было подспорье.

– Ишаку понятно, – пожал плечами тот. – Что надо делать?

– У моей подружки Руты есть брат Илия, – обняла его мама. – Он кожемяка. Выделывает кожу и шьёт из неё одежду. Он согласен взять тебя в помощники.

– Мам, так я никогда этим не занимался, – отстраняясь,

возразил Иса.

– Научишься.

– Да не хочу я быть этим...кожемякой!

– А кем хочешь?

– В плотники пойду. Или в каменотёсы.

– Ну, самостоятельно ты, до поры, не сумеешь. А есть, кто тебя возьмёт в подмастерья?

– Пока нет.

– Вот видишь. А время не ждёт...

– Завтра начну искать.

– Искать...Но почему ты не хочешь идти к Илие?

– Потому! Хы, кожемяка...От них воняет, как от козлов!

– Работа пахнет, а деньги – нет. У Илии ты неплохо бы получал. И мастером стал бы.

– Да чего ты пристала с этим Илиёй?! – вспыхнул раздражением юноша. – Илия, Илия... Погоди, – насторожился он. – Это не тот дядька, что три раза приходил к нашей пещере?

– Ну, да...Тот, – отчего-то смутилась Ма.

– А-а-а, – ехидно сказал Иса. – Тогда всё понятно! То-то ты с ним...это...ворковала...

– Сынок, выбирай слова! – возмутилась мама. – Как ты со мной разговариваешь?!

– А чего?! – вскочил с лежанки тот. – Небось, уже и замуж за него собралась?

– Иса! – вслед за сыном поднялась с лежанки Ма. – Я в

трауре, а ты такие гадости говоришь!

– Так траур имеет обыкновение кончаться, – в несвойственной

ему едкой манере парировал мамин аргумент юноша. – А потом что? А? Уже забыла про Оса?! Все вы Ма одинаковы!

– Я тебя целый год ждала как манны небесной! – со слезами на глазах сказала ему мама. – Дождалась... Сынок меня позорит и поносит почём зря... Правда, как кушать захочет, к мамочке родимой бежит! Это он не забывает. Но то, что обучение бросил, что денежки на дороге не валяются – это он забыл...

Так впервые в жизни сын поругался с мамой.

Только к вечеру Иса помирился с мамой – не мог он жестокосердно смотреть, как она плачет и переживает. Однако в вопросе о будущем поприще Исы они так и не нашли общего языка...

На закате мама разговорилась у входа в пещеру с соседкой о чём-то своём, о женском. Иса же обвёл жилище тоскливым взглядом. Дорогой его сердцу Ос покинул этот мир. Коза Дося тоже умерла по старости лет. Муру в период отсутствия Исы растерзали собаки. Карьера священника у него не задалась. Да и не могла сложиться. Близких перспектив самостоятельной работы у него не просматривалось. Потому сложившаяся ситуация словно выдавливала его из Арета...

И тут бедовую голову Исы посетила идея, о которой ещё

мгновение назад он и представления не имел. Теперь он знал, что ему следует делать. Эта мысль до того захватила его, что он не мог уснуть допоздна. И только под утро юноша забылся чутким неверным сном...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕРНОСТЬ СТЕЗЕ

Глава первая

1

Иса едва не проспал! Он не встал с первыми петухами. Только вторая очередь утреннего петушиного концерта привела его в чувство.

Парнишка неслышно выбрался из-под одеяла и оделся. На мамину лежанку он положил загодя приготовленную записку, в которой значилось следующее: «Ушёл в Грецию. Скоро буду». С собой Иса прихватил немного еды и собственные скромные накопления, после чего тенью выскользнул из жилища.

Когда юноша дробной рысью приближался к постоялому двору, Бато с неразлучной тележкой уже выходил из ограды. Иса спрятался за углом изгороди, а потому знахарь не обнаружил странного лазутчика.

В дальний путь народный целитель двинулся знакомой юноше дорогой – на север, в сторону Каны. Хотя в Грецию

также вели пути через порты Акко и Яффа. Иса осторожно, но неотступно следовал за великаном, выдерживая безопасную дистанцию. Поэтому юному преследователю удавалось остаться незамеченным. «Свобода – состояние, при котором ты сам определяешь длину своей узды», – бормотал он известное выражение, держа живую цель в пределах видимости.

Бато шагал быстро. Ису он привёл в Кану, когда солнце в низинах ещё и росу на траве не успело высушить. Но в деревне лекарь не остановился. Отсюда он взял курс не на северо-восток, где располагалась Каперна, а на запад – в сторону Финикии.⁵⁰

Этот маршрут Исе не был знаком. Юноша серьёзно отстал от Бато на окраине селения, поскольку непроизвольно задержался возле дома тётки Деворы. Опомнившись, он бросил взгляд в сторону, куда уходил его нечаянный проводник в Грецию, и понял, что потерял его из вида. Испугавшись, Иса опрометью бросился вслед за ним.

Лесная дорога часто петляла. За одним поворотом открывался другой, а юный путник всё никак не мог нагнать знахаря. Впереди показался кустарник, за которым проглядывалось поле, где неутомимый странник с тачкой должен был оказаться в пределах видимости. Потому Иса ещё надал хо-

⁵⁰ Финикия – древнее государство, располагавшееся на территории современного Ливана; во время описываемых событий Финикия являлась частью римской провинции Сирия.

ду, почти на бегу обогнул кусты и...

...налетел на Бато! Юноша даже вскрикнул от неожиданности, попытавшись отпрыгнуть назад... Ан не тут-то было! Мужчина проворно схватил его сильной рукой за шиворот точно щенка и прошипел: «Ты чего, соглядатай, за мной шныряешь, а?!»

– Я...это...того..., – трепыхаясь испуганной пташкой, растерянно залепетал пойманный с поличным пленник.

– Чего того?! – свирепо рявкнул Бато, чувствительно встряхнув пойманного.

– Я того...Иду сам по себе...Сам по себе..., – продолжал смятенно мямливать тот.

– Ага, сам по себе, – ничуть не поверил ему вершитель его судьбы. – От самого постоянного двора! Аж из Арета!... Или тебе шею свернуть?!

– Не надо шею, дяденька Бато! – прорвало, наконец, паренька, который теперь орал вполне отчётливо.

– Ну, вот и признался! – пугающе заиграл желваками на скулах силач. – И имя моё назвал...

– Так я же Иса! – словно волшебное заклинание выкрикнул пленник.

– И что с того, что Иса?

– Я сын Оса и Ма из Арета!

– Оса и Ма?

– Ну да...Наша пещера на горе...Недалеко от храма...Ты ещё помогал мне родиться! Тогда ещё Венера в пригороде

Салема поднебесье осветила! А в Арете ты меня лечил от простуды.

– А-а-а...Было дело, – припомнил Бато, вглядываясь в Ису. – Только кто подтвердит, что ты – тот самый Иса? Тот Иса маленький был...

– Так я же не мог не вырасти! – логично возразил юноша. – Вот если бы я остался прежним, то да – это было бы более чем подозрительным!

И он засмеялся, несмотря на остроту момента.

– Да, тот Иса, как и ты, умел убеждать, – улыбнувшись, согласился с ним странник, ослабляя хватку.

– Наконец, кто, кроме Оса, мамы, меня и тебя, дядя Бато, знает про Салем, про Венеру?! – усилил словесный натиск паренёк.

– Ну, хорошо, – оглядевшись по сторонам, отпустил подозреваемого знахарь. – Предположим, ты тот самый Иса. Но... зачем ты следил за мной?! Только не ври, а то я не поленюсь и уволоку тебя обратно к Осу...И мы на пару тебя выпорем!

– Оса нет, – печально вздохнув, сказал ему юноша.

– Как это – Оса нет?

– Он... умер, – проглотив горестный комок, пояснил беглец из дома.

– Ос умер!?! – поразился его собеседник.

Вот тогда Иса рассказал и о последнем разговоре с Осом, и о Пантере, и о том, как он подслушал разговор Бато с клы-

кастым старичком на базаре.

– Пантера Халкос, – раздумчиво проговорил Бато, едва рассказчик умолк. – Стало быть, ты хочешь найти своего отца и доподлинно узнать, кто он?

– И доподлинно узнать, кто я! – горячо дополнил его паренёк. – Понятно, что я – сын Божий, как и все мы...но...

– Халкос на греческом значит «медь», – принялся рассуждать опытный мужчина, присаживаясь на кочку. – Само по себе это ни о чём не говорит. «Аркадий Халкос», скорее всего, значит, что твой отец из местечка, где добывают медь. Есть такой город – Халкида на острове Эвбея. Это недалеко от Афин. Может, он оттуда?

– Наверное, – усаживаясь подле Бато, обрадованно поддержал его Иса.

– Хм, – критически хмыкнул тот. – Пешком только туда – это года два. Не меньше. А вдруг он из Халкидона? Это городишко на Боспоре Фракийском.⁵¹ Это ближе. За два года можно обернуться туда и обратно.

– Боспор Фракийский...Это пролив возле Фракии⁵²? – проявил осведомлённость юноша, вспоминая уроки Мардохея.

– Ориентируешься? – удивился Бато. – Да, это пролив

⁵¹ Боспор Фракийский – так древние греки называли Босфорский пролив между Чёрным и Мраморным морем в отличие от «Боспора Киммерийского» (современный Керченский пролив).

⁵² Фракия – географическая и историческая местность на востоке Балкан; ныне она составляет часть таких стран как Болгария, Греция, Турция.

между Пропонтидой⁵³ и Скифским морем⁵⁴. Ну, и куда же твой курс? – не без иронии обратился он к своему юному визави.

– Сразу и не скажу, – обескураженно признался Иса. – Но, обычно, задачи решают в порядке очерёдности. Значит, пойду туда, что поближе, а понадобится – дальше.

– А заблудиться не боишься?

– Вот поэтому я и увязался за тобой, дядя Бато.

– А разрешения спросил? А ежели я буду против? Или пойду другой дорогой?

– Тогда... Тогда у меня выбора нет, – с непоколебимой твёрдостью заявил Иса. – Пойду сам. И будь что будет!

– Н-да..., – размышляя, прищурился Бато. – Так и быть, до Халкидона я тебя беру. До него наши стёжки-дорожки совпадают. А дальше – ты уж сам... Идёт?

– Идёт! – просиял лицом юноша.

– Но учти, парень, тебе придётся помогать мне: и тележку по очереди станем тянуть, и больных обхаживать...

2

Так начался самый долгий переход в жизни Исы, в процессе которого он овладевал азами целительского мастерства.

⁵³ Пропонтида (Предморье) – древнегреческое название Мраморного моря.

⁵⁴ Скифское море или Понт Эвксинский (Гостеприимное море) – древнегреческие названия Чёрного моря.

Широко шагая по каменистой дороге, Бато учил его, что ногти лекаря должны быть коротко подстрижены, а руки – вымыты кипячёной водой (желательно дождевой). Аналогично предварительной обработке в виде омовения водой предаётся и врачебный инструмент, и оперируемая часть тела больного. При необходимости пациент до начала процедур подвергается обезболиванию, в том числе путём внушения.

– Обезболивание путём внушения! – удивлялся новоиспечённый помощник знахаря, подстраиваясь под темп передвижения наставника. – Разве такое возможно?

– Ещё как возможно! – уверял его наставник. – Вот скажи-ка мне, парень, по поводу чего чаще всего люди обращаются к нашему брату лекарю?

– Ну-у-у..., – задумался тот. – Я ведь кроме тебя, Бато, ни у кого больше и не бывал. Наверное, ...из-за переломов?

– Не-а. В холодное время – из-за простуды, а круглый год – из-за зубов. Ты что, ни разу не видел зубодёров?

– А-а-а, – припомнил Иса, – Видел. Когда ходил из Еврона на побывку домой, то в Салеме на рынке видел этого... каламистра⁵⁵. Так он сначала одному мужику волосы стриг, а потом у другого зуб выдирал.

– И как тот мужик с зубом?

– Ему сначала вина дали, но когда каламистр стал зуб вытягивать, мужик всё равно верещал и это... матерился. Кровище! Жуть! Кто ждал своей очереди – все разбежались!

⁵⁵ Каламистр (греч.) – парикмахер.

– То-то же! – реагируя на слова Исы, столь радостно воскликнул Бато, словно и ему тоже удалось удрать от кровавого зубодёра. – Видишь! Выпивка сама по себе не облегчит. А вот ежели человеку сделать нужное наущение, построить его, то он и орать не будет.

– Ну да?!

– Именно. Только умеючи это надобно делать. И, конечно же, человек должен доверять целителю. Вот когда ты был маленьким, то случалось падать, ушибаться?

– Угу.

– И к кому ты бежал?

– ...К маме, – глубоко и прерывисто вздохнув, ответил Иса.

– А она что делала?

– Хм... Дула на ушибленное место, гладила, целовала...

– И помогало?

– Ага.

– То-то же! Так же и остальные люди. Когда человек мается зубом, он на знахаря глядит как на бога. И тут важно подкрепить его веру, а затем дополнить грамотными действиями. Конечно же, и самому надо быть готовым. Я себя внутренне заранее настраиваю к приёму. И к моменту воздействия на больного у меня, допустим, руки будут чуть теплее или холоднее, чем обычно. По надобности.

– А когда, Бато, ты это покажешь?

– Да вот скоро придём в большую деревню Старый Хана-

ан. Там меня уже знают. Пятый или шестой визит. И в меня веруют.

– А почему веруют?

– Да потому, что за моим словом – правда. Обещал помочь – сделал. Ни разу не было такого, чтобы подвёл. Но за неисполнимое не берусь. Ни-ког-да! Например, открытые повреждения черепа, сердца, позвоночника, загнившие раны или заражения тканей...

– Что так?

– Шансов нет. Для врачевания это пока сфера неведомого. И людей подведёшь, и уверенность в себе потеряешь. Да и ответ держать придётся... Раньше в Месопотамии врачу, ослепившему больного, отрубали руку. А если лишился зрения богатый, то и самого лекаря ослепляли.

– Ух-ты... Опасное занятие!

– А ты как думал! Вот у голозадых юбочников прежде нормальных врачей не было...

– А кто это – голозадые юбочники? – засмеялся Иса.

– Да так римлян обзывают, – разъяснил ему Бато, – Они тех, кто носит штаны, свысока прозвали варварами, а сами-то кто? Голозадые! Ведь их солдаты ни под юбками, ни под теми же птеругами⁵⁶ ничего не носят. Вот, положим, у персов они переняли конницу. Стали пересаживаться на лошадей, но лезут на них, всё одно, – плешивой своей кормой. Тьфу! Так вот, прежде юбочников лечили или греки-рабы,

⁵⁶ Птеруга – античный защитный доспех в виде юбки из кожаных полос.

или греки-вольноотпущенники. Зато в последнее время и они осознали, что значит «врач»: ныне у них медициной занимаются свободные люди. Но услуги эти страшно дороги. Потому обычный люд никому, кроме таких, как я, не нужен.

– Стало быть, на нас больных хватит?

– Ещё бы, – махнул рукой целитель. – Ведь что такое жизнь? Это непрерывная форма болезни, которая длится от рождения человека и до его смерти.

– Но есть же и нехилые люди, – возразил ему юноша.

– Абсолютно здоровый человек – это наивный чудак, которого не обследовал доктор, – усмехнулся великан от медицины. – Покажите мне этого шутника, разрешите с ним поговорить, дозволейте заглянуть ему в рот и в задний проход, а также дайте понюхать эти места и отобрать пробы оттуда...

– И что?! – широко раскрыл глаза один из тех оригиналов, кого имел в виду его собеседник.

– И перед вами ходячий труп! – загоготал Бато, который, как всякий нормальный медик, был в меру циником. – Вопрос времени, когда с него снимут мерку под саркофаг... Га-га-га!...

И Бато долго ещё учил Ису науке врачевания.

3

В Старый Ханаан путники пришли поздним вечером и заночевали у знакомого Бато – бывшего его пациента. На сле-

дующий день, после завтрака, малая медицинская бригада выдвинулась на полянку, расположенную близ деревенской площади. Там лекари стали готовиться к приёму: Бато раскладывал и обрабатывал врачебные инструменты, в то время как Иса развёл костёр, поставил на огонь котёл с водой, а также прикатил к центру полянки несколько широких устойчивых чурок, на которые предстояло садиться пациентам.

Постепенно на лужайке собрались местные обитатели, а также жители из окрестных деревень, которым сообщили о приходе знаменитого в некоторых кругах эскулапа. Все они желали мира пришельцам на своём языке, и рассаживались прямо на траве. Но большинство из них, кроме того, уважительно приветствовали старшего врачавателя по имени. Отвечал им не только Бато, свободно владевший местным наречием, но и Иса. Юноша здоровался не только из подражания наставнику, но и потому, что финикийский язык был похож на арамейский. А именно на арамейском разговаривали в Древней Рее.

Затем Бато перешёл к опросу больных. Он ещё раз персонально поздоровался с ними, узнал имя каждого и выяснил, что их беспокоит. Бато как в воду глядел, говоря накануне, что многие страдают зубами. Так получилось и в этот раз: четверо пришли с зубной болью, а пятый сидел с незакрывающимся ртом. Большинство же из присутствующих были родными или близкими страдальцев. Остальные – просто зеваки, которые пришли на очередное представление, давае-

мое целителем.

И следует признать, что Бато оправдал их ожидание, когда к вящей ажитации сельчан в несколько приёмов ввёл четверых пациентов в сонное состояние, удалил больные зубы, а затем вывел их из транса. Но если деревенские жители вникали происходящему подобно праздным ротозеям и верхоглядам, то Иса бдительно следил за процессом: лекарь предупредил его, что один из следующих сеансов помощник будет проводить под его контролем, но самостоятельно.

За первым актом Бато приступил было ко второму действию: он стал обследовать горемыку с разверзнутым ртом. Вот тут-то и случился казус... Впрочем, обо всём по порядку.

Анамнез⁵⁷ Бато стал выяснять у брата страдальца, поскольку

сам бедолага говорить не мог.

– Та-ак, – осматривая травмированное место, осведомился он, – как нас зовут? Извиняюсь, забыл имя.

– Санхунйатон, – подсказал родственник.

– Как-как?

– Санхунйатон.

– Угу, – невозмутимо подтвердил уяснение информации целитель. – Можно, я буду называть его просто...кгм... Сан?

⁵⁷ Ана́мнез (от [еского](#) ἀνάμνησις – [воспоминание](#)) – совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого обследуемого или знающих его лиц.

– Можно.

– И что же случилось с Саном?

– На него жена орала, – снижая тон сообщения и смущённо оглядываясь на собравшихся, пояснил брат.

– Да. Ну что же... Дело житейское. А дальше?

– Всё, – пожал плечами родственник.

– Как всё? А само-то травмирование?

– Дык... Я и говорю..., – обречённо пожал плечами родственник, дополнительно понизив голос (в то время как почтенная публика, напротив, напрягла слух). – Жена орала, орала... Ну, и вот...

– Может, я чего-то не вполне понимаю, – громко переспросил Бато. – Она орала, а травма у Сана?

– Хы-ы, – досадуя на непонятливость эскулапа и на огласку обстоятельств конфликта, скривился брат. – Шира... знаешь, как она орёт?!

– И от крика Ширы у Сана...

– Да не-е-е... Вишь ты, раньше Санхунйатон молчал, а тут его прорвало... И он впервые за всю прожитую жисть к-э-эк заорал на неё! И вот..., – со вздохом показал «семейный переводчик» на перекошенный рот потерпевшего.

– Н-да, не хватайтесь мужики за непосильную работу, – подытожил доктор.

В толпе захихикали. Но неуместную иронию Бато тут же пресёк жестом приподнятой руки. Он завершил осмотр травмированного и, разминая руки, прокомментировал его

результаты: «Ничего страшного. Односторонний передний подвывих челюсти. Сейчас небольшая подготовочка, Сан, а потом я аккуратненько вправлю...»

Однако, в этом месте развития событий намерения врача были самым беспардонным образом прерваны неожиданным событием: воплями раздвигая толпу и сея ажиотаж, на полянку ворвалась женщина с ребёнком в руках. При этом уста её издавали не заурядный крик, а неистовый вой, коему позавидовал бы и раненый лесной бык. Иса даже вздрогнул и в обстановке всеобщей паники подумал, что прибежала та самая пресловутая Шира, которая сейчас начнёт добивать несчастного Сана.

Впрочем, тотчас выяснилось, что визитёрша-горлопанка никакого отношения к злополучной Шире не имеет. Просто в те времена в Финикии в принципе проживали весьма и весьма фонетически одарённые фемины.

– Он умирает, умирает! – стенала несчастная, тряся чадом перед Бато.

– Тихо! Молчать! – рявкнул лекарь, приводя её в чувство.

Женщина умолкла, но теперь из её глаз потоком хлынули слёзы. Бато меж тем бережно взял малыша, которому на вид было около трёх лет, из рук матери. Лицо мальчонки было синюшным, он дышал прерывисто и задыхался. Нос у него был неестественно раздут, а из правой ноздри что-то торчало.

– Это Мириам со своим мальцом Антипой, – сочувствен-

но сообщил кто-то из публики.

– Мириам! Что...случилось... с твоим... сынишкой? – внятно и чётко, выдерживая интервалы между словами, задал вопрос целитель.

– Он...он со старшим...играл..., – тоже делая паузы, но из-за того, что давилась рыданиями, принялась рассказывать Мириам. – Баловались фасолью...Совали в нос...У Антипки фасолины застряли...Я в доме была...Слышу, он заревел...Выбежала... Увидела... вот это, – указала она на сына. – Вспомнила...Сёдня же лекарь будет...Потащила его... А он уж и идти не может...И за-задыхается...За-задыхается! – и она залилась слезами.

– Ещё бы! – воскликнул Бато. – Да ты его элементарно загнала! Гляди: у меня он успокоился, продышался. Одышка и синюшность уже проходят.

Мириам и все присутствующие уже без переполоха посмотрели на Антипку и убедились, что врачеватель говорит правду.

– Надо только фасолины достать, – успокаивая Мириам, сказал Иса.

– Именно, – резюмировал его учитель, осторожно усадив мальчонку на чурку.

Впрочем, реализовать благое намерение оказалось не столь легко, как поначалу представлялось. Во-первых, зондаж зубным крючком боба, который едва виднелся из правой ноздри, не позволял сделать зацеп. И во-вторых, лишь толь-

ко эскулап притронулся к носу ребёнка, как тот испуганно задёргался и захныкал. И вот тут Бато всем доказал, что настоящий профессионал работает не только эффективно, но также творчески и даже артистично.

Повернувшись к сельчанам, он, в нетерпении щёлкнув большим и средним пальцами руки, спросил:

– У кого-нибудь есть...этот...рыболовный крючок?

– ...Есть! Есть! – первым среагировал вихрастый пацанёнок из толпы.

– Давай.

– На! – довольный, что пригодился в таком важном деле, пацанёнок шустро отцепил замызганный крючок от пояса, протянув его лекарю.

И пока Иса очищал рыбацкий аксессуар, сам лекарь разжал кулачок Антипки, в котором малыш сжимал стручок фасоли. На глазах у изумлённой публики, решившей было, что кое-кто стал сходить с ума, Бато извлёк из стручка боб и засунул его себе в нос таким образом, что тот чуть выступал из ноздри. Затем он взял у Исы крючок и, наощупь нанизав на него фасолину, вытянул её будто рыбку из проруби.

Увидев такой фокус, Антипка не мог не проникнуться доверием к мастеру по «вылову бобов». И позволил ему проделать то же самое с собой. Несколько манипуляций и, под одобрительные возгласы деревенских жителей, Бато извлёк из носика малыша первый посторонний предмет. Теперь настал черёд второго.

Со вторым бобом всё обстояло гораздо каверзней: он миновал узкий носовой проход и находился в носовой полости. При каждом прикосновении к нему он перемещался вглубь – к преддверию носоглотки, причиняя боль маленькому Антипке. До этой фасолины и добраться-то было сложно, не поминая уж про то, чтобы крючком зацепить. В крайнем затруднении Бато выпрямился и, почёсывая ухо, огляделся по сторонам, ища выход из тупика. И тут его осенило!

Эскулап от бога прошёлся по полянке, отыскивая нечто, ведомое только ему. И нашёл то, что искал: он сорвал травинку с метёлкой в верхней части. Подумав, он сорвал ещё одну. И с таким «вооружением» вернулся к малышу. Продемонстрировав травяной сбор Антипке, Бато...засунул одну из травинок себе в нос и...оглушительно и раскатисто чихнул...

Пока вся ошеломлённая честная компания раздумывала над тем, как расценивать столь неоднозначное поведение лекаря, тот стремительно ввёл метёлку в правую свободную ноздрю мальчугана и там пощекотал. Антипка зашёлся-задохнулся в глубоком вдохе, а затем...звонко и протяжно чихнул. И злополучный боб ракетой вылетел наружу, врезавшись в лоб Бато, который склонился над мальцом, контролируя лечебный процесс.

Надо отдать должное чувству юмора Бато: заполучив «хук» от фасолины, он взмахнул руками, вскрикнув: «Не надо, Шира!...» И всем своим громадным телом, подобно ги-

гантской горилле, шмякнулся на лужайку.

Вот тогда-то весь народ разразился гомерическим хохотом, в котором была и радость за Антипку, и признание и любовь к истинно народному врачу Бато!

Но и это было ещё не всё! В общем веселье почти никто не услышал, как вскрикнул горемыка Сан. Он, не в силах оставаться в стороне от общей потехи, тоже загоготал...И вскрикнул от боли...И в эту же секунду его челюсть сама встала на место.

Когда эта весть дошла до собравшихся, вседеревенское веселье полыхнуло с новой силой.

Нескоро, но тишина и порядок на поляне всё же восстановились. Потому врачу Бато оставалось только зафиксировать челюсть Сана пращевидной повязкой, а также проинструктировать его о том, как в дальнейшем принимать пищу. На этом лечебный сеанс был завершён, и восторженные жители Старого Ханаана повели Бато и Ису пировать.

Кстати сказать, в процессе угощения Бато куда-то неоднократно отлучался со смазливой крутобёдрой ханаанкой по имени Элисса. А по возвращении он всякий раз пел на вульгарном греческом припев из похабной песенки:

На щеке – затрещина,

А на сердце – нежность:

Пукнула мне женщина

Прямо на промежность!

Слушая его, Иса краснел. Бато же похихикивал и говорил: «Слышь, парень, тут одна на лужайке на тебя оч-чень завлекательно поглядывала... Может, тебе дать мужской чехол? У меня есть чистая бычья кишка? Га-га-га!»

Юноша, реагируя на его эскапады, осуждающе крутил головой. А в сердце у него возникала пульсирующая щемящая боль. То давала о себе знать мука от того, что он не в состоянии был забыть Ма из Далены. И страдание щемило, ибо то была душевная зарубка от девушки, не достойной светлых воспоминаний.

4

Вот так, от селения к селению, Бато и Иса постепенно приближались к Халкидону. Интересно, что движение, сначала по Финикии, а затем по Сирии, лекарь организовал особым образом: крупные города, такие как Тир, Сидон или Библ, путники обходили или миновали без остановок. Зато в сельской местности, где деревни располагались близко одна от другой, образуя своеобразный куст, они останавливались на день-другой. Такой подход наставник юноши объяснял тем, что в городах хватает своих лекарей. Всё это, конечно же, замедлял продвижение путников. Однако Иса с этим мирился. И не только потому, что с новым союзником ему было надёж-

но. Главное – вместе с Бато он помогал людям труда! Небольшой, но дружной командой они приносили им пользу. А ведь это как раз и составляло ту сущность, которой страстно желал заниматься молодой человек, но только в сфере богословия.

Оттого и родственное проповедничеству врачевание всерьёз увлекло юношу. Он жадно учился и овладевал новой ипостасью бытия. Тот, кто искренне любит добродетельных людей, – талантлив во всех проявлениях сострадания к ним. Под вдумчивым надзором Бато одарённый Иса шаг за шагом поднимался по ступеням врачебного искусства: от функций помощника (обработка инструмента, подготовка перевязочных материалов и пациентов, приготовление заживляющих мазей, обезболивающей настойки из мандрагоры, экстрактов из опийного мака или семян белены) до самостоятельного выполнения несложных медицинских манипуляций и операций (обработка поверхностных ран, наложение повязок, прокалывание или вскрытие гнойников с последующим удалением содержимого и обработкой полости раны).

И настал час, когда Бато разрешил своему чрезвычайно способному ученику лично провести сеанс врачевания с применением внушения, а сам выступил в качестве ассистента. Произошло это в сирийской деревушке Белус, куда целители пришли в предобеденное время.

Между тем, за несколько часов до их визита, в этом селе-

нии случился пожар – сгорел дом. И молодые родители с бабушкой, спасая детишек, обожгли руки. Вот их наперёд других пациентов юноше и предстояло лечить при немалом стечении народа.

Перво-наперво, с учётом характера повреждений, Иса сам выбрал полянку возле горного ручья. Затем они вместе с Бато подготовили всё необходимое по медицинской части. После чего молодой врачеватель усадил пострадавших и стал устанавливать с ними контакт на местном диалекте арамейского языка.

– Меня зовут Иса, – представился он. – А вас как?

– Саргон, – назвался молодой мужчина. – Это моя жена Ияри и отец Шимун, – повёл он рукой в сторону других потерпевших.

– Что случилось, Саргон?

– Да вот... Спали... Вдруг, пламя! Зачалось от очага. Кое-как спаслись. Ребят, а их у нас пятеро, укрывали халатами да разным тряпьём, когда вытаскивали. Сами тоже прикрывались, но не убереглись.

– Как детишки?

– О-ох! Подвезло нам: целы и невредимы... все до одного...

– Как их зовут?

– Два сына – Элия да Петрос, да три дочки – Иштар, Яфа и Лилит.

Юноша осмотрел руки пациентов: большей частью это бы-

ли поверхностные покраснения кожи на кистях и предплечьях, но локально наблюдались повреждения с переходом от эпидермиса на дерму. В этих местах имелись как мелкие волдыри, так и пузыри средней и обширной величины. Хотя подкожный жировой слой от огня не пострадал, но выраженный болевой синдром у больных всё же присутствовал. Исходя из этого, Иса и определил тактику проведения первичной помощи.

Сначала Иса, действуя по принципу «делай как я», заодно с погорельцами подержал руки в проточной струе ручья. Во вторую очередь молодой врачеватель обильно напоил их тёплой водой с мёдом, а также настойкой из семян белены, ослабляющей ощущения жжения. Однако настойку он дал им не просто так. Следуя инструкциям Бато, Иса в вытяжку незаметно подсыпал концентрат. И на глазах у всех светлая настойка окрасилась в вишнёвый цвет, словно превратилась в вино. Подобная метаморфоза, конечно же, производила неигладимое впечатление. Теперь потерпевшие были подготовлены к следующей стадии лечебного процесса – внушению.

И начал внушение Иса с краткой молитвы. Читая её, впрочем, как и всегда, он отступал от канонических текстов, которые зачастую были устаревшими, невразумительными и содержащими выражения, непонятные пастве. Обращение к Богу юноша всегда творчески персонализировал и приспособивал к особенностям текущей ситуации. Помимо это-

го он принимал во внимание, что боги у всех народов разные. Да к тому же, вера в единобожие существовала только в Древней Рее, в то время как прочие заблудшие были язычниками.

Иса на дух не переносил невнятный речитатив-бубнёж, повсеместно практикуемый священниками. Напротив, он говорил чётко, донося каждое слово молитвы (и до слушателей тоже) красивым звучным баритоном, который у него сформировался после юношеской ломки голоса.

Прошение Богу он адресовал, воздев руки и подняв выразительное лицо своё к небу:

«О! Вседержитель Всемогущий! Молимся Тебе я раб божий, а также сыны Твои Шимун и Саргон, а равно и дочь Твоя Ияри в святой надежде на помощь Твою! Сыны Твои и дочь Твоя свершили благое дело, спасая от огня детей Твоих – Элию, Петроса, Иштар, Яфу и Лилит, коими Ты их вознаградил. Искренне молим ниспослать врачебную силу Твою! Прикоснуться всемогущей дланью Твоей к телесам сыновей Твоих Шимуна и Саргона, а равно и к дочери Твоей Ияри! Исцелить их, угасив огневицу, и укротить немощ всякую, таящуюся в их душах и телах. Посети милостью Своей великою! Славься, Вседержитель Всемогущий, ныне и присно и вовеки веков! Амен!»

Плавно переключаясь от общения небесного на контакты земные, Иса обратился к пациентам, ободряюще известив их:

– Мы услышаны! Всё будет хорошо. Удобно ли сидеть вам?

– Удобно, – прошептали и согласно кивнули головами его подопечные.

– Расслабьтесь, опустите плечи, – всё более властно распорядился молодой целитель, а больные следовали его указаниям. – Держите себя свободнее. Ещё...Ещё...Вот так. Доверьтесь мне, и всё будет хорошо. Сейчас я сниму с вас жар.

С этими словами в первую очередь он приблизил полукругом свои прохладные ладони ко лбу Ияри:

– Чувствуешь холодок?

– Да

– Хорошо. А теперь я сделаю так, что боль покинет тебя, – произнёс молодой знахарь, охватывая уже плечи пациентки и пристально глядя ей в глаза.

– Да, – благостно подчиняясь ему, проронила та, хотя её и не спрашивали.

– Ощущаешь, как пробегает лёгкий морозец?

– Да.

– Отлично. Закрой глаза, слушай меня и начинай засыпать, а я сниму жар с Шимуна и Саргона. И они тоже присоединятся к тебе.

Выполняя такие же манипуляции с другими подопечными, Иса не забывал об общем руководстве:

– Сейчас делаем так, как я говорю, и всё будет хорошо, а боль уйдёт. Выполняем глубокий вдох, и ощущаем, как ва-

ши руки наливаются прохладой. Вдо-о-ох. Хорошо. Теперь делаем выдох, и вы чувствуете, что с выдохом боль вытекает из рук. Вы-ы-дох... Теперь снова вдох... И всё больше прохлады в ваших руках. Вы-ы-ы-дох... И остатки боли вытекают из рук прочь... Вдо-о-ох...

Излечиваемые послушно следовал врачебным командам. Речь Исы, постепенно замедляясь, лилась размеренно, успокаивающе и убаюкивающе, в одном ритме с дыханием пациентов. Его слова сопровождал звон колокольчика в руках Бато, звучавший в такт речи лекаря и сердцебиению пострадавших.

– Сейчас вы уснёте, а когда проснётесь, в ваших руках уже не будет жара, – продолжал настройку подопечных целитель. – Повторяйте за мной: вечереет... Полумрак... Сумерки... Потёмки... Стемнело... Пришла ночь... Наступил сон... Мы спим. Спи-и-им...

– ...Пришла ночь... Наступил сон... Мы спим... Спи-и-им..., – смиренно вторили ему погорельцы.

И сон действительно смежил веки их осовелых глаз. Они задышали ровно. Рты их сами собою чуть приоткрылись. А из уголка рта дедули даже показалась слюна.

Бато, плавно и мерно раскачивая колокольчик, краем глаза окинул собравшихся, и узрел, что те заворожённо затаили дыхание, а рты у них оказались столь же произвольно разинутыми, как и у многострадального Шимуна. И гигант одобрительно подмигнул юноше.

Иса же, меж тем, продолжал священнодействовать.

– Итак, вы спите, – продолжал он диалог с подопечным.

– Да... Спим, – подтвердил те, не открывая глаз.

– Ваши руки наполнились холодом, боль покинула их.

– Покинула, – эхом откликнулась троица.

– Знайте, что Всевышний с нами! – торжественно возвышая тональность, провозглашал молодой целитель. – И сейчас я обработаю ваши руки и начнётся их полное заживление. А боли не будет, и крови не будет. Крови не будет. Ибо она застыла вместе с прохладой. Застыла вместе с прохладой...

С этими словами Иса приступил к обработке верхних конечностей потерпевших. Часть поверхностных покраснений, не вызывающих опасений в проникновении инородных тел, он вообще не трогал, а прочие бережно протёр свежей заблаговременно приготовленной мочой, взятой у маленького мальчика. На обработанные волдыри он наложил влажно-высыхающие повязки, пропитанные мёдом и отрубями, не прижимая плотно ткань к повреждённым местам. Но перед этим он осторожно подрезал у основания самые крупные пузыри обеззараженным ланцетом, выпустив жидкость и повторно обработав эти локации мочой.

Завершив собственно медицинские манипуляции, юноша приступил к выводу больных из внушённого состояния.

– Ияри, Шимун, Саргон, я пролечил ваши руки. Прохлада продолжает исцелять их, а вы начинаете постепенно просы-

паться. Когда я скажу вам, что день пришёл – вы проснётесь и откроете глаза. А пока повторяйте за мной то, что я говорю. Начали: сон отступает... Ночь уходит... Полумрак... Светает... Наступает утро... День пришёл... Вы проснулись и открыли глаза!

– ...Наступает утро... День пришёл..., – вторили ему излечиваемые. – Мы проснулись! – произнесли они. И открыли глаза.

Ияри и Саргун тотчас пришли в себя и поведение их было адекватным. Лишь старик Шимун во всеобщей тишине долго пялился сначала на Бато, потом – на публику, после чего осведомился у Исы, кивнув на окружающих:

– Это что за недоумки?

– Видите, он нас всех узнал! – деланно поразовался Бато.

И жители Белуса долго смеялись над высказыванием дедушки Шимуна.

5

Утром следующих суток, сделав перевязки погорельцам, странствующие лекари покинули Белус и двинулись своим курсом. В пути они впервые крупно поспорили.

Иса был чрезвычайно вдохновлён удачными сеансами с погорельцами. И делясь впечатлениями с неизменным попутчиком, он повторял: «В добрых свершениях Бог неизменно с нами!»

– Да какой, мама родная, Бог? – наконец не выдержал Ба-

то. – Какой Бог? Наше умение всё и предопределило. Знания и навыки. И никакой мистики!

– Как?! – даже приостановился юноша, ногой тормозя тачку, самокатом двигавшуюся под уклон. – Ты же сам, дядя Бато, всегда перед процедурами, словно грек или римлянин, изображаешь оранту⁵⁸! Вздыхаешь руки кверху...

– Так то – для пущего впечатления! – перебил его тот. – Для недалёких боговерующих. А так – никаких богов нет. Это выдумки тех, кто слаб в жизни, задавлен судьбой, не в состоянии объяснить происходящих явлений.

– Дядя Бато, что за неуважение ко Всевышнему?! – теперь уже намертво застыл на дороге Иса.

– О каком неуважении ты говоришь? – явно ёрничая, улыбнулся тот. – Я-то Богу доселе кланялся очень долго, но ни на один мой самый вежливый поклон он так ни разу и не ответил. Значит, его нет! – твёрдо и без тени сомнения заявил великан.

Молодой артец, услышав такое богохульство, даже голову втянул в плечи и боязливо взглянул на солнце. Он испугался, что сейчас его компаньона разразит громом... И от него даже кучки пепла не останется... Но нет, тот преспокойно продолжал стоять на тверди земной.

– Его нет, – уверенно подтвердил гигант.

⁵⁸ Оранта – известная с древних времён молитвенная поза с согнутыми в локтях и раскинутыми в стороны руками, раскрытыми ладонями наружу. Означает обращение к высшим силам; в быту – выражение крайнего удивления.

– Ты, дядя Бато...страшный...человек! – с напряжением выдавил из себя Иса. – Никогда не говори так! Иначе Он покарает тебя...

– Так не покарал же, – насмешливо выпятил нижнюю губу циник. И с вызовом сделал оранту. – Его нет!

– А как же всё это? – повёл руками вокруг себя юноша. – Весь этот мир? Я? Ты?

– Это природа. То есть, естественные вещи. Если бы мои папа с мамой сорок пять лет назад не поработали на ложе, то и меня не было бы. И ни одна сила небесная не помогла бы. А так я есть. И это неоспоримо. Вот он – я!

– Ну, допустим, природа, – начал сердиться Иса. – Мы – от родителей. А остальное от кого?

– Травинка – от травинок, рыбка – от рыб, щенок – от собак, воздух – от воздуха, вода – от воды.

– Тогда кто породил первую травинку? Или первую собаку? – не отставал от лекаря его ученик.

– А никто. Начала нет. Они были всегда. Природа.

– Так покажи мне эту природу, – мёртвой хваткой вцепился в оппонента юноша.

– Вот это всё и есть природа, – показал на окружающее пространство Бато подобно тому, как минутой ранее это проделал Иса.

– Тогда твоя природа жалкое подобие моего Бога, – заявил юноша. – Я первый сказал, что Бог – это всё. Только твоя природа недостойна моего Бога. Она непонятная. И взялась

ниоткуда. Ведь если она одинаково разлита и в собаке и в человеке, то почему ты, Бато, так разительно отличаешься от собаки? С какой стати ты, Бато, умнее и сложнее неё? А? Что-то не вяжется!

– Ого! Вспоминаю маленького Ису, что учил меня считать до трёх, – засмеялся великан.

– Зато в моей вере концы с концами сходятся, – не мог уже остановиться тот. – Есть Всевышний – непостижимо умный и могущественный! Вот Он-то и создал и простое, и сложное. Логично? Логично! И всё сотворённое Им растёт и тянется к Создателю. Если так, то мир един. А без Бога он рухнет. Потому твоя природа, дяденька Бато, без такой веры распадётся как Вавилонская башня.

– Почему без веры? – пожал плечами атеист. – Я верю в сильных и добрых людей. Только они, объединившись, изменяют этот мир к лучшему.

– Ага, как же... Объединились однажды шакалы с овцами!... – с несвойственным для него сарказмом осклабился Иса. – Что из этого вышло? Помнишь, дядя Бато? В том-то и суть, что многие люди не познали Бога! Заблудшие греки веруют в какого-то Зевса и в его распоясавшуюся компанию. Сбившиеся с пути праведного римляне – в какого-то Юпитера с весьма развратной свитой. И так далее... Меж тем Бог един и непогрешим! Потому-то Он и наказывает нас, что мы отступили от Его установлений. Лишь когда люди постинут подлинную веру, они объединятся как братья...

– Погоди, погоди, – перебил его великан, до того слушавший с интересом. – В том-то и суть, что всяк понимает установления по-своему. Вот вы, реи, бесконечно толкуете про божьи скрижали. Но где они? Их нет!

– Да и не надо! – вдохновлённо выполнил совершенно невообразимый для Бато пируэт в своих рассуждениях Иса. – Зачем нам эти каменюки? Ведь у нас есть самые главные скрижали от Бога!

– Это какие же? – скептически поджал губы Бато.

– Человек – вот первостатейная скрижаль Божья! Ибо Бог создал нас по Своему образу и подобию – с душой, которую поселил в тело. А суть души в том, чтобы любить родных и близких больше, чем себя. Вот ты, дядя Бато, себя больше любишь, или родных и близких?

– Ну, тут-то и спорить не о чем, – ответил целитель народный, – конечно, родных и близких.

– То-то же! – восторжествовал юноша. – Но помимо мира внутреннего, мира души, у нас есть второй мир – тело наше. Это значит, что окружающую обстановку мы должны обустраивать под тело наше. То есть, бытие наше невозможно без труда. И ежели кто не хочет трудиться, тот и не ешь! Но как обустраивать Землю нашу? По позыву души! Отсюда и главное установление Божье: «Творите мир земной, но по законам любви! И так придёте ко Мне!». Вот откуда единая вера людская. Вот что однажды нас всех объединит!

– ...Силён! – немного опешивший от такого натиска, хит-

ро прищурился Бато. – Но ты же сам утверждал, что шакалам с овцами вместе не быть. И ведь всегда пренебреженно найдутся шакалы, которым собственная шкура ближе, чем ближние. С ними-то как быть?

– А вот с ними разберётся Господь...или мессия, которого он ниспошлёт нам. – вдохновенно импровизировал Иса. И мессия спалит шакалов в...Геенне огненной! Но не люди станут судить людей.

– Знаешь, как это называется? – ехидно засмеялся великан.

– Как?

– Отольются кошке мышкены слёзы. Кому не по зубам орешек, тот уповает на сказочного героя.

5

В течение нескольких месяцев путники двигались с юга на север, миновав таким образом Сирию. Далее глава экспедиции планировал повернуть на запад, во Фригию, чтобы в зимний сезон брести вдоль тёплого Большого моря⁵⁹. Однако, неожиданно-негаданно, с ними случилось происшествие, которое не только спутало им все карты, но и раскрыло подлинную причину того, почему Бато избегал крупных населённых пунктов.

В тот день Иса и Бато неспешно шагали по дороге и, как

⁵⁹ Большое море – так финикийцы называли Средиземное море, римляне его именовали Наше море.

обычно, вели интересные разговоры. Сначала знахарь проинформировал юношу о том, что, когда они свернут к Большому морю, то, где-то через десяток дней, на их пути будет город Тарс.

– Известно ли тебе, чем знаменит этот самый Тарс? – осведомился Бато.

– Не-а, – поразмыслив, ответил ему Иса.

– А про Марка Антония ты слышал?

– Ещё бы, – вспоминая уроки Мардохея, качнул головой юноша. – Он правил империей на пару с Октавианом. И ему достались восточные провинции.

– Именно. Так вот, когда Антоний был в Киликии⁶⁰, то посетил и Тарс, куда вызвал Клеопатру...

– Царицу египетскую?

– Её самую. Хоть она и правила Египтом, но сама-то происходила из македонского рода Птолемеев, которые воцарились благодаря Александру Македонскому. И во времена Клеопатры Гай Юлий Цезарь уже подчинил Египет Риму. Тогда же, кстати, Цезарь и переспал с Клеопатрой. А когда его убили, то Клеопатра и обломилась Марку Антонию. Как раз в Тарсе и начались их шашни. Они даже совершили что-то типа свадебного путешествия в Иераполис. Там потасканная парочка купалась в лечебных источниках и любовалась белоснежными известняковыми террасами. Ну, это так, ли-

⁶⁰ Киликия (в описываемый период) – провинция Римской империи; ныне – южная часть Турции.

рика, как говорят греки. Иераполис останется в стороне от нас, а вот на Тарс, мой юный друг, ты поглядишь...

– Противно! – неожиданно прервал повествование Иса.

– Что противно? – не понял рассказчик?

– Да шашни по очереди... С одной и той же... Катание на колесницах... Обжорство в три горла. Один презренный сундук по имени Мардохей, оправдывая римский разврат, даже ссылался на грека Сократа, который якобы говорил: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель».

– Не знаю что имел в виду упомянутый тобой Мардохей, – подумав, проронил Бато, – однако... Однако, Сократ, видимо, подразумевал то, что даже угнетатель тебя учит и тому, как надо жить, и тому, как не надо жить... Ещё один неглупый грек Протагор говаривал, что всё относительно, поскольку человек – мера всех вещей. Иначе говоря, с одной стороны, Рим – ярмо на шее. С другой – юбочники эти строят акведуки, виадуки, тоннели...

– Но ведь всё это из-под палки! – не выдержал даже косвенного признания заслуг захватчиков юноша.

– Не спорю, – одобрил его негодование наставник. – Вот если бы на место голозадых поставить справедливых диктаторов... А без таковых не обойтись. Суди сам, какие сейчас мы имеем выгоды: в пределах империи нет границ, торговля свободная, деньги единого образца, дороги общие. Вот мы с тобой, Иса, сколько идём, а никто нас не останавливает...

Впрочем, стоило только оратору произнести последние слова, как он осёкся, потому что из-за поворота показался встречный конный разъезд из двух всадников. То были пресловутые римские солдаты. И Бато кое-как успел предупредить Ису, что нужно делать вид, будто латынь они не понимают.

Патруль тем временем подъехал к ним:

– Стоять! Кто такие? Откуда идёте? – по-латински надменно обратился к ним старший и по виду более опытный воин.

– Не понимаем, – ответил им лекарь по-финикийски и приветливо улыбнулся.

– Откуда вы? Кто такие? – задал им вопросы второй патрульный уже на сирийском языке.

– Не понимаем, – продолжал стоять на своём знахарь.

Римляне переглянулись меж собой.

– Да пусть себе топают, – предложил младший разъездной старшему, не подозревая, что смысл их речи вполне доступен задержанным. – Кому они нужны?

– Погоди, погоди, – возразил первый, взглядываясь в Бато. – Смотри, какой здоровенный бугаина! Мы хоть и на лошадях, а он всё одно вровень с нами. Помнишь, нас предупреждали про верзилу из Фракии... Со шрамом на шее... А у этого шея видишь прикрыта?

– Ага, – не мог не согласиться с ним младший. – Надобно проверить.

– Эй, ты, чурбан! – повторно обратился старший патрульный к лекарю. – Ну-ка, шею покажь!

И римлянин жестами дал понять великану, чтобы тот обнажил шею. Знахарь пожал плечами, прежде чем принялся расстёгивать пенулу⁶¹... Ан тут...

Ан тут случился такой сюрприз, что застал врасплох не только римлян, но и заставил остолбенеть на миг-другой Ису... Нежданно-негаданно Бато выхватил из складок пенулы маленький свёрток и из него сыпанул какой-то порошок в глаза разъездным!... От боли и ужаса те истошно заорали, а кони в испуге сиганули и понесли всадников в разные стороны: одного в направлении Фригии, второго – к Финикии.

Старший патрульный не успел среагировать не только на выходку Бато, но и на крутой вольт лошади, выбивший его из седла. Он с такой силой грохнулся на каменистую дорогу, что, по-видимому, находился в спутанном сознании, поскольку на четвереньках полз вовсе не по тракту, а в кусты, и при этом нёс какую-то околесицу. Более молодой всадник успел ухватиться за удила, однако полностью укротить скакуна тоже не сумел, и тот, судя по дробному топоту и хоррошему римскому мату, доносившемуся уже из-за третьего поворота, тащил со скоростью метеорита в какие-то, неведомые для того, тартарары...

Пока Иса в оторопи стоял и моргал глазами, Бато, подобно

⁶¹ Пenuла – верхняя одежда, закрытый теплый плащ с капюшоном из плотной ткани, с вырезом для головы посередине, закрывавший корпус, начиная от плеч.

здоровенному породистому жеребцу увлѣк его вместе с тачкой в третью сторону – по козьей тропе к нагорью, на север, прочь от Большого моря и Тарса, где Марк Антоний разводил шашни с Клеопатрой...

Бато и Иса, тяжело дыша от нагрузки, перевалили уже за вторую гору, прежде чем юноша пришѣл в себя и остановился.

– Дядя Бато, – заявил он, – я дальше с тобой не пойду!

– Па...ик...па...ик...пачиму? – наконец осведомился знахарь, на которого вдруг напала икота.

– А зачем ты им в глаза?! Они хоть и римляне, но тоже – люди. А ты им, ни за что ни про что – в глаза... Не по-божески это...

– Ишь ты...ик...А они...ик...со всем...ик...миром...ик...Зар-раза!...ик...по-божески?...ик...

– Да мне до них дела нет! Мне надо, чтобы у нас всё было по-божески!

Сбавляя накал страстей, великан выставил вперѣд громадную ладонь, давая Исе знать, что нужно взять паузу. И пока его юный попутчик молчал, лекарь достал из тачки кожаный мешок с водой, встал, низко наклонившись вперѣд, и в таком положении сделал несколько глотков из бурдюка. Икота у него тотчас прекратилась.

– Давай, друг мой, присядем и поговорим спокойно, – предложил Бато. – И я тебе всё растолкую.

– Ну... давай, – не теряя ершистости, принял предложение к перемирию тот.

– Успокойся и не переживай за этих... соглядатаев, – и целитель, присаживаясь на траву, потянул за собой юношу. – Я ж им в глаза бросил смесь на основе перца. Умоются слезами, прочихаются, потарахтят задницами – и будут живы-здоровы.

– Ты правду говоришь? – опускаясь на землю рядом с Бато, недоверчиво уточнял Иса.

– А я хоть раз тебя обманул? Или, думаешь, тот, кто всю жизнь лечит, может вот так, запросто, ослепить человека? – усмехнулся многоопытный собеседник. – Другой вопрос, что я изведаль кто такой Иса. И отныне, кумекаю, уже ты вправе знать, кто же такой Бато...

Он помолчал, собираясь с мыслями, и затем проложил:

– Эти римляне ошиблись. Они приняли меня за кого-то другого. Никакой я не фракиец. И шрама у меня на шее нет. Я далмат. Вот, видишь у меня стигма?⁶²

– С этими словами Бато отогнул край пенулы, обнажая правое плечо, на котором юноша увидел изображение конного всадника с копьем на фоне восходящего солнца.

– Это кто? – взглядом указал Иса на телесную картинку.

– Это Митра – наш воинский знак. Если римляне стигмой клеймят рабов и преступников, то у нас, далматов, Митра –

⁶² Стигма (древнегреческое στίγμα) – знак, клеймо, татуировка, пятно, отметина.

символ веры и свободного непобедимого солнца. А ещё восходящее солнце свободы мы выражаем в виде поднятой над головой руки с раскрытой ладонью и разведёнными пальцами.

– А кто такие далматы?

– Есть такой народ в краю, называемом Иллирия⁶³.

– Иллирия?

– Да. Это прекрасная страна. Она расположена севернее той самой Греции, куда ты так стремишься. Собственно, греки нас иллирийцами и прозвали. Так же, как их самих обозвали греками римляне. Ведь греки, так же как и мы, иллирийцы, – объединение родственных племён. Там у них много чего намешано: и ахейцы с дорийцами, и эолийцы с ионийцами, и спартанцы с афинянами. Сами-то они себя иногда именуют элинами. К чему я это рассказываю? Да к тому, что греки, как и мы, чаще грызлись меж собой, чем жили в союзе. Зато римляне сплотились прочно. И покорили и греков, и нас. А когда мы однажды восстали, жестоко расправились с нами.

– Однажды – это когда?

– Та-ак, тебе же, Иса, семнадцать?

– В сезон дождей исполнится.

– Здесь будет не сезон дождей, а настоящая зима.

⁶³ Иллирия – племенной союз далматов, либурнов, яподов, ардиев, дарданов, мессапов и некоторых других народностей. Иллирия в описываемый период располагалась на северо-западе Балканского полуострова.

– Значит, зимой.

– Та-ак, – принялся вычислять Бато. – Стало быть, когда тебя лечил, тебе было годка три-четыре ... Потом я уходил на восстание... Стало быть, тебе стукнуло шесть лет, как мы начали освободительную войну, и исполнилось девять, когда было подавлено наше восстание... Вот за эти четыре года Рим уничтожил сотни тысяч иллирийцев. В том числе мою мать, отца, братьев, – на мгновение прикрыл глаза рассказчик. – Рубили головы мечом, кололи тела копьями, распинали на крестах. Ты, разве, Иса, не видел, как это вершили в Древней Рее с Удой Илейским и его соратниками?

– С Удой?... Н-нет. Маленький был ещё...

– Но ты же не отрекаешься от Уды? – вперил испытующий взор в юношу иллириец.

– Что ты, дяденька Бато! – оскорблённо воскликнул Иса. – Моя душа с ним! И если что, я свою жизнь за любимых людей без раздумий отдам. Однако... Однако, чужую жизнь я не смогу забрать... Господь не давал мне такого права...

– Э-эх, Иса, – с горечью проговорил Бато. – Мне тоже не пришлось убивать. В годы восстания я лишь врачевал наших воинов и звал соплеменников на сечу с завоевателями. Да вот только не уверен, что я праведнее братьев своих... Братьев, кои, обagrив себя кровью врага, сгинули на поле боя за нашу свободу. Сей мир устроен так, что только силой можно отстоять себя. Да?

– Нет, дяденька Бато! – решительно замотал головой юно-

ша. – Только с Господом в душе и с Божьим словом на устах мыслимо установить Царствие Божье.

– Эх, Иса, Иса, – засмеялся иллириец. – Молод ты ещё!
Ну, да ладно... Давай о насущном: сегодня у нас одна дорога?

– Одна, – вздохнул его помощник по делам врачевным.

– То есть, ты идёшь со мной?

– Да.

– Тогда хватит расслаживаться, – поднимаясь, распорядился знахарь. – Идём на север. Правда, там нас ждёт горная суровая Каппадокия.⁶⁴ Помёрзнем, конечно. Потратимся на тёплую одежду. Зато в этой стороне нет римлян.

Глава вторая

1

Полагая, что в Каппадокии нет вездесущих посланников с Апеннин, Бато заблуждался. Со времени его последнего посещения этих мест, здесь многое изменилось. Империя распростёрла свою жадную захватническую длань и сюда. Именно в этом году горная страна, куда прежде римляне вторгались эпизодически, стала провинцией Рима.

Уже на третий день пути путники едва избежали встречи с большим отрядом захватчиков – частью конных, а ча-

⁶⁴ Каппадокия (от персидского *Huw-aspa-dahyu* – «Страна прекрасных лошадей») – центральная часть полуострова Малая Азия; в описываемый период – часть Римской империи; в настоящее время – регион в составе Турции.

стью пеших. Неразлучная пара чудом успела спрятаться в горной расщелине, расположенной в стороне от дороги. Там они и стали пережидать опасность, пока колонна маршировала мимо них. В арьергарде колонны имелись пленные. Их было около трёх десятков. Они плелись кое-как и сдерживали темп движения всего строя.

– Куда их? – прошептал Иса.

– Куда-куда, – процедил Бато, – кого в рабство, а кого и казнят...

Лекарь не успел завершить фразу, потому что в последних рядах мрачной процессии произошло какое-то волнение, донеслись крики. Юноша перенёс всё внимание туда и рассмотрел, что один из конвоиров несколько раз ударил пилумом⁶⁵ по спине высокого пленного, которому было лет двадцать от роду. Видно было, что высокий себя плохо чувствует: его стало тошнить.

– Что там опять застряли? – по-латински закричали из авангарда отряда.

– Да опять эта длинноногая дохлятина блюёт! – раздражённо откликнулся конвоир.

– Кончай его – и дело с концом, – последовало начальственное указание спереди. – Так мы и к ночи не доберёмся...

⁶⁵ Пилум – римское копье-дротик, в деревянное древко которого вставлялся металлический заострённый наконечник (общая длина оружия составляла чуть менее 2 метров).

Иса даже не успел оценить суть последней реплики, как конвоир коротко размахнулся и всадил пилум снизу вверх в живот и далее – в грудь высокого. Тот даже не успел закричать. Вернее, он хотел, но не мог даже вскрикнуть и втянуть в себя воздух – настолько ему было больно. Наоборот, он с низким звериным стоном непроизвольно выдувал из лёгких остатки того, что там было. И затем свалился бездыханный столь стремительно, что своей тяжестью вырвал из рук римлянина копье, застрявшее в теле. Именно в тот миг Иса по-настоящему осознал смысл слова «издох»...

У него от негодования потемнело в глазах. Он попытался вскочить и в бешенстве завопить на всё поднебесье Каппадокии про свою ненависть к извергам рода человеческого, как вдруг ощутил, что свет окончательно померк, а воздух покинул его также, как мгновением ранее – высокого пленного... То Бато закрыл его глаза и зажал его рот своими богатырскими дланями, а туловище оплёл ногами – как мать ребёнка в утробе...

Когда Иса пришёл в себя, зловещая колонна маячила уже на линии горизонта. Однако и погибшего на дороге не было.

– Где?... Где он? – слабым голосом спросил юноша, сообщив, что он находится в крепких объятьях Бато. – Этот... Высокий...

– Его сбросили в ущелье, к реке, – ответил знахарь. – Как заразную собаку.

– Он умер?

– Да, он мёртв.

– И там так и...лежит?

– Надо полагать. Куда ж он денется?

– Что ж мы..., – встрепенулся Иса. – Наш долг его похоронить.

– Нам нужно спешить, – попытался наставить его на путь разумный Бато.

– Я никуда не уйду, пока не похороню его, – упрямо сказал строптивец таким тоном, что главному в их экспедиции стала очевидной бесполезность препирательств.

– Тогда надобно погодить, пока голозадые скроются...

2

Погребение совершали молча. Закончив благое дело, приехали отдохнуть.

– Э-эх, если бы наше восстание удалось..., – как бы подытоживая события дня текущего, посетовал Бато.

– Но из-за чего же оно не удалось? – хмуро осведомился Иса.

– Да истина стара, как мир...Предательство...Ведь римляне испокон веков действуют по правилу: «Разделяй и властвуй!»

– А кто вас предал?

– Предать же могут только свои. Мятеж подняли мы – ил-

лирийцы. Однако нас поддержали и фракийцы с даками – наши соседи с востока и севера. И ведь это не просто соседи – наши братья. Мы же от фракийцев произошли. Да ещё в нас подмешана и скифская кровь. Скифия⁶⁶ – это ещё на северо-восток от Дакийского царства. Так вот, поначалу они к нам примкнули. Но как стало горячо – бросили. Подкупили их юбочники. А затем начались разногласия между полководцами восставших – Батоном Иллирийским и Батоном Паннонским...

– Дядя Бато, так это твои тёзки, что ли?

– Запомни, Иса, – с нажимом и недовольством проговорил целитель, – меня зовут Бато, а они – Батоны! Я не хочу, чтобы у меня с ними хоть что-то было общее... Ибо эти богатеи изменили воинской чести! Сначала Батон Паннонский продался римлянам. Ан изменника схватили сами паннонцы, да и выдали Батону Иллирийскому. Тот и казнил отступника...

– И поделом! – воскликнул юноша.

– погоди! – охладил его восторг учитель. – На четвёртый год боёв римлянам удалось окружить нас близ городов Салон и Ардуба. И в критический момент уже Батон Иллирийский через своего презренного сына Сцеву вместе с приближёнными сдался голозадым. Те его простили, и сейчас эта крыса живёт и здравствует в городе Равенне⁶⁷.

⁶⁶ Скифия – Северное Причерноморье.

⁶⁷ * Равенна – населённый пункт на северо-востоке современной Италии (ос-

– А...А с остальными восставшими что стало? – подавленно спросил Иса.

– Добивали нас в крепости Ардуба, – горестно понурился Бато. – Уж как мы молили богов вступить за правое дело... Где там! Кто погиб в пламени, как мой старший брат, кто утонул в реке, прыгнув с крепостной стены, как мой младший... Мне повезло – удалось выплыть...

– Не кручинься, дяденька Бато, – тронул его за руку юноша.

– Э-э-эх, Иса! – вскинулся иллириец, как три дня назад. – Кручиниться? Не-е-е-ет... Вот ты, думаешь, отчего я стремлюсь к Халкидону? Да оттуда недалече и до моей Родины. А там к назначенному сроку меня ждут друзья. И мы ещё свергнем юбочников в тартарары!

3

Два мечтателя передвигались по Каппадокии в глубоких кожаных башмаках, и нога в ногу с ними шагали один студёный месяц за другим. Юноша впервые увидел снег, который лежал небольшими сугробами, покрывая собой всё вокруг.

Край был горный и суровый, но местами очень красивый и необычный. Один фантастический ландшафт сменял другой. Особенно поражали Ису скальные столбы в виде гигантских грибов, что ростом были многократно выше дубов или олив, произрастающих в Древней Рее. Некоторые из таких

столбов, похожие на фаллосы, заполняли собой целые урочища. Из-за них местные обитатели, смеясь, называли такие места долинами любви. А Бато, по-мужицки покрякивая, вспоминал Старый Ханаан и как бы про себя негромко ронял: «М-да...Интересно, как там поживает крутобёдрая Элисса?»

Плоскогорье, в сравнении с благодатными и тёплыми приморскими равнинами, было заселено слабо. Потому переходы от одного населённого пункта до другого были довольно протяжёнными. Но хворых хватало. И в процессе знакомства с ними и оказания им врачебной помощи, юноша вскоре прознал, что каппадокийцы – многонациональная общность. Тут проживали переселенцы из Армении и Сирии, греки и фригийцы, а также потомки хеттов.

Уже с наступлением весны путники оказались в одной безвестной деревушке, расположенной близ развалин Хаттусы⁶⁸. Здесь они задержались до полудня при изгнании паразитов у одного дряхлого хетта.

Войдя в жилище и выслушав жалобы, Бато приготовил снадобье из скипидара. Первую дозу он дал больному лично, а затем принялся инструктировать о дальнейшем порядке приёма лекарства Куссара – внука старика, сносно общав-

⁶⁸ Хаттуса – столица древнего Хеттского государства около 2000 года до нашей эры, разрушена около 1200 года до нашей эры так называемыми «народами моря».

шегося на койнэ.

– Значит так, Куссар, даёшь дедуле десять капелек скипидара на глоток мёда. Один раз – утром, один раз – вечером. И так в течение месяца. Понял?

– Понял. И всё?

– Всё.

– И поможет? – усомнился молодой хетт. – Мы уж скока с дедом мучаемся.

– Помо-о-ожет, – авторитетно заверил его Бато. – Это сильное глистогонное. Скипидар я сам выгнал из живицы можжевельника. И очистил. Неочищенный побоялся давать – возраст, всё же.

– Чё...И от старости зависит, ли чо ли?

– А как же! Зелье влияет на сердце, желудок. Учитывать надо все условия. Я как-то бывал во Фригии. Там в одной семье паразитами мучился малолетний. Само собой, ему я состряпал средство из жабрицы извилистой – травка такая. Она помягче действует. Так мамаша ребёночка тоже всё беспокоилась: достаточно ли силы у снадобья, да будет ли польза, а то, может, оно очень суровое, да как бы не было вреда...Да не просто спрашивает, а орёт да причитает. Да прежде чем сынишке дать, сама отвар отведала. Короче, и меня достала, и мужа своего завела. И вот, когда настала ночь – а меня оставили ночевать в соседнем гроте – муж её взял жабрицу и нарезал в виде червяков. Да подбросил их склочной супруге в постель. Слышали бы вы, как она орала

утром!

От рассказа Бато хохотали все, кто был в жилище. Даже дедуля, до того лежавший бревном, «ожил» и мелко затрясся в приступе смеха. А когда страсти улеглись, глубокомысленно заметил:

– Да-а-а... Давеча-то у нас были лекари из греков. А ишо давеча – из своих. А чичас нагрянули энти... лимряне... Дык, всё нарушили

– Стало быть, прежде-то хетты не бедствовали? – перевёл беседу в исторический ракурс Бато.

– О! Давным-давно страна Хатти была могущественной, – многозначительно раскинул руки вширь Куссар. – По преданиям предков, мы занимали не только Каппадокию, но и много южнее. С нами тогда тягаться мог только Египет. Он в ту пору присылал в Хаттусу послов с богатыми дарами. Однако, потом порассорились мы меж собой. И нас побили народы моря. Они и разграбили Хаттусу. Уж потом нагрянули греки, а ныне вот – Рим.

– И как вам жилось под греками? – полюбопытствовал лекарь.

– Да даже и не сказать, что под греками, – развёл руки в стороны Куссар. – Они не зверствовали. Как-то находили общий язык. С ними появились новые товары, ремёсла...

– Стало быть, случается и мудрая сила? – «заострил» вопрос Бато, и, хитро улыбнувшись, взглянул на Ису. – Та, что правит умеючи?

– Случается, – согласился молодой хетт.

– А если бы вам предложили: живите своим умом либо при грехах? – не выдержав, включился в разговор Иса. – Что бы вы выбрали?

– Хым, дык, жили же по собственному почину, – хмыкнул из угла старик.

– Чаем, что не пропали бы, – поддержал деда Куссар. – Тяжко сейчас. Это у нас в глуши как-то поспокойнее. Здесь римляне, покеда, раз всего-то и появились – про налоги объявили. А в городах Канес, Ануква они такие погромы устроили – спасите боги!

– А вам откуда известно?

– Дык, в Канесе у нас свояк живёт. У него сына убили, раз он против выступил. И внучку ни за что ни про что за выкуп спасти пришлось. Ихний солдат взял её за руку и говорит: «Что попало под плащ легионера, то пропало навсегда». Дак, всем миром скидывались.

4

В Каппадокию пришла весна. Под звуки капели и журчание ручейков путешественники миновали развалины Хаттусы, расположенные на горе. Они успели обменяться мнениями на тот счёт, что все империи рано или поздно разваливаются, а также вернулись к обсуждению событий в доме Куссара.

– Надо же, – удивлялся Иса, – никогда не думал, что ски-

пидар может быть лекарством.

– А то! – отвечал ему Бато. – Скипидар, или по-другому – терпентинное масло, не только отличное глистогонное, но применяется и при заболеваниях лёгких, или, допустим, при лечении мочеполовых инфекций. Кстати, в Халкидоне я излечил от такой болезни одного грека. Зопирос его зовут. Женщинами увлекался. Н-да... В Халкидоне Зопирос держал пару унирем⁶⁹ для переправы. Собственно, на переправе я с ним и познакомился. Целый месяц его лечил.

– А ещё для чего пользуют это масло?

– Да много для чего. От ушибов, растяжений, геморроя... Тому же Зопиросу я готовил терпентиновые ванны. Они положительно влияют на мужскую силу. Важны концентрация и метода приложения. Недаром говорят: у каждого плута свой расчёт. Вон, римлянки-развратницы пьют это масло разбавленным, чтобы их моча пахла розами и фиалками... И не соображают, дуры, что здоровье подрывают!

– Надо же, не знал.

– А ты до сегодняшнего дня полагал, для чего скипидар?

– Да-а-а..., – смутился Иса и опустил лицо. – В Арете пацианы говорили, что скипидаром ослам одно место смазывают, чтобы они быстрее бегали.

Юноша вскинул голову, потому что Бато вдруг замолчал, никак не реагируя на его слова, и увидел, что великан при-

⁶⁹ Унирема или монера (латинское *uniremis* от *unus* – один и *remus* – весло; греч. *μονερις*) – одноярусное парусно-гребное судно.

стально смотрит вдаль. Иса проследил за его взглядом, и увидел на линии горизонта ползущую с юга цепочку, которая хорошо просматривалась с хаттусской возвышенности.

– А ведь мнится мне, парень, – напряжённо проговорил Бато, – что нам с тобой придётся смазывать скипидаром одно место, как тем ослам.

– Юбочники? – оценил «картинку» Иса.

– Они самые.

Путешественники спустились с большого холма и поспешили на северо-запад, в сторону Анкиры⁷⁰. Но не пройдя и полутора миль⁷¹, они заметили, что с противоположного направления движется другой отряд римлян. Бато выругался и повернул обратно.

– Куда мы? – с тревогой осведомился Иса.

– Я уже просчитал этот вариант, – успокоил его лекарь. – Рядом есть святилище хеттских богов⁷². Там и переждём.

И Бато свернул вверх и налево. Казалось бы, ещё стадия, и путники упрутся в каменную стену, но внезапно горная гряда разверзлась, открывая очень узкую расщелину. Вслед за первым проходом открывались другие. Это был настоящий лабиринт среди утёсов, в котором великан ориентировался

⁷⁰ Анкира (греческое Ἄγκυρα – якорь) – нынешняя Анкара, столица Турции.

⁷¹ Миля (от латинского mille passus) – 1000 шагов.

⁷² Святилище хеттских богов – ныне урочище Язылыкая (турецкое Yazılıkaya – расписная скала), находится в двух километрах от развалин Хаттусы.

очень уверенно. Довольно скоро беглецы вышли к небольшому распадку, состоявшему из двух галерей, образованных отвесными скалами. «Привал», – приглушённо скомандовал Бато, присев на валун.

Иса хотел было последовать его примеру, но внезапно заметил множество высеченных выпуклых фигурок на скальных плоскостях. Он приблизился к каменной стене и принялся изучать рисунки. На первый взгляд, то были просто барельефы людей. Но при внимательном рассмотрении становился ясным их ритуальный характер. Юношу этот пантеон заинтриговал ещё и потому, что в Древней Рее божество не принято было наделять именем, а тем паче – изображать.

– Да ведь это боги! – воскликнул он. – Да тут целый храм под открытым небом!

– Т-с-с! – подскочив, оборвал его Бато. – Мы хоть и далеко от дороги, но здесь же горы. Эхо знаешь, как раздаётся...

Он подошёл к Исе и вполголоса сделал краткий экскурс в историю хеттской религии:

– Хетты часто сами себя называли народом тысячи богов. Вот их бог Луны..., – комментировал он свой показ. – Вот богиня Солнца Аринны. Её ещё называют царицей Неба и страны Хатти. А это её муж Тешуб – царь Неба и Грозы...

– Дядя Бато, а это что за ходоки? – вежливо провёл пальцем по одинаковым, словно копии, фигуркам Иса. – Их тут... один... два... семь... двенадцать штук.

– Это картина называется «Шествие богов подземного

царства», – пояснил целитель. – Они, как бы, не главные боги. Они – помощники у Тешуба.

– Апостолы, – засмеялся Иса. – Двенадцать апостолов.

– Так ведь я же говорил тебе, что культы – выдумка народов, – пренебрежительно махнул рукой великан. – Всяк по своему с ума сходит.

– Не выдумка, а поиски истины, – поправил его молодой праведник. – Много трудный путь к Богу.

– О чём ты говоришь, наивный, – и саркастическая гримаса исказила лицо его идейного противника. – Когда Александр Македонский завоевал Египет, то жрецы мигом забыли про всех своих святых и объявили полководца сыном Амона – посланником Неба. Греки тоже считали его сыном, только, естественно, не Амона, а Зевса. Римляне почитали его за тринадцатого бога. И даже в твоей Древней Рее в нём узрели предвестника мессии... А! Каково?! Смешно даже!

– Дядя Бато, не следует путать истинную веру с определённым учением. Или с церковью, – задумчиво поправил его Иса. – Хотя сам замысел, ход мыслей этих... служителей культа... интересный... Ибо Македонский не мог возникнуть на пустом месте. Просто так... Рассказывали, что даже знак свыше был: в день рождения Македонского некий Герострат сжёг храм Артемиды. И по этому поводу злословили: ничего удивительного, ведь сама Артемида в это время была занята, помогая Александру появиться на свет.

Ближе к лету искатели истины прибыли, наконец, в Халкидон. Селение представляло собой небольшой городишко, местные жители которого промышляли рыбной ловлей, разводили коз с овцами, да выращивали оливу и прочие фрукты и овощи. То есть, вполне тривиальное местечко. Однако, для Исы оно казалось особым: вдруг это родина его отца?

Таковым же этот уголок представлялся и Бато, который, стоя на берегу, жадно вдыхал морской воздух, мечтательно взирал на запад и чуть ли не декламировал:

– Боспор Фракийский...А за ним – Фракия...А за ней – Отчизна!

– Да-а-а...Отчизна-а-а-а! – столь же поэтично тянул Иса, имея в виду нечто иное.

– Сейчас, парень, мы спустимся вниз, – довольно сощурив на солнце глазки, проговорил великан. – Во-о-он туда. Видишь, там самое узкое место пролива, где-то с полмили. Сядем в унирему – и мы во Фракии.

– Постой, дядя Бато! – испуганно дёрнул лекаря за руку юноша. – Какая Фракия? А как же мой отец?

– Отец? Какой отец? – недоумённо уставился на него тот.

– Как какой?! – поразился Иса. – Мой отец. Ну, Аркадий из Халкидона.

– Ах-да..., – точно проснулся его попутчик. – Арка-

дий...Извини, братец, чёрт попутал...Ну, и как же ты намерен его искать?

– Как...Пойти поспрашивать. Город маленький. Наверняка, все друг друга знают.

– Х-хо! – поразмыслив, междометием ответил Бато. – Не-е...Так не пойдёт. Станем шнырять, вызовем подозрения. Кто-нибудь ещё донесёт на нас. Нет.

– А как быть?

– Знаешь что, давай-ка навестим моего старого знакомого Запироса. Всё одно, мне-то надо переправляться. Вот у него и разведем обстановочку.

2

Запирос оказался маленьким, толстеньким и лысым мужчиной лет сорока, дом которого располагался возле самого берега. Хозяин прохаживался по тенистому дворику и о чём-то размышлял подобно Аристотелю. Увидев Бато, он на мгновение замер, а затем, изобразив оранту, бросился обниматься с гостем. Когда формальности, традиционные для встречи после долгой разлуки, были выполнены, хозяин пригласил визитёров присесть на скамейку с низенькими ножками, установленную под раскидистым платаном.

– Как идут дела, Запирос? – вежливо осведомился Бато. – Зевс не забывает про тебя?

– Спасибо, Бато, – поблагодарил тот. – Потихоньку разворачиваю хозяйство. Помимо двух небольших монер на пере-

праве, недавно завёл небольшое торговое судёнышко.

– Женился?

– Да что-то Гера⁷³ никак не снизойдёт до меня, – отчего-то застеснялся толстячок. – Пока не связал, так сказать, себя узами.

– Ну, а как по мужской части? Как поживает твой лучший друг? – не без лукавства осведомился великан.

И вдруг, внезапно вскочив, он запел, взмахивая руками и приплясывая:

На щеке – затрещина,

А на сердце – нежность...

Вот тут-то у Запироса будто сорвало все тормоза – он стремглав бросился пританцовывать и своим тенорком присоединился к басу Бато:

Пукнула мне женщина

Прямо на промежность!

И дружный дуэт спел зажигательный брутальный девиз, по окончании которого мужчины долго хохотали и хлопали друг друга по плечам.

Не успев отдышаться, толстяк ударил в ладоши, и тотчас неведомо откуда, прямо «из ничего» материализовался слуга, который притащил низкий столик, расставив на нём воду, вино и закуску. И вскоре гости, возлежа на низеньких лавочках, без тени смущения поглощали угощение заодно с

⁷³ * Гера – жена Зевса, богиня брака и семьи в греческой мифологии.

ХОЗЯИНОМ.

Первый тост был за встречу, а осушив второй бокал, Запирос поинтересовался, куда его дорогой друг путь держит.

– Да как обычно, во Фракию, – приступил к решению животрепещущего вопроса «дорогой друг». – Лечить хворобых. Но не только ты, дорогой Запирос, расширяешь хозяйство. Я вот тоже помощником обзавёлся, – кивнул он на молодого ассистента, вкушавшего свежий сыр и ещё более молодую козлятину.

– Вижу-вижу, – поощрительно кивнул тот.

– Ан есть проблема, – заострил вопрос Бато. – У Исы в Халкидоне раньше жил...кгм-кгм... троюродный дядя. Но от него уж давненько ни слуху ни духу. А лучше тебя, дорогой друг, никто ситуацией в городе не владеет. Дядю того Аркадием кличут.

– Аркадием? – призадумался хозяин. – Аркадиев у нас как бы и нет. Аркадий...Хм...А сколько ему лет?

– Да лет сорок, – переглянувшись с Исой, пояснил Бато.

– Сорок...Хм, почти как я. Не-ет. Среди моих ровесников Аркадиев не бывало, – уверенно заявил местный краевед. – Аркадий...Имя-то такое... Это, скорее, где-нибудь на Пелопоннесе. А-а-а! – вдруг слегка шлёпнув себя по лысине, воскликнул он. – Точно! Там ведь есть селение Халкиса. На побережье Ио⁷⁴. Мне один...м-м-м...прыщ из Халкисы как-

⁷⁴ Ио – Ионическое море, прозванное греками в честь героини мифов Ио – дочери речного бога Инаха.

то всучил такой гнилой товар...

– Дорогой мой Запирос, – остановил его излияния великан. – Нам бы всё-таки про Халкидон.

– Да-да, про Халкидон, – спохватился толстяк. – А родители у Аркадия кто?

– Дорогой мой Запирос, – беспомощно воздел руки великан. – Мы про самого троюродного мало что знаем, а уж про его родителей...

– Да-да-да, – забормотал толстяк. – Но он грек?

– Э-э-э... Конечно.

– То-то, я приглядываюсь, он, вроде, как наш, – улыбнулся Запирос, кивнув на Ису. – А может, прозвище есть у Аркадия? У нас же преимущественно по прозвищам..., – и хозяин дома уже напрямую взглянул на юношу.

– Есть, – уверенно ответил тот. – Леопард. Ну, или Сын Леопарда. Он храбрый, как будто рождён был леопардами.

– М-да, Леопард, – забарабанил пальцами по лысине Запирос. – Погоди, погоди! – вдруг воскликнул он, подобно легендарному греку Архимеду. – А-а-а это... Род занятий его?

– Во-военный... Воин он..., – неуверенно проронил Иса.

– Воин? Не-е-ет, – в отличие от юноши убежденно резюмировал грек. – Они в Халкидоне наперечёт. Нет у нас военного Аркадия. Точно!

– Ну, на нет и суда нет, – облегчённо вздохнул Бато. – Главное, разобрались.

– Стоп! Стоп!

Внезапно вскричал толстячок (хотя никто и не собирался убежать) и теперь так эмоционально и смачно шлёпнул себя по лысине, что Иса забеспокоился, как бы он не заполучил сотрясения

мозга или отслоения кожи.

– Ждём, ждём, Запа, – успокоил его великан.

– Вот осёл я так осёл! – вопил, слегка окосевший от доброго вина грек. – У меня же на монерах рулевыми Фотис да Кирос. Их ещё батюшка мой... Да отвёл ему Аид⁷⁵ место на Елисейских полях! – изобразил ритуальный жест Запирос. – ...ещё батюшка мой нанял. Фотис да Кирос всё видят и всех знают.

– Видишь как, – многозначительно взглянул на Ису Бато.

– Щас! – выставил руку раскрытой ладонью вперёд хозяин. – Э-эй, Линос, где ты там? – позвал он слугу. – Ступай на переправу, да скажи Киросу и Фотису, чтобы в обед явились ко мне.

3

Запирос и Бато уже прилично наклюкались, когда рулевые Кирос и Фотис приблизились к дому в строго назначенный срок.

– Звали, хозяин? – переступили они границу дворика.

⁷⁵ Аид (в древнегреческой мифологии) – бог подземного царства мёртвых, а также название самого царства.

– А-а-а... Ки-кирос... Фо-фотис..., – обернулся к ним толстячок. – По-подите сюда... По- поближе. Тута вот ка-ка-ка-кенная проблема про-про-проклянулась...

И грек, запинаясь в звуках и путаясь в словах, с немалой помощью Бато обозначил для работников существо вопроса.

– Воин Аркадий... Леопард... Не, не знаю такого, – приставив палец к виску, пробормотал Фотис, и взглянул на Кироса, точно сваливая на того всю ответственность.

– Грек Аркадий... Леопард..., – прищурившись, посмотрел тот на небо через просветы в кроне платана, будто прося помощи у Зевса. – Не-а... Впервые слышу. А сколь ему лет-то?

– Сейчас где-то под сорок, – включился в разговор Иса. – Около того.

– Около того, – раздумчиво повторил Кирос. – Не припоминаю.

И в юношу он столь пристально вперил свой взор, что у него левый глаз так и норовил заскочить за правый, а Иса на всякий случай вытер рот, смахивая предполагаемые крошки, что могли остаться после трапезы.

– Вы хо-хорошо по-подумали?! – грозно свёл брови Запирос, будто заподозрил рулевых в сговоре и запирательстве.

– Хорошо подумал, хозяин, хорошо, – поспешно заверил его Фотис. – Когда мы тебя подводили?

– А ты, парень, кем приходишься этому... Аркадию? – нежданно подступив к Исе и косоглазо взглядываясь, озада-

чил его Кирос.

– Я? – слегка растерялся юноша. – Ну... Я его племянник.

– А-а-а, – с хрипотцой в голосе и как бы с колебанием протянул Кирос, отступая ко входу. – Н-нет. Ничем не смогу помочь.

– А-ани хо-хорошо по-подумали, – повернувшись к Бато, разочарованно подвёл итог мероприятию толстяк. – Не знают.

– Ну, на нет и суда нет, – произнёс великан фразу, уже ставшую сакраментальной для дня текущего.

– И-идите, – обозначил отмашку рукой работникам Запирос, и потянулся к бокалу с вином.

– Мир вам... Мир вам, – облегчённо загалдели моряки, пятясь прочь.

Но неожиданно-негаданно что-то сломалось в строю рулевых. То Фотис, разворачиваясь в проходе, налетел на Кироса, который внезапно затормозил. Из-за чего оба свалились друг на друга, как два краба при спаривании. При этом у Фотиса непроизвольно вырвалось солёное моряцкое словечко. Впрочем, Кирос не обратил на ругань никакого внимания и, выбравшись из-под товарища, предстал перед очами Запироса:

– А я ведь тебя обманул, хозяин! – заявил он толстяку, при этом одновременно нелогично взирая на Ису. – Чуть не обмишулился.

– Как так! – поразился захмелевший Запа, перестав даже

заикаться.

– Дык вить припомнил я того Аркадия! – по-прежнему косясь на юношу, признался рулевой.

– Ну-ну...

– Я вить как допетрил-то?

– Ну-ну...

– Тот Аркадий тожа был тонкий да высокий. И глаза у ево тоже разного цвета, как и у энтого парнишки, – ткнул заскорузлым пальцем в сторону Кирос.

– Ну-ну...

– И самое главное, взгляд!... Тоже такой... Как же про него римляне-то говорили? Ы-ых..., – пребывая в крайнем затруднении, остервенело почесал затылок моряк. – А! Выразительный! Во-во! Пронзает, что твоё копьё!

– Погоди-погоди, – трезвея, проговорил Запирос. – Какие ещё римляне говорили? Ты чё несёшь?!

– Дак я же этого Аркадия на ту сторону в какую пору переправлял-то, – досадуя на непонятливость толстяка, даже хлопнул себя по ляжкам работник. – Давно-о-о это было... Годков эдак пятнадцать-двадцать назад. Точнее-то я и не скажу. Ан никак не мене пятнадцати... Почему я и подзабыл.

– Пятнадцать-двадцать..., – растерянно повторил Запирос.

– Да-а! Тогда ты, хозяин, был ещё не при делах. Тогда хозяйством правил твой батюшка... Да подсобил ему с ме-

стечком Аид на Елисейских полях!... Дак вот, переправляю я грека Аркадия. Ведь я ж рулю с кормы, и мне впереди всё видно. А грек всё оглядывается и оглядывается, озирается и озирается: ровно ждёт чего. Потому мне и запал он в башку. Ну, а где-то дён через пять римляне ровно с Олимпа обвалились: разыскивали они того Аркадия! Искали... А чего-почему, то мне невдомёк...

Весь перевоз до противоположной стороны Боспора Бато оглядывался подобно небезызвестному Аркадию. Правда, делал это он умело и скрытно: наклонившись, будто поправляя что-то на обуви, подсматривал через подмышку.

Лишь когда они сошли на берег, великан почувствовал себя вольготнее и перевёл дух:

– Амен, мы почти во Фракии. Здесь-то мне вообще любая тропинка знакома.

– Дядя Бато, ты боялся, что нас станут преследовать римляне? – прозорливо истолковал Иса поведение учителя на пароме.

– Не боялся, а беспокоился, – поправил его тот. – Дьявол знает, что в башке у этого Запироса. Я тебя попрошу, парень, быть осторожнее. Мы же хотим, чтобы наши мечты исполнились?

– Да, теперь мне надо попасть в Халкиду... Или же в Халкис.

– Попадёшь, коль будешь осмотрительным.

– Буду осмотрительным, – пообещал ему ученик.

Но, человек предполагает, а Бог располагает. И последующие события сложились не в духе того, что обещал Иса.

Глава четвёртая

1

Фракия была сельскохозяйственной страной. Здесь даже города скорее напоминали очень большие деревни. Дома жителей были преимущественно деревянные – откуда, собственно, и появилось название «деревня». Таким же был и полис Одив, куда Бато и Иса добрались на второй день после Халкидона.

Они шли по окраине городка, и великан негромко завершал своё сказание о восстании Спартака – самого знаменитого фракийца. «Больше двух лет он гонял голозадых подобно шакалам, – с горечью в голосе подходил к финалу изложения Бато, – но силы оказались неравны. Юбочники обложили его со всех сторон...»

Однако великан не успел закончить даже предложения, как их тоже обложили-окружили: внезапно позади, слева и справа слышались окрики, цокот лошадиных копыт, лязг оружия, замелькали фигуры легионеров. Через несколько минут выяснилось, что горожан сгоняли на площадь Одива, где проходила показательная казнь.

Путников пригнали к месту расправы в числе последних.

К тому времени репрессия уже свершилась: на виселице болталось тело какого-то человека, а вокруг него на лошади ездил командир легионной конницы. Римлянин периодически злобно колол мертвеца мечом и свирепо изрыгал угрозы в адрес толпы:

«Я начальник отряда Туллий Лициний Келсий! Сделайте зарубку на ваших тупых лбах, что с каждым будет то же самое, если кто посмеет хотя бы подумать плохо о Великом Риме! – доносил до горожан смысл своей филиппики командир римлян через переводчика. – Этот негодяй из Дакии, – в очередной раз ткнул он остриём в повешенного, – выступал против Рима. Скрывался. Сегодня был схвачен вместе с главным злоумышленником по имени Брайко. Донесите всем, что Брайко и его жена убиты на месте задержания. Помните, всяк, кто укрывает бунтовщиков, понесёт жуткое возмездие. И по некоторым, – ударил он мечом по деревянному столбу, – виселица ещё плачет!»

Начальник конницы гнетущим взглядом обвёл безмолвную толпу, бросил меч в ножны и поднял руку, готовый отдать команду подчинённым об убытии, но его опередил спешившийся брыластый легионер, стоявший неподалёку.

– А с этой-то что делать? – спросил он на латыни, держа за руку не то девочку, не то совсем ещё юную девушку.

– С этой? – задумался Туллий Лициний Келсий.

– Это же дочь того... Брайко? – услужливо подсказал брыластый. – При задержании Брайко наших троих положил.

– Ты сам, Галлус, эту девку пленил? – уточнил Келсий.

– Я, – подтянулся брыластый.

– А ты что, на радостях нашу заповедь запомнил: «Что попало под плащ легионера, то пропало навсегда»? – под об- щий гогот римлян, съязвил командир. – Хочешь – выпусти ей кишки, хочешь – сделай из неё лупу⁷⁶.

Девочка-девушка была страшенькая: лицо распухшее, в крови и ссадинах, нос сломан, левое ухо надорвано. Каза- лось, она не понимала, что с ней происходит. У неё наблю- далась резкая бледность кожных покровов и, вопреки ситуа- ции, сонливое состояние. Едва Иса подумал про сотрясение мозга, как девочку стошнило. От неожиданности губастый Галлус даже подпрыгнул козлом, а его сослуживцы с новой силой принялись над ним насмехаться.

Именно в этот миг в недрах подсознания Исы мелькнула реминисценция о том, как он сам переживал, когда год тому назад расстался с мамой и родным очагом. Но какая-же то оказалась малость в сравнении с долей несчастной девчуш- ки! Ибо она в мгновение ока не только навсегда лишилась родителей, домашнего очага и смысла существования... В каждую последующую секунду по произволу какого-то бры- ластого ничтожества её могли выпотрошить, как куропатку, или отдать на растерзание легионерам... И молодого мужчи- ну охватила невероятная жалость к бедняжке – до щемле-

⁷⁶ Лупа (латинское lupa) – буквально – волчица; лупами в Древнем Риме назы- вали проституток.

ния в сердце.

И Иса, не помня себя, забыв про предостережения Бато, на латыни подал голос из толпы: «Пощадите её! Она же ещё ребёнок совсем!» И он принялся протискиваться сквозь скопище к виселице.

– Кто? Кто просил о пощаде? – выпрямился в седле Туллий Лициний Келсий под гул своего войска.

– Это я просил, – выбираясь из гущи народной на прогалину, сказал Иса. И процитировал на хорошей латыни: «Audiātur et altĕra pars»⁷⁷.

– Однако, – поражённо произнёс начальник отряда. – Ты кто? Откуда?

– Я? – выдержал всего лишь секундную паузу Иса, понимая, что ошибаться нельзя. – Человек. Из Халкидона.

– Грек? – всматриваясь в него, осведомился Келсий.

– Грек.

– Как зовут?

– Зачариас⁷⁸.

– Из Халкидона, говоришь?

– Да.

– Чем там занимаешься?

– У Запироса работаю. Он там переправу держит. И приторговывает немного.

⁷⁷ Audiātur et altĕra pars (латинское) – выслушай и вторую сторону (принцип справедливого разбирательства в римском праве).

⁷⁸ Зачариас (греческое) – Бог помнил.

– А здесь ты чего делаешь?

– Запирок на пробу послал немножко маслом торгануть.

– И как?

– Всю партию продал.

– Ну, защищай девку, коль просил выслушать. Почему за неё просишь?

– Жалко. Ребёнок совсем ещё. У меня...м-м-м...сестрёнка такая же. И потом, дочь...(Иса намеревался сказать, что дочь за отца не отвечает, но спохватился, что как раз родители для девочки Брайко – самое святое)...И потом, на данный-то момент она лично перед Римом ничем не провинилась.

– Хым, – хмыкнул Туллий Лициний Келсий, не находясь, чем возразить. – Ну, не мне решать.

И командир римлян кивнул на брыластого. А тот, от внезапно обрушившегося на него любопытства главных действующих лиц и сотен окружающих статистов, растерялся. Потому Галлус лишь прогундосил то, что ранее уже озвучил Келсий:

– Хочу – выпущу ей кишки, а хочу – сделаю из неё лупу...

– Ну ты, губошлёп, хотя быстрее уже! Мы-то в простое! – под сальный гогот римской солдатни выкрикнул кто-то из похабников.

Иса, находясь вблизи от пленницы, видел, что ей очень плохо: ноги её согнулись в коленях, тело сотрясала мелкая дрожь. В иной обстановке юноша устроил бы этой по-

ганой казарменной римской сволочи образцовую нравственную выволочку. Но сейчас приходилось претерпеть эти унижения ради спасения несчастной.

– Возьми, – сказал неожиданный заступник, достав из-за пояса фоллис⁷⁹ со всеми своими накоплениями и протянув его Галлусу.

– Х-хо! – вошёл во вкус губошлёп, высыпав монеты на ладонь. – Мало. Мой трофей дороже.

– Сколько же ты хочешь?

– Втрое.

– Втрое?! – лишь на миг впал в замешательство Иса.

– Втрое!

– Что ж, ты сам назвал цену, – спокойно и твёрдо ответил юноша, не глядя на брыластое ничтожество, но обозревая согнанный на площадь народ.

– Да, – подтвердил Галлус, довольный собой.

– Люди добрые! – громко обратился трибун из Арета к присутствующим. – Сделаем сообща богоугодное дело – спасем сиротку!

Краткое, но ёмкое обращение к простому люду Иса сделал на вульгарной латыни, на койнэ, а также на иллирийском диалекте, с которым был знаком от Бато. И пошёл к обществу с протянутой рукой.

Первые три медных лепты вместе с глиняной чашей юноше протянула пожилая женщина, тихо пробормотав: «Из рук

⁷⁹ * Фоллис (латинское follis) – мешочек, кошелёк.

в руки деньги не дают – всю жизнь с протянутой рукой ходить будешь». А дальше поток медных монет от бедного люда пролился в чашу и быстро заполнил её. Особенно приятным было то, что в числе подающих мелькнула и громадная десница Бато, отсыпав изрядную толику металла.

Когда Иса передавал народный сбор губошлёпу, то случайно уловил одобрителный взгляд Туллия Лициния Келсия. А тот, поняв это, деланно нахмурился и подал команду отряду: «Концерт окончен! Вперёд!»

Губастый легионер отпустил руку пленницы, которая держалась из последних сил, и она, теряя сознание, упала бы на землю, если бы её не подхватил Иса.

2

Так их стал трое. Сам ход событий сложился таким образом, что новенькая влилась в их маленькую семью непреодолимо, как фатум. И даже у Бато не возникло сомнений, что могло быть по-другому.

В процессе оказания первой помощи спасённой, когда её выводили из обморочного состояния, Иса сказал лекарю на арамейском: «Прости меня, Бато! Не сдержался я...». Тот, вытирая лицо девушки смоченным льняным бинтом, неожиданно покаялся: «Это ты прости меня, Иса! Не ты, но я должен был быть на твоём месте...Какой смысл в победе над Римом, если это не ради людей?»

От прохладных прикосновений девушка пришла в себя.

Она открыла глаза, и знахарь осторожно напоил её водой.

– Как тебя зовут, милая? – спросил он.

– ...Зайка, – ответила она и снова обессиленно смежила веки.

Неделю после происшествия триоца провела в лесной деревушке близ Одива у знакомых Бато. В первый же вечер целитель обследовал Зайку. У неё была жара, сотрясение головного мозга, а также перелом носа и травматический надрыв мочки уха. Больной дали настойку из мандрагоры, и она уснула.

– Что будем делать? – озабоченно осведомился Иса.

– Повышенная температура – в большей степени реакция на события, – пояснил Бато. – Душевное потрясение. Температуру съём, а вот с переживаниями справиться сложнее. Тут время лечит и эмпатия, сострадание. Череп у неё не пострадал. Так что, сотрясение скоро пройдёт. Нужен покой. Перелом носа несложный, одинарный, закрытый, с минимальным смещением. Отклонение носовой перегородки. Операция элементарная. На нос положим холод. Сделаю внушение. Затем одной рукой основание носа аккуратно оттяну книзу, а пальцем второй руки перегородку верну на место. Да..., мочку пришьём.

– Так легко? – впервые усомнился в прогнозе Бато его ученик.

– Ты как тот Куссар из Хаттусы, – усмехнулся лекарь. –

Беспокоишься?

– Беспокоюсь, – признался юноша. – Душа болит за неё.

– По соматической части всё действительно просто. Но затягивать нельзя. Чем дальше – тем сложнее будет править. Завтра и приступим. А вот что касается душевной травмы – тут сложнее. В душу ланцетом не залезешь. И словом Зайку тревожить не следует. Особенно поначалу.

3

Бато не ошибся: хирургические операции прошли без сучка без задоринки. Но он оказался прав и в том, что внутренний мир Зайки оказался тайной за семью печатями. Туда не допускался никто. Она не вступала в разговоры. В лучшем случае ограничиваясь односложными ответами. А когда на Фракию опускалась ночь, и нужно было спать, бедняжка, отвернувшись к стене, сворачивалась калачиком и беззвучно плакала в своей постели. Об этом Иса догадывался по её содрогавшимся плечикам.

И если Бато, намаившийся за день, моментально отключался, то совсем не так было с Исой. Он не в состоянии был безмятежно отдыхать, когда рядом с ним мучилась душа горемычная. Потому он тихонечко вставал, подсаживался на лежанку к Зайке и гладил её по головке, точно котёночка. Постепенно она успокаивалась. И таинственная ночная дрёма укутывала её. А Иса укрывал её накидкой.

Спустя неделю троица выступила в путь. И тогда с Зайкой произошло настоящее преобразование от Господа. Опухоль на её лице окончательно спала, ссадины зажили, а кровоподтёки сошли. И Иса про себя ахнул от того, какую красавицу он проглядел. Он и вообразить не мог, что такое прелестное существо может быть на белом свете. То уже была не девчушка, а девочка-девушка – настолько она была переполнена свежестью наступившей юности.

Особенно поражали её глаза – не просто очи, но бескрайняя небесная синева, которой Са щедро поделился, чтобы осчастливить того, кому доведётся заглянуть в эту глубину. Очертания лица этого создания были утончённы и нежны, а белокурые волосы эффектно обрамляли его... Её кожа, фарфорово-белого цвета, превосходила свежесвыпавший холодный снег Каппадокии не только своей белизной, но и тем, что источала энергию жизни... И от миловидной особы веяло ощущением того, что её облик – выражение её непорочного сокровенного естества. Внешняя привлекательность Зайки отражала её привлекательность внутреннюю.

И ещё... Тело девушки источало какой-то дивный аромат. То был незнакомый для Исы запах. Эту загадку он разгадал некоторое время спустя, когда угостился земляникой, что в изобилии росла на опушках и в лесных травах Фракии. Да-а-а... На Диком Севере произрастали не только диковинные ягоды, каковых не рождала земля Древней Реи.

«Э-эх, да что там..., – втайне размышлял молодой муж-

чина. – Эта северная прелестница несравненна! Нет, конечно, спохватывался он, – женщины Востока тоже хороши. Вот моя мамочка – красавица из красавиц... И всё же, если бы Са захотел иметь Дочь Небесную, Ему не нужно было бы беспокоиться – Она уже есть!»

И с этих пор Иса забыл о Ма-Волнистые волосы. Его сердцебиение учащалось лишь в тех случаях, когда он думал о Зайке или о маме.

4

На первых порах Зайка ожидаемо была молчаливой и малообщительной. Зато приятным сюрпризом явилось то, что она умела вкусно и быстро готовить – в дороге это было просто бесценным качеством. Она также мыла посуду и стирала одежду. Словом, выполняла типично женские обязанности, делая это к месту и по личному почину. Становилось понятным, что у мамы это была прилежная дочка, для которой путевая жизнь – не в новинку.

Поскольку у девушки своего сменного облачения не было, то первоначально с ней кое-чем поделился Иса. Да и позже, когда для неё на рынке подыскивали одеяние, Бато намеренно приобрёл предметы мужского гардероба. Сделано это было по подсказке самой Зайки, которая страшилась чужого непрошеного внимания. Ей хотелось стать незаметной. Слиться с природой Фракии. Потому в итоге получилось, что вместе с двумя мужчинами по просёлкам и прорескам

шествовал не просто хорошенький, а препривлекательный мальчишечка.

При этом выяснилось, что в горах «мальчишечка» – свой человек. Когда Бато решил миновать Филипполис⁸⁰ (там стоял гарнизон римлян) горной дорогой, то на опасном перевале Зайка чувствовала себя увереннее всех. По острым камням она двигалась столь грациозно, что даже бесстрашная козочка Дося, будь она жива, позавидовала бы ей. К слову сказать, и Бато отметил это, назвав девушку горной козочкой.

Именно на том обходе у Исы возникла идея запечатлеть Зайку в форме статуэтки. И в течение недели на досуге романтик, в который раз с благодарностью поминая Оса, скрытно вырезал скульптурку из каштана. Он воплотил образ девушки в виде козочки, которая застыла на вершине скалы, но при этом у неё было прелестное личико девочки-мальчика с ма-а-аленькими рожками.

Задумка осуществилась на вечернем привале у костра. Они вкусно покушали. Бато выпил забродившего вина. Девушка сидела рядом с молодым мужчиной. И потому всем было хорошо. По крайней мере Иса был почти счастлив. И чтобы достичь полноты чувств, он и вручил Зайке своё творение.

Бато, со стороны оценив сувенир, искренне восхитился образностью реализации замысла. И долго смеялся. Зай-

⁸⁰ * Филипполис – нынешний Пловдив в Болгарии.

ка дар приняла благосклонно. Поблагодарила. И мужчины впервые увидели до чего же у неё славная улыбка. Иса вообще не в силах был отвести взгляд от юной красавицы. А та, ощущая это, нежно зарделась и потупила свои дивные очи. Великан, посмотрев на них, одобрительно крякнул:

– Кха, хорошо-то как у нас!

– Хорошо! – подтвердил Иса, с натугой переключаясь на Бато.

– Хорошо, Зайка? – спросил у неё Бато.

– Да, – стеснительно ответила та, поглаживая козочку.

Теперь на неё снова смотрели оба мужчины. И тогда Иса, чтобы сгладить неловкость и отвлечь от неё внимание, сказал:

– Вот бы во всём мире стало так же!

– Х-хо, – хохотнул лекарь. – Так не будет никогда.

– Нет, ну вообрази сам, дядя Бато, как это было бы замечательно: отношения из семьи распространить на род, на племя, на весь народ, на всю страну...

– Семья семье рознь, – возразил великан. – Вон, у Батона Паннонского сыновья и дочери такие были, что за мамону несправедную готовы были самому батяне глотку перегрызть.

– Я имел в виду честные трудовые семьи, – поправился молодой мужчина.

– Я с Исой полностью согласна, – впервые по собственной инициативе вступила в разговор Зайка, по-прежнему не поднимая глаз.

И тут уж даже Бато перестал спорить.

5

Бурные события последних недель так круто повлияли на Ису, что его планы внезапно поменялись. Вернее, намерения у него вызревали постепенно и подспудно, но решение созрело неожиданно.

Ведь после неудачи в Халкидоне он планировал в поисках отца самостоятельно идти в Халкиду, что находится на греческом острове Эвбея. Для этого следовало свернуть на юг вскоре после Филиппополиса. Но... появление милой девушки спутало все карты: чтобы идти в Грецию, надлежало расстаться с Зайкой.

Потому однажды, когда их хлопотунья осталась готовить обед, а лекари отправились в обход по очередному селению, Иса осторожно поднял животрепещущую тему.

– Дядя Бато, – заговорил он, – как ты посмотришь на то, что я с тобой... ну, и с Зайкой... пойду сначала до Иллирии? До твоего родного места?

– А что так? – хитро прищурился тот.

– Так оттуда недалеко до Халкисы, что на побережье Ио.

Вдруг мой отец там.

– А коли не там?

– Тогда оттуда – в Халкиду.

– А дальше?

– Дальше...Вернусь за Зайкой.

– Зачем? – ещё хитрее прищурился великан.

– Как зачем? – густо покраснел молодой мужчина. – По-забочусь о ней, пока она на ноги не встала.

– Каким образом?

– Как каким...Работать буду. Тебе помогать, если не прогонишь. Или плотничать пойду...Или ещё что...

– Га-га-га! Ох, молодёжь-молодежь! – остановившись и запрокинув голову, загоготал Бато. – Ладно, так и быть...Но уговор: слушайся меня и не высовывайся, куда не след. Договорились?

– Ага!

6

Меж тем, текучая вечность меняет всех. И если в первые дни Зайка отстранённо шагала бок о бок с мужчинами, даже не интересуясь, куда они идут, то затем, мало-помалу, она стала прислушиваться к их разговорам. Иса судил о её медленно просыпающемся интересе к жизни по косвенным признакам: взгляду искоса, шевелению губ, непроизвольно-уместному жесту рукой в качестве реакции на обмен мнениями между мужчинами.

Это случилось в августовский солнечный полдень, когда их маленькая команда брела очередным просёлком. И Бато с Исой опять завели дискуссию о том, что способно сломить

диктатуру Рима.

– Всех, а не только римлян, победит тяга людей к добру, данная им Богом, – стоял на своём юноша.

– Иса! – горячился великан. – Тупых юбочников можно одолеть только силой или хитростью. И вот тебе случай. Однажды к римскому императору привели одного, настроенного против власти. Правитель и говорит: «Наслышан я, что ты недоволен нами. Изволь сказать мне правду. И коль увижу я, что ты прав, то отпущу тебя целым и невредимым. Ежели ж соврѣшь, не сносить тебе головы!» Тяжко вздохнул хитрец и сказал: «К Риму я отношусь так же, как мы относимся к своим жѐнам». Насторожился император и потребовал: «Поясни». И растолковал проныра: «Немножко люблю и немножко боюсь, немножко хвалю и немножко ругаю, но хочу всё же другую». Рассмеялся император и отпустил умного плутишку.

– Нельзя вставать с недостойными на одну доску, – возразил Иса. – Да и пример неудачный. Зайка даже покраснела.

– Да, я покраснела, – внезапно вступила в разговор девушка. – Мой папа про мою маму так никогда бы не сказал!

– Это ж всего-навсего притча, – неожиданно застыдился Бато.

– Всё равно, – настаивала на своём Зайка. – Про святое не шутят. Что до вашего спора... Я думаю, что сегодня прав дядя Бато, но завтра прав будет Иса... Однажды к людям явился Бог Ясного Неба. Люди повинились ему и стали жаловать-

ся, что в мире много лжи, насилия, войн. «Вам не нравится всё это?» – спросил их Бог. «Конечно!» – воскликнули люди. И Бог ответил: «Тогда не делайте этого!»

И спорщики замолчали. А Зайка впервые прямо взглянула на Ису.

7

За разговорами неразлучная троица и не заметила, как пришла в одно из фракийских селений. Там они оказали краткосрочную медицинскую помощь нуждающимся. И затем, по обыкновению, вознамерились двинуться дальше, но вынуждены были задержаться на пару дней по просьбе пожилой женщины по имени Дула.

– А что такое? – осведомился Бато у просительницы, когда она его остановила.

– Та у меня дочка Илла на сносях, вот-вот должна разродиться, а ребёночек-то в утробе нетак лежит, – посетовала Дула.

– С чего ты взяла?

– Так её бабка-повитуха смотрела три дня тому как.

– Так сама бабка пусть и примет роды?

– Дак днесь она, как помре. А боле некому. Да и бабка-то баила, что роды будут чижёлые, не совладать ей – стара она ужо. А у дочки и первые роды были таки же. Уж ты будь любезен, глянь, – поклонилась ему в пояс Дула. – Шибко боязно нам.

– К-хе, – крикнул целитель, собравшийся, уж было, в дорогу. – Ну, веди нас.

Придя в избу и обследовав беременную, Бато убедился, что покойная повитуха была права: предлежание плода было нетипичным – малютка располагалась поперёк полости матки. «Помогать придётся», – коротко бросил он Исе, которого привлёк к осмотру. «У-гу», – через силу выдавил молодой мужчина, которого не просто смущала необычная мизансцена – он был шокирован приватностью ситуации.

Назавтра, с утра пораньше, роды начались – отошли околоплодные воды. Великан-акушер принялся хлопотать над женщиной, а помощник подавал ему нужные инструменты и материалы. И если вчера Иса был несколько ошеломлён интимностью обстановки, то сейчас быт людской открылся для него ещё одной, внешне неприглядной стороной, которая отталкивала своей физиологичностью и животным натурализмом: Бато подмыл пах у роженицы, подбрил его, а затем принялся развигать плоть как инструментом, так и пальцами, заглядывая внутрь.

Происходящее вызвало у Исы ощущение тошноты. А вот для лекаря это была обыденность. Он, между прочим, попутно напевал знакомую песенку про женщину, которая дала ему затрещину, а также деловито уведомлял ученика о том, что раскрытие шейки матки составляет около двух его пальцев. «Значит, это четыре моих...», – ощущая непривычную

влялось, автоматически произвёл вычисления помощник.

От плотской части процедуры Бато перешёл к технической. Вместе с Иллой он выбрал наиболее удобную для неё позу – почти на корточках. С учётом этого лекарь оборудовал место для сидения повыше: чтобы удобнее было принимать новорождённого. И в тот момент, когда он разместил женщину, та, обеспокоенная неправильным положением крохи в утробе, встревоженно не то спросила, не то констатировала:

– Больно будет?!

– Мне – нет, – усмехнулся акушер. – А ты соберись, оскаль зубы. У тебя же вторые роды. Сама всё знаешь. Давай-давай...

И хоть Иса был предупреждён, что психическое состояние рожениц требует несколько брутально-бесцеремонного обхождения, тем не менее, на его взгляд, слова великана прозвучали чрезмерно грубо. Однако и «сюсюкать» было недопустимо, так как неуместное сочувствие лишь демобилизовывало рожениц. Потому единственное на что он сподобился, так это нейтральным тоном сказать Илле:

– Настраивайтесь.

– Вот-вот... А мы покамест передохнём, – известил Иллу и её мать Бато таким тоном, словно только что они с Исой перепилили

десятое по счёту толстенное бревно.

И он потянул ассистента на выход.

Во дворе их поджидала Зайка, которая играла с трёхлетним

первенцем Иллы. Неподалёку от них на чурке сидел муж роженицы. Девушка, увидев Бато и Ису, схватила кувшин и стала поливать из него им на руки. Умывшись, мужчины чинно присели на чурбаны, с наслаждением втянули в лёгкие свежий воздух и задумались. Зайка устроилась неподалёку от них.

– А мы не слишком долго сидим? – первым заволновался Иса. – Как она там?

– Да не-е-е, – отмахнулся Бато. – Всё просчитано. Вот ты думаешь, парень, почему у этой Иллы уже вторые роды затяжные и плод поперёк лежит?

– Не знаю.

– Да потому, что есть такие прозаики⁸¹, как мы с тобой.

– Это кто ещё такие?

– Прозаики-то? Да те, кто ведает родовспоможением. Ибо Проза – римская богиня, коя отвечает за обычное рождение, то есть, когда ребёнок вылезает башкой вперёд. Хотя ясно, – сокрушённо покрутил головой малопоэтический прозаик, – что в случае с Иллой нам понадобится другая богиня.

– Это я усвоил. Но при чём тут прозаики?

– Да при том. Раньше ведь бабы были здоровые. И рожали соответственно: воды отошли – сигнал всему организ-

⁸¹ Проза – от латинского *prosa*, *provorsus* – двигающийся прямо вперёд.

му. Тотчас схватки начинаются. И идут они по нарастающей. Сначала – раскрывающие, потом – изгоняющие. А там и младенец вылез. И всё это моментом. Но если, вдруг, у роженицы сбой один за другим, задержки множатся, плод лежит поперёк и тому подобное, то такая баба прежде умирала. Таким образом и происходил отсев негодного материала. А потом появилось родовспоможение. Стали спасать всех подряд. Результат – всё больше нетипичных случаев. Помяни моё слово: ежели такая практика укоренится, то лет через сто бабы и вовсе станут рожать целый день, а ляльки в мамках будут лежать и поперёк, и книзу попкой, и как попало. Уловил?

– В целом, да.

– Ну что, вперёд? – вставая, хлопнул себя ладонью по ляжкам.

– Вперёд, – следуя за ним, вскочил Иса, выдохнув из себя воздух.

– погоди, – остановил его учитель. – Чего ты такой бледный? Плохо, что ли?

– Да не-е-е, – отмахнулся молодой мужчина. – Так просто.

– Ты смотри, – предупредил его Бато. – Сейчас начётся самое главное. И неприятное: крики, слёзы, вонь и прочее... Некоторые тяжело переносят. Писаются, а кое-кто даже и какает...

– Ну..., обкакаюсь так обкакаюсь! – с силой сжимая кулаки и челюсти, заявил Иса, набираясь решимости.

И при этом он так и не понял, почему его наставник за-

хохотал.

Роды проходили тяжело и долго. Акушер постоянно подправлял плод. Однако, самое сложное заключалось в том, что систематически приходилось стимулировать роженицу, которая вела себя пассивно. В критический момент, когда показалась головка младенца, а матери требовалось тужиться особенно активно, Бато даже заорал: «Да ты хоть посмотри, чего ты тут нарожала-то! Ужас чё напарила!» И он принялся так материться и махать руками, что можно было подумать, будто на белый свет появляется ужасный монстр.

Подействовало: до того отстранённая Илла взрогнула, напрыглась и стала заглядывать себе между ног. В результате головка ребёнка почти прорезалась. Но тут Илла потеряла сознание. И Бато пришлось вылить на неё ведро воды, а также бить по щекам, вопя дурным голосом, что она хочет уморить дитя.

В этой фазе родов нашлась работа и для Исы, который поддерживал головку новорождённой, помогал освобождать её шею от перепутавшейся пуповины, а чуть позже положить девочку на приготовленную тёплую простыню. Несмотря на все перипетии, тельце девочки было лишь чуть синюшным, поскольку пуповина была хорошо наполнена и пульсировала. И только когда Бато перерезал пупочный канатик, ребёнок начал быстро сизеть, раскрыл рот, начал тянуть в себя воздух и закричал.

По завершении родов, Бато отпустил ассистента, с честью справившегося со своими обязанностями, а сам задержался в избе. Иса вышел на улицу совершенно измотанный. Прежде всего, психологически. И некоторое время стоял неподвижно у порога, набираясь сил и давая глазам привыкнуть к солнечному свету.

Зайка подбежала к нему, взяла за локоть и отвела в сторонку. Там при содействии помощницы парень умылся, после чего присел на лежащие рядом брёвна.

– Как малыш? – впервые напрямую к нему обратилась девушка.

– Малышка, – поправил её Иса. – Всё хорошо.

– Как ты? – впервые осведомилась о его самочувствии Зайка.

– Не обкакался, – усмехнулся тот, не без иронии и уже осознанно применяя данное выражение.

Собеседница понимающе обозначила уголками губ улыбку, а затем взяла чистый льняной бинт, смочила его, отжала и принялась стирать вновь выступившие капельки пота со лба Исы. От девушки пахло свежестью и земляникой. И молодой мужчина, не сдержавшись, поцеловал её руку.

Зайка вздрогнула. Убрала руку. И, выбрав место, опустилась на брёвна. Но села возле Исы.

Мужчины промышляли рыбу в горной речушке, а Зайка на пригорке готовила обед. Иса ловил рыбу на удочку. Но хариуса было так много, что Бато приноровился колоть его самодельным гарпуном. Иногда они делали перерывы, в которых обсуждали дела предстоящие. В одну из таких пауз Иса и завёл разговор о том, что его волновало.

– Дядя Бато, кгм-кгм, – стеснительно покашляв, окликнул он наставника.

– Да, Иса.

– Ты говорил, что мы одной ногой уже в Иллирии.

– Да-а. Во-он за той лощиной – уже моя Родина.

– Но ты никогда не говорил, куда именно тебе нужно в Иллирии.

– А почему ты этим интересуешься? – насторожился великан.

– Ну как, мы же условились, что пока я отлучусь в Грецию, Зайка будет при тебе. И я хотел бы знать, когда наступит этот момент.

– А-а-а... Вот оно что..., – протянул Бато. – Видишь ли, Иса, сейчас осень. А на месте мне нужно быть весной. Точнее я и сам пока не знаю. Это зависит не от меня. Ясность наступит уже в Иллирии. Кстати, там я иногда буду, скажем так, пропадать ненадолго. Так пусть тебя это не беспокоит. Я буду у своих друзей...

Позади них послышался шелест травы – то к ним спусти-

лась Зайка. В руках она держала кое-что из нехитрой кухонной утвари путешественников. С течением дней она в новой компании более или менее освоилась и стала держаться менее скованно.

– О чём это вы секретничаете? – шутливо спросила хозяйка.

– Да так, о сугубо мужском... О рыбалке, – в тон ей ответил Иса. – Ты не скучала?

– Особо скучать не приходилось, – склонив голову набок, ответила девушка. – Сейчас вот вымою посуду, и пойдём кушать.

9

Кочевая жизнь по городам и весям продолжалась. Только отныне это происходило в долинах и предгорьях Иллирии. И с этой поры у Бато свободного времени вовсе не оставалось, так как он занимался не только целительством, но и своими тайными делами. Пристроив своих подопечных в какую-нибудь крестьянскую избу, он мог исчезнуть на целый вечер.

Зато в период его отсутствия Иса и Зайка могли поболтать вдосталь. Они всё лучше узнавали друг друга. И девушка почти всецело доверяла ему, естественно, за исключением того, что составляло разницу между мужчиной и женщиной. При этом она всё настойчивее осведомлялась о будущем их компании. Такой интерес, в частности, выразался

в её сакраментальном вопросе: «И долго мы ещё так будем ходить?»»

По понятным причинам Иса уклонялся от ответа, пока Зайка, что называется, не подняла предмет обсуждения на принципиальную высоту. Был зимний вечер. Они сидели в одной половине крестьянской избы, хозяева – в другой. Бато, что становилось уже обычным, отсутствовал.

– Ты знаешь, почему я спрашиваю тебя про будущее? – спросила Зайка, сидя на своей лежанке.

– Догадываюсь, – вздохнул молодой мужчина, вставляя зажжённую лучину в светец⁸². – И даже догадываюсь, что тебя мой ответ не устроит. Но ведь воистину, мы можем только предполагать, а располагает Всевышний.

– Тогда я скажу иначе, – упрямилась девушка.

– Ну, скажи, – присел парень на свою лежанку.

– Хорошо. Только ты не сердись, – предупредила Зайка.

– Пожалуйста, – насторожился Иса, поскольку это была новая постановка проблемы.

– Помнишь, вы с Бато рыбачили в горах?

– Когда у меня ещё таймень сорвался?

– Да.

– Ещё бы, такое и захочешь – не забудешь.

– Так вот, когда я спускалась к вам, то случайно услышала, как ты говорил, что уйдёшь в Грецию, а я останусь. Это так?

⁸² * Светец – скобка из кованого железа, предназначенная для крепления лучины.

– Э-э-э... – Исе только и осталось, что невразумительно поиграть воздухом в глотке.

– Вот видишь! – укорила его Зайка. – Нет, конечно, я понимаю, что я для тебя – никто! Я и не претендую ни на что... Кто я такая?

И хоть она сказала одно, то, что предполагала, но в действительности ей хотелось совсем другого... Поэтому она опустила голову. И слёзы повисли на её длиннющих ресницах росинками...

– Стой! – негромко вскрикнул Иса, хотя никто никуда не убежал.

И он ощутил болезненный укол в сердце, до того ему было жаль это милое создание, и без того повидавшее и пережившее в своей жизни ужасное. А сейчас получалось, что ещё и он причинял ей страдания.

– Стой! – ещё тише повторил Иса, опасаясь, что его услышат хозяева во второй половине избы. – Это не так... Ты для меня – самое главное! Ты – звёздочка путеводная в моей жизни!

И он рассказал Зайке о том, почему ему нужно в Грецию. По окончании повествования Исы, они долго молчали. Пока безмолвие не прервала девушка:

– А если с тобой там... в Греции... что-то случится? И ты не вернёшься?

– Остановить меня на пути к тебе может только смерть, – так искренне и твёрдо произнёс мужчина, что ему поверил

бы даже неверующий Фома из Каперны.

– Но ведь я тогда останусь одна, – прошептала девушка. – Нет! Только не это! Возьми меня с собой...

– Куда с собой?

– В Грецию!

– Так ведь ты же правильно сказала, что там всякое может случиться...

– Пусть! – не слушая его возражений, замотала головой Зайка так, что её слёзы упали на лицо Исы. – Возьми с собой!

– Но ведь я ещё никуда и не иду, – обессиленно развёл руки тот.

– Всё равно, скажи...

– Но как я могу повелевать, если я для тебя никто?

– Нет! Ты Мой Спаситель! – всхлипнула девушка. – Скажи...

– Хорошо, – стыдясь такого своего могущества, промолвил Иса. – Я возьму тебя с собой. Но не только в Грецию. А на всю жизнь!

И после этой искренней клятвы Зайка метнулась к Своему Спасителю, прижалась к нему тесно-тесно, так, что он ощутил упругие холмики её груди, и замерла. А на Ису снизошло осознание того, что он самый счастливый мужчина на Земле, поскольку это Са подарил ему в жёны Дочь Небесную. И тогда он неумело поцеловал жену свою и познал её неумелую, но такую сладкую и неповторимую любовь...

Повенчаннные Са и судьбой, молодожёны лежали тесно прильнув друг к дружке. Даже лучу света не под силу было протиснуться между ними.

– Ты Мой Спаситель! – горячо шептала ему Зайка. – Ты меня спас не только от римлян...Ты меня уберёг тем, что мне снова захотелось жить. Раньше мне не хотелось просыпаться, потому что во сне со мной были папа и мама. А наяву, лишь только я открывала глаза – они исчезали. И так было долго-долго...Пока однажды мне снова не захотелось увидеть тебя!... Ты Мой Спаситель!

– Я – ничто, – целуя суженую, возражал Иса. – А ты – Моя Жизнь. Я буду стараться хоть чуть-чуть возместить твоих папу и маму. Ведь они-то жили душа в душу «от и до». Да?

– ...Не совсем так, – с задержкой, неожиданно уклончиво ответила Зайка.

– То есть!?

– Видишь ли, любимый мой, мама...долго не воспринимала папу...

– Вот не думал. Почему же?

– Он же...захватил маму.

– Как так?!

– Папа был вождём племени. И много лет назад вожди наших племён...даков...совершили набег на север. Там папа увидел маму и сразу влюбился в неё. И силой привёз на свою

родину. Но прошло больше года, прежде чем она согласилась быть его женой.

– Ты убила меня! – простонал Иса, откидываясь в сторону. – Она вышла за...захватчика?

– Да. Она полюбила его, – улыбнулась Зайка.

– Но разве можно полюбить...завоевателя?

– Ага, если бы ты знал, как он любил её! Он завоевал её своей любовью.

– Странно! Непостижимый вы народ...женщины..., – дезориентированно посетовал Иса.

– Такова жизнь, – по-женски мудро ответила на его сентенцию Зайка. – Вот почему я сказала, когда вы спорили с Бато, что сегодня прав он, но будущее – за тобой.

– Пусть так, – миролюбиво проговорил Иса. – Ведь сегодня Великий день...А скажи мне, любимая, ты похожа на маму или на папу?

– Папа говорил, что мы с мамой как две капельки воды. Точнее так: одну капельку поделили, и получилась я.

– Ах, ты моя Капелька! – нежно притянул к себе Зайку Иса.

– Да, я твоя Капелька! – счастливо прижалась к нему девушка. – Можешь меня выпить. Только не бросай!

Глава пятая

1

В начале весны следующего года путники наконец-то до-

брались до малой родины Бато – города Котор, что располагался на побережье Адриатического моря. Там они остановились у тётки Бато по имени Вентла, проживавшей на окраине. Хотя, сказано не совсем точно: устроились у Вентлы не «они», а только Иса и Зайка. Сам лекарь где-то пропадал целыми днями. Тётка Вентла целиком была на стороне Бато, поскольку её муж и два сына погибли в Иллирийском восстании.

Бато пребывал в каком-то ином измерении. Он целиком был поглощён своими нелегальными делами. , несмотря на весь свой богатейший медицинский опыт, очевидная беременность Зайки для него стала откровением. Да и то это произошло уже тогда, когда изменения в её положении уже было невозможно скрыть.

С удивлением взирая на выступающий живот Зайки, он не нашёл ничего более оригинального, чем сказать: «Н-да, молодёжь, даёте вы жару! – И поскольку высказывание прозвучало грубовато, дополнил его: – Ну, а чего ты хотел, Бато? Да обломись тебе такая красавица, ты бы проклял и холостяцкую клятву и постанческую жизнь».

Впрочем, Зайка с Исой тоже пребывали в ином измерении. Они целиком были поглощены собой. Будучи чужими в Которе, они или сидели в доме, или работали на огороде у тётки Вентлы, или фантазировали о будущем. И вновь нечёткость в выражении: чем бы они ни занимались, всё равно они видели только друг друга и грезили о светлом. А мечты их

сводились к обустройству собственного очага, где они заживут втроём: их первенец, Зайка и Иса.

Причём, Иса желал, чтобы родилась девочка, а вот Зайке хотелось мальчика. Когда же речь заходила о внешности малютки, то будущий отец и мысли не допускал о том, что Всевышний одарит её не Зайкиными чертами. От Исы ребёночку «доставались» исключительно уши, да и то, если это будет малец.

Так дни шли за днями, пока не произошли события, круто изменившие их судьбу.

2

В то утро счастливая парочка проснулась от удивительно-го ощущения того, что их никто не будит. Они не спеша поднялись, привели себя в порядок, перекусили тем, что было, и даже немножко побаловались. Затем, устав от однообразия, влюблённые посмотрели за окно: нет, там они не увидели тётку Вентлу, кособокой походкой спешащей домой. Да и на улице было непривычно пустынно.

Тогда два голубка выпорхнули наружу, поражаясь безлюдности окраины. Зато на подступах к центру города жизнь кипела: там царил настоящее вавилонское столпотворение. Горожане перемещались толпами и что-то возбуждённо выкрикивали. Многие из них смеялись и радовались. Но часть которцев хмурилась, была напугана, а некоторые даже пла-

кали.

Вскоре, по репликам людей, молодые догадались, что явилось причиной такой метаморфозы.

– Так ты, говоришь, в Ризоне? – спрашивал одноглазый иллириец другого земляка – с тремя пальцами на правой руке.

– Да-а! – отвечал ему тот. – Там наши перебили весь гарнизон! Подчистую! И в Доклее⁸³ – почти всех. Якобы, только одной когорте голозадых удалось улизнуть...

– Чему вы радуетесь? – перебивал их третий, с одной ногой. – Далё-то что?

– Далё? – широко улыбался одноглазый. – А далё пойдём на Рим!

– Ага, обрадовались! – саркастически делал нетипичное ударение в слове хромоногий инвалид. – Нас осталось-то – битый да грабленный! Почитай всех могутных в прошлое восстание положили. А кто выжил – драпанул в Дакию да в Скифию...

– Ничё, вернутся! – пребывал в оптимистическом дурмане одноглазый. – Да ишо нас поддержуть бревки, албаны, дарданы, яподы, далматы... Шалишь, нас, иллирийцев, так просто не прищучишь!

– Дык, – поддерживал его трёхпалый, – ты ишо про даков и фракийцев забыл! Они тожа покажут, где есть Спартак!

⁸³ * Ризона, Доклея – населённые пункты, в которых располагались римские гарнизоны.

Возвращаясь на окраину, молодые увидели у жилища Вентлы вооружённого иллирийца, державшего на поводу двух лошадей. Пройдя в дом, они застали там Бато и Вентлу. Племянник о чём-то инструктировал тётку. Увидев входящих, великан обрадованно шагнул им навстречу и, по-своему хлопнув Ису по плечу, горделиво осведомился:

– Ты хоть в курсе, что происходит?

– Это правда, что вы перебили два гарнизона римлян? – отреагировал тот вопросом на вопрос.

– И всё ещё впереди! – азартно подтвердил Бато. – Сегодня выступаем в направлении Сингидуна⁸⁴. Что называется: трепещи, Рим! А ты, Иса, что же, остаёшься в стороне от со-творения истории?

– Дядя Бато, ты же знаешь, что за справедливость мне ничего не жалко, – заговорил Иса, – но убивать, даже римлян...

– Э-эх! – перебил его великан. – Жаль...Ещё увидимся! Я из тебя ещё сделаю главного священника. Га-га-га!

Бато выбежал из дома. В окно было видно, как вооружённый иллириец подвёл ему коня. Они разом вскочили в сёдла и поскакали вверх по улице.

3

Двое суток о повстанцах не было ни слуху ни духу. Которцы не ведали о том, что враги встретили народное ополчение

⁸⁴ Сингидун – во время описываемых событий – римское поселение (ныне – столица Сербии Белград).

на линии рек Сава и Драва – там после Иллирийского восстания были сосредоточены мощные регулярные военные части империи. Обещанной поддержки от других племён бунтари не дождались. В результате остатки непокорного иллирийского движения были разбиты. Получилось не восстание, а так – небольшой мятеж.

Подавив бунт, римляне двинулись туда, где он возник. Следовало провести показательные карательные мероприятия, дабы оставшимся вольнолюбивым иллирийцам неповадно было впредь поднимать головы выше плеч пред Великим Римом. Дабы знали, что всякая гордая голова незамедлительно будет снесена гладиусом⁸⁵.

В самую рань сводный отряд римлян поднял жителей Котора из тёплых постелей и согнал к центру города. В их числе были и Иса с Зайкой. На площади уже лежал грубо сколоченный деревянный крест, облизывавшийся в предвкушении своей жертвы.

Едва были стянуты к месту расправы стар и млад, в центр действия на могучем скакуне выехал командир сводного карательного отряда. Иса тотчас опознал в нём Туллия Лициния Келсия. По сигналу Келсия к нему доставили пленённого бунтаря – это был Бато. Несмотря на то, что руки мятежника были связаны, сопровождали его шестеро легионеров. Тело великана представляло собой сплошной кровоподтёк. Одежда на нём была изорвана. Вели его босым.

⁸⁵ Гладиус (латинское gladius) – римский короткий меч (до 60 сантиметров).

Предводитель римлян, воздев верх указательный палец и широко раззявив пасть, вознамерился было произнести устрашающую речь... Да вот только всё пошло не по его плану...

Оказавшись перед соотечественниками, Бато так двинул руками, что узы, сковывавшие его, лопнули, а конвоиры посыпались в стороны будто горох. Нет, исполин из Котора не имел намерения опуститься до пошлой драки. Ему нужно было доказать неукротимость иллирийского духа. Едва освободившись, он воздел над головой десницу в виде Митры – символа свободного восходящего солнца. И тотчас Бато зарокотал своим могучим басом над притихшим Котором: «Иллирийцы! Не гните головы свои перед голозадыми! Не стойте на коленях...»

Гигант не успел закончить фразы, поскольку один из набежавших легионеров нанёс ему удар дубиной по затылку. Бато закачался и рухнул. И пока он был бессознателен, Келсий проорал одному из подчинённых: «А ну, режь ему поджилки!»

Оказалось, что римляне тоже неплохо знают анатомию – в той части, которая им нужна. Легионер шустро подскочил к Бато, лежавшему ничком, и мечом перерезал ему коленные сухожилия. После такой экзекуции великан уже не в состоянии был подняться. Однако, придя в себя, на всём протяжении пытки, в том числе пока его прибивали к кресту, Бато остервенело продолжал призывать к борьбе за свободу с

«юбочниками и голозадыми». Его настрой и сила внушения были таковы, что над ними была невластна нечеловеческая боль. Он уже пребывал в следующем измерении – в бессмертии.

Зайке не под силу было смотреть на издевательство над человеком, ставшим ей таким родным. Она с самого начала казни припала к груди Исы и плакала. Иса изо всех сил поддерживал её, иначе бы она упала на землю. Земляки Бато охали и ахали, вполголоса цедили проклятия, но никто не выступил открыто против изуверов. Если бы не Зайка с малюткой внутри, Иса, конечно, не сдержался бы. Но отныне он был в ответе не только за себя.

Прибив Бато, хилые римляне скопом принялись поднимать распятие. Ан не тут-то было... Когда крест вставили в яму, он чуть наклонился вперёд, и вертикальная стойка, не выдержав гигантской нагрузки от тела великана, со страшным треском переломилась. Бато упал вместе с обломком столба наземь. От удара иллирийцу смяло нос. И стоило ему приподняться и сесть вместе с обломком столба, как все увидели в середине его лица зияющий жуткий провал с обломками костей и обрывками хрящей. Но даже в таком состоянии Бато всё равно пытался что-то сказать народу, но лишь харкал жидкой кровью...

И тогда толпа затрепетала, в ужасе завопила и, несмотря на все старания оцепления, ринулась прочь...

До главаря карательного отряда мгновенно дошло, что это

провал показательной казни, и он, крайне раздражённый, приказал добить непокорённого иллирийца. Свора легионеров набросилась на Бато и принялась колотить бунтаря копьями и мечами.

Иса во всеобщем гвалте лишь успел прокричать: «Прощай, дядя Бато!», как его и Зайку подхватила людская лавина и понесла с площади прочь. Он успел поймать любимую Капельку и оттащить в сторону. Но возле забора их сбили. Иса, прикрывая суженую телом, думал только о том, чтобы уберечь самое дорогое, что есть у него на этом свете...

4

В ограде дома Ису и Зайку уже поджидала заплаканная тётка Вентла. Она разрешила им взять с собой только самое необходимое, и повела к лесу, что располагался сразу за огородом.

– Бедный мой Бато, – пробормотала Вентла, едва троица вошла в чащу и стала подниматься в горы. – Прости меня, мой мальчик, что, быть может, даже не доведётся похоронить тебя по-людски.

– Почему не доведётся? – спросил её Иса.

– Да потому, что сейчас энти юбочники начнут зверствовать. Будут терзать всех, кто с повстанцами связан. Дома пожгут, добро и скотину разграбят.

– А-а-а... А мы куда идём?

– Есть одно место, где можно переждать, – коротко пояс-

нила провожатая.

– Тётя Вентла, давайте чуть тише пойдём, – попросил Иса, заметив, что Зайка стала отставать. – Она же в положении.

– Ой, давай, милоч, – согласилась та. – А то я раздухарилась.

Иса обернулся и с тревогой обнаружил, что его судьбой наречённая жена приближается, держась за живот и прикусив губу.

– Что, что такое, Капелька моя?! – бросился он к ней.

– Живот, – пожаловалась ему любимая. – Ударилась я там, на площади. Да и не поспеваю за вами. Тяжело.

– А живот, что? Болит?

– Не то чтобы болит... Но как-то... побаливает.

Мили через полторы они добрались до пещеры у горного ручья. Вскоре туда стали по одному подтягиваться мужчины – знакомые тётки Вентлы. Как догадался Иса по обрывкам фраз, это были уцелевшие соратники Бато.

Когда собрались все, кого ждали, иллирийцы устроили совет.

Молодые сидели в сторонке у костра и ждали решения своей участи. Зайка уже не могла плакать – выплакала все слёзы. Она лишь горестно качала головой.

– Что, милая? – спросил её Иса.

– За дядю Бато переживаю, – коротко ответила девушка.

– Я – тоже, – присоединился к ней Иса. – До сих пор всё

перед глазами... Знаешь, что самое страшное было для него?

– Всё!

– Нет, Заинька моя. Ведь я смотрел до конца. Об великий дух Бато голозадые сами зубы обломали. Да в этом-то я и не сомневался. Весь ужас в том, что Бато, умирая, осознал, что его вера умирает вместе с ним... А вот вера подлинная, вера истинная – неуничтожима...

По окончании схода тётка Вентла присела к костру с двумя мужчинами.

– Меня зовут Дюрже, – представился один из мужчин. – А это – Вецл, – указал он на боевого товарища. – Мы обсудили, что делать дальше. Вам, ребятки, в Которе оставаться нельзя... Юбочники начнут расправы над всеми, кто хоть как-то причастен к нам. Бато завещал: вас не бросать. В бухте нас ждёт корабль. На нём мы пойдём по своим делам, ну и вас заодно прихватим. Высадим там, где более или менее безопасно. А дальше – вы уж сами.

При прощании тётка Вентла сунула в руки Исе фоллис с монетами и сказала, что это от Бато. «Шибко он переживал за вас», – добавила она, и слёзы выступили у неё на глазах.

5

Конспиративное плавание длилось почти месяц. Оно было удачным. Вместе с тем было одно важное «но»: живот у Зайки болел с каждым днём сильнее. Ребёночек в утробе вёл

себя беспокоило, а лекаря на корабле не оказалось. Иса же в вопросах чисто женского здоровья был недостаточно сведущ.

Молодую пару повстанцы высадили близ греческого поселения Антиполис⁸⁶, а сами отправились дальше.

Оказавшись на берегу, молодожёны прежде всего разыскали повитуху. Та, выслушав жалобы и осмотрев беременную, через Ису спросила её:

– По подсчёту, какой срок?

– Приблизительно... Наверное, около восьми лун.

– Как считала?

– М-м-м..., – порозовела Зайка. – Когда... Когда это было первый раз...

– До этого с мужиками жила?

– Нет, – густо покраснела молоденькая женщина.

– Понятно.

Повитуха аккуратно, но тщательно прощупала живот, после чего вынесла свой вердикт:

– Плод лежит правильно. По размерам где-то соответствует заявленному сроку. Што до болей, то тут уж роды покажут, чё там... Могу тебе тока посоветовать вам сходить в Массалию⁸⁷. Там есть очень хороший омфалотом⁸⁸ – грек

⁸⁶ Антиполис – ныне город Антиб на южном побережье Франции.

⁸⁷ Массалия – греческая колония, находившаяся на месте современного Марселя.

⁸⁸ * Омфалотом (древнегреческое *omphalotomoi* – буквально «перерезыватель

Стакратис. Уж он-то подскажет.

– А туда долгий путь? – озаботился Иса.

– Где-то недели две. Вот к родам и поспеете. Зато, ежели чё, Стакратис поможет выходить.

6

Это случилось тогда, когда до заветной Массалии оставалось рукой подать. В тот день, на заре, Иса и Зайка выдвинулись от безвестной приморской деревушки в сторону запада. Они рассчитывали к вечеру оказаться на приёме у всемогущего Стакратиса.

Однако, вскоре после обеда Зайке стало совсем плохо. С утра у неё уже что-то было наподобие схваток. И вот сейчас она внезапно остановилась, наклонилась, обхватила живот и застонала.

– Что?! Что, Капелька моя? – забеспокоился Иса, прижав её к себе и целуя в висок.

– Ой, Исонька, – охнула она. – Вроде бы, у меня начинается...

– Что?! Что начинается?! – встревожился Иса.

– Ну, они... Роды...

– Ой-ёй-ёй! – беспомощно оглядел молодой мужчина пустынную дорогу. – Что, совсем начинаются? – задал он дурацкий вопрос.

– Да, совсем, даже шагнуть не могу.

Иса перенёс Зайку в близлежащую низинку к ручью и положил на пригорок. Роды развивались стремительно. Только отошли воды, и тотчас начались раскрывающие, а через четверть часа – изгоняющие схватки.

– Надо тужиться, милая моя! – молил муж свою молоденькую жену. – Потужься, миленькая моя! Потужься!

– Да! Да! – старалась бледная, как мел, Зайка.

– Тужься! Тужься, моя ненаглядная! – из последних сил стремясь сохранить твёрдость воли, просил её Иса. – Как будто какаешь... Как будто какаешь...

– Да! Да! – из последних сил напрягалась Зайка.

...Вскоре Иса увидел затылок малютки. Он придал верхней части плода правильное положение, и головка прорезалась через предверие влагалища. Лицо ребёночка было совсем синим. И едва его подбородочек миновал край материнской плоти, как он раскрыл ротик, жадно хватил воздух и заплакал.

Иса подправил сначала правое плечико малыша, затем левое, после чего младенец беспрепятственно выскользнул из лона матери и оказался у него на руках. Он положил его на предусмотрительно приготовленную простынку и, за неимением лучшего, взял сполоснутый в ручье обычный нож, чтобы им обрезать пупочный канатик.

Пуповина не пульсировала и была ненаполненная, поэтому молодому папе стало понятным, почему его сынишка (это был мальчик) так рано задышал. Ротик у наследника был

свободен, так что Исе оставалось только обтереть его второй половинкой простыни и прикрыть, чтобы он не замёрз.

Теперь настал черёд позаботиться о молодой мамочке, которая,

несмотря на крайнюю слабость, спрашивала, кто родился, и просила показать новорождённого.

– Иса, кто, кто у нас? – слабо шептала она. – Покажи мне его.

– Сейчас, сейчас, моя умничка! – успокаивал её тот. – Потерпи немножко.

Он бережно помог Зайке освободиться от последа. Чуть обмыв жену, он накрыл её чистым халатом, а затем показал ей мальчика.

– Страшенький, – дрогнувшим голосом прокомментировал он увиденное ей. – На меня похож.

– Славненький, – поправила его Зайка. – Да, на тебя похож. Но давай назовём его Бато.

– Давай. Бато так Бато.

– Положи его ко мне.

Иса хотел уж было выполнить волю суженой, но тут обратил внимание на то, что маленький Бато дышит прерывисто, неровно, с какими-то всхлипами. И если сразу после рождения он порозовел, то сейчас опять начал синеть. Это уловила даже Зайка, вопреки своему крайне неважному самочувствию.

– Исочка, что...с нашим...Бато? – взволнованно произ-

несла она. – Почему он... так... дышит?

– Не знаю, – не в состоянии оказался скрыть своё смятение отец. – Он... Он...

– Что?! Что он?!

– Он... Он задыхается!

– За... Задыхается?!

– Да!

– Иса... Исочка! – ни секунды не раздумывала Зайка. – Я тебя... прошу, Мой... Спаситель... Спаси... нашего... сыночка! Спаси ...нашего Бато!

– Как? Я не знаю что делать!

– Беги. Неси его скорее... К этому... К греку...

– Но я же не могу тебя бросить! – почти закричал Иса.

И лишь в этот миг он обратил внимание, что кожные покровы его любимой не просто побледнели, но стали синеть, а на чистом халате, которым он прикрыл Зайку, проступила кровь. Иса отбросил полу одежды и увидел, что из промежности жены тонкой-тонкой струйкой, но изливается кровь. Это был дурной знак. По опыту родов Иллы и со слов учителя Бато ему было известно, что вместе с детским местом и немного после него выходят остатки крови из утробы беременных. Но в данном случае имело место кровотечение...

– Исочка, ты... ещё... здесь? – уже не в силах открыть глаз, из последних сил молила его Зайка.

– Любимая моя, я не знаю... Я не знаю... как мне быть, – не по-мужски растерянно подал голос молодой отец.

– Ради...нашей любви...Мой Спаситель...я прошу...сохрани ...нашего сыночка...

И она запрокинула голову.

Смутно сознавая, что он творит, Иса поцеловал Зайку и побежал наверх, к дороге...

Прижимая маленького Бато к груди, Иса словно в тумане спешил в сторону Массалии. Мальчик хоть и подавал признаки жизни, но всхлипы его раздавались всё реже и реже. Приблизительно через полторы мили пути он прерывисто втянул в себя воздух в последний раз, а затем замолчал навсегда.

Иса застыл столбом на дороге, прижимая остывающее тельце к себе, словно надеясь его отогреть в лютую стужу. Но надежды были тщетны: маленький Бато не дышал. Пометавшись туда-сюда, Иса повернул обратно. Поначалу он беззастенчиво и совсем не мужественно плакал, безостановочно повторяя: «Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты нас оставил!...» Ибо Иса знал, что его ждёт у ручья. Однако, затем он будто отупел и в таком психическом ступоре шагал туда, где оставил любимую...

Спустившись к ручью, он обнаружил там бездыханную Зайку. Так он в одно мгновение вечности утратил всё самое дорогое, что было в его жизни. Оказалось, что он не сумел стать Спасителем...Оказалось, что высшую цену имеет вовсе не белый свет, но исключительно белый свет с бесцен-

ными любимыми существами.

Он похоронил в укромном, известном только ему местечке, Зайку и маленького сынишку. И положил камешки. И навсегда оставил там своё сердце... А для людей в своём осиротевшем теле он оставил свою бесконечно добрую и саднящую душу...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I

Минуло немало лет. В селение под названием Халкиса входил высокий стройный мужчина с выразительным лицом и следами пережитого в жизни земной. Это был Иса. После Антиполиса и Масалии он прошёл юг Галлии⁸⁹, а также Испанию, Мавретанию и Кириюнею⁹⁰. Он побывал в Карфагене, который римляне (называвшие другие народы варварами) разрушили дотла.

Он повидал мир. И повсюду он встречался с простыми работающими людьми, что жили в трудностях и лишениях. Но при всём при том в семьях их царили любовь и согласие.

Однако где бы он ни был в мире, устроенном по-римски, лишь только дело доходило до отношений между сословиями, племенами, народами, странами, везде одинаково царили несправедливость, угнетение и взаимное недоверие.

⁸⁹ Галлия – территория современной Франции.

⁹⁰ * Мавретания и Кириянея – территория нынешней Северной Африки.

По истечении долгого времени Иса добрался до Александрии, где смог в качестве наёмного матроса попасть на корабль, направлявшийся в Афины. Из Афин он добрался на остров Эвбея, где в городе Халкида пытался найти следы своего отца. Увы, там, как и в Халкидоне, поиски эти не увенчались успехом. И вот сегодня странник достиг Халкисы – небольшого рыбацкого посёлка на западном побережье Пелопоннеса, не ведая, что ожидает его здесь.

Иса шагал по окраине, направляясь в сторону причала и рынка, поскольку знал, что там, скорее всего, он сможет получить искомую информацию. Но не успел он миновать и нескольких домов, как вдруг услышал позади себя удивлённое восклицание: «Аркадий!... Аркадий! Ты ли это?!»

Путник замедлил быстрый шаг и оглянулся. Он увидел старика, который стоял в позе оранты, поражённо вскинув руки.

– Прости... Прости меня, о, незнакомец..., – продолжая стоять с воздетыми руками, промолвил старик, увидев, что неизвестный остановился. – Прости, я... обознался, поверив своим немощным глазам. Должно быть, под старость я совсем свихнулся. Как же ты можешь быть Аркадием, если... если ... Да и тебе, к тому же, вестимо, не больше двадцати годков?

– Мир тебе, уважаемый! – меняя направление движения, ответил Иса, приближаясь к старцу. – Ты ошибаешься в том, что я столь молод – мне уже двадцать девять лет. Но ты прав

в том, что мне нужен Аркадий из Халкисы.

– Тебе нужен Аркадий? – теперь, напротив, отказывался верить своим ушам пожилой собеседник.

– Да. Очень нужен.

– А-а-а... А зачем он тебе?

– Затем..., – запнулся в речи Иса. – Затем, что он... мой отец.

– То-то я гляжу..., – вновь едва ли не вонзил свой пристальный взор в него старожил Халкисы. – Чудны дела твои, Гименей!⁹¹ Н-да... Как твоё имя, молодец, и откуда ты?

– Меня зовут Иса, а прибыл я... издалека. Из Древней Реи.

– Будем знакомы. Моё имя Никеас. Давай сделаем так: я провожу тебя к одному человеку, а он уж решит, как быть. Здесь недалеко.

Никеас и Иса, миновав не более стадию, вошли в небольшую лавку, расположенную непосредственно в жилом доме. Внутри сидел торговец – мужчина лет пятидесяти.

– Мир тебе, Протеус! – поприветствовал его Никеас.

– Мир, достопочтенный Никеас, – откликнулся тот. – Как твоё здоровье?

– Смотри, кого я тебе привёл, – вместо традиционного ответа загадочно проговорил Никеас.

И стоило Исе показаться из-за старика, как Протеус вскочил, сделал оранту и долго, но молча рассматривал гостя.

⁹¹ * Гименей – божество брака и семьи у древних греков.

– Каково?! – первым прервал молчание довольный старик.

– Вылитый Аркадий! – не отводя взора от Исы, отозвался хозяин лавки.

– Этого молодца зовут Иса. Прибыл к нам...это...издалека. – Представил гостя Никеас. – И с его слов, он – сын Аркадия!

– Да? Очень может быть, – пребывая в состоянии лёгкой прострации, допустил такую гипотезу Протеус.

– А это Протеус – брат...кгм-кгм...Аркадия, – теперь обращаясь к визитёру, закономерно продолжил процедуру знакомства словоохотливый старик.

– Я рад встрече, – обратился Иса к Протеусу.

– Присаживайтесь, – предложил хозяин пришедшим, а когда те разместились, спросил чужестранца: – Кто ты? Откуда?

– Иса. Я из Древней Реи. Из селения Арет.

– Кто твоя мать?

– Её зовут Ма.

– Я потому выпрашиваю, – пояснил Протеус Никеасу, – что Аркадий по большому секрету поведал кое-что только мне и родителям...Да подыскал отцу и маме Аид место на Елисейских полях!...Брат рассказывал и про Древнюю Рею, и про Арет, и про любимую девушку Ма...Аркадий мечтал, чтобы она стала его женой.

– Стало быть! – аж подпрыгнул старичок. – Иса – твой племянник!

– Стало быть, так! – ответил Протеус. – Слово Аркадия для меня свято. Да и какие могут быть сомнения, если его копия сидит передо мной.

– Я был бы очень признателен, если бы мне сказали, где мой отец, – сдержанно напомнил Иса о своём интересе.

– Да, да! – лаконично подтвердил его право дядя по крови. – Тут такая история, родной мой Иса... Аркадий же был легионером. И когда он полюбил твою мать, то не мог больше убивать её... м-м-м... соотечественников. Он был воин, но не палач. А римляне порой не церемонились ни со стариками, ни с детьми... Однако, со службы просто так не отпускают. Брат же давал сакраментум⁹². А тут ещё связь с женщиной из бунтарского племени. И Аркадий вынужден был бежать. За это полагалось отсечение головы. Довольно долго брат скрывался здесь, в горах. Но однажды его выследили. Он не сдался. Погиб в схватке. Драться он умел. Похоронить его на общем кладбище не позволили. Он погребён недалеко. На отшибе.

На скромной могиле отца Иса по обычаям предков Аркадия выпил разбавленного водой красного вина с Протеусом и Никеасом. Вместе с тем, уже по обычаям своих пращуров со стороны матери, он возложил на место погребения памятный камешек.

– Ну, и кто же ты теперь? – не без любопытства осведо-

⁹² * Сакраментум (латинское Sacramentum) – присяга.

мился у него дотошный старичок. – Рей или спартанец?

– Я и рей, и спартанец, и иллириец, и просто Сын Человеческий, – лаконично ответил ему Иса.

II

Год спустя Иса на корабле прибыл в порт Яффу. Путь от Яффы до Арета занял у него неделю. На закате он приближался к своей маленькой Родине. Теперь он знал, кто он.

Ныне он ведал и то, где должно ему быть. Ибо здесь он родился. В Арете его заждалась мама. Тут находилась могила Оса. Здесь были его друзья: Андрей, Пётр и другие товарищи. Да даже легкомысленная Ма-Волнистые волосы и легионер Уда Изриот нуждались в нём.

Отсюда он начнёт своё служение, принеся людям Великую Веру, дарованную Са. Веру, которую невозможно растоптать. Веру, с которой люди обретут счастье.

На околице селения у него случилась знаковая встреча. Его окликнула какая-то женщина. Присмотревшись, он узнал Ма-Волнистые Волосы. Вид у Ма был какой-то... потасканный. За минувшие годы он растеряла всю свою красоту. Равным образом она утратила и независимое, самоуверенное выражение лица. Напротив, она стала какая-то потерянная.

– Мир тебе, Ма! – приветствовал он её.

– Иса, – призналась ему женщина, – а ты стал ещё привле-

кательнее, чем был прежде.

– Для мужчины это совершенно неважно, – ответил он ей.

– Ты так долго был за морями и лесами, – словно не слышала его Ма. – Вероятно, ты привёз много-много сокровищ, которых у тебя прежде не было.

– Я принёс вам всем неизмеримо более дорогое, – сказал ей Иса. – Божье Слово!